

**ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

**Сборник научных статей по материалам
Третьей конференции-школы
“Проблемы языка: взгляд молодых ученых”
(25-27 сентября 2014 г.)**

**МОСКВА
2014**

**ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

**Сборник научных статей по материалам
Третьей конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(25-27 сентября 2014 г.)**

**МОСКВА
2014**

*Утверждено к печати
Институтом языкоznания РАН*

УДК 8(045)

ББК 81

Рецензенты:

доктор филол. наук, проф. В.З. Демьянков,
доктор филол. наук, проф. О.А. Мудрак

Редколлегия:

к.ф.н. Е.М. Девяткина (отв. ред.),
к.ф.н. Д.С. Ганенков, к.ф.н. Ю.В. Мазурова,
к.ф.н. Д.В. Маховиков, к.ф.н. А.Б. Шлуинский

Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». – М.: Институт языкоznания РАН, Изд-во «Канцлер», 2014. – 287 с.

В сборнике представлены научные статьи, основанные на докладах Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», прошедшей 25-27 сентября 2014 года в Институте языкоznания РАН. Основные научные направления сборника: теоретическая лингвистика, сравнительно-историческое языкоznание, типология, психолингвистика, диалектология.

Сборник представляет интерес, прежде всего, для ученых-лингвистов, а также преподавателей высших учебных заведений, студентов.

ISBN 978-5-91730-387-1

© Авторы, 2014

© Институт языкоznания

Российской академии наук, 2014

© Изд-во «Канцлер», 2014

Предисловие

25-27 сентября 2014 года в Институте языкоznания РАН состоялась Третья международная конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых».

Основными направлениями работы являлись: теоретическая лингвистика, сравнительно-историческое языкоznание, описательная лингвистика, диалектология, типология, психолингвистика. Помимо докладов молодых ученых на конференции-школе были прочитаны лекции лингвистами с мировым именем чл.-корр. РАН, д.ф.н., проф. В.М. Алпатовым, д.ф.н., проф. В.Я. Порхомовским, д.ф.н., проф. Т.Е. Янко.

В настоящем сборнике представлены научные статьи, основанные на докладах Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Тематика статей охватывает различные аспекты лингвистики: от синтаксиса ранних детских местоимений до аспектуальной деривации в урало-алтайских языках. В большинстве случаев статьи отражают уровень проработанности тематики авторами. Работы, представленные в сборнике, основаны на материале различных языков мира: мегебский, тагальский, русский, мордовские, майя, куллуи, осетинский, башкирский, эстонский, марийский, удмуртский, венгреский, мансийский, энецкий, чувашский, хакасский, калмыцкий, монгольский и др.

Также в сборник включено несколько статей филологической тематики, в том числе, статья, основанная на докладе, прочитанном на Всероссийской конференции молодых ученых «Литературное и языковое пространство города» (29 мая 2014 года), организованной совместно Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Институтом языкоznания РАН.

Мы выражаем особую признательность участникам конференции-школы за плодотворное сотрудничество и надеемся на продолжение сложившейся традиции проведения подобных встреч в будущем.

Е.М. Девяткина

Е.В. Агеева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

Каузативы в мегебском языке¹

Настоящая работа посвящена рассмотрению каузативной морфологии в мегебском языке. Комбинация суффиксов *-aq*, *-aχaq* используется для выражения ситуации каузации. Каузируемый участник меняет падежное маркирование с эргатива на интерлатив при переходных глаголах, сохраняет экспериенциальное маркирование при экспериенциальных глаголах и остаётся немаркированным при непереходных глаголах. Каузативные формы глаголов *(b)alhes* ‘знать’ и *qumartes* ‘забывать’, кроме стандартной каузации, могут означать большую степень контроля участника над ситуацией. Двойные каузативы выражают каузативную ситуацию с тремя, реже четырьмя участниками. Форма двойного каузатива переходного глагола часто используется в ситуации простой каузации. Морфологический каузатив может выражать как контактную, так и дистантную каузацию.

Ключевые слова: *даргинские языки, мегебский язык, каузативы.*

In Mehweb, a Dargwa language of central Daghestan, the causative morpheme *-aq/(-aχaq)* introduces a causative situation. The causee changes its case from the ergative to interlative for transitive verbs, stays in interlative case for verbs that require an experiencer, and remains unmarked (in nominative case) for intransitive verbs. For verbs *(b)alhes* ‘know’ and *qumartes* ‘forget’, causative forms may signify the increase of participant’s control over the situation. The causer may be animate (a person or an animal) or inanimate (natural phenomena), and animacy status does not influence the causative construction. Double causatives carry the meaning of a causative situation with three or four participants. For transitive verbs, double causative means the same situation as the single causative. Contact

¹ Данное научное исследование (№13-05-0007) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г. Мы выражаем благодарность Д.С. Ганенкову, М.А. Даниэлю и А.Б. Летучему за ценные комментарии и помочь в подготовке этой статьи.

and distant causation may both be expressed by the means of morphological causatives.

Keywords: Dargwa languages, Mehweb, causative constructions.

1. О каузативах

Каузативная ситуация – это сочетание двух микроситуаций: причины и следствия [Холодович 1969], [Shibatani 1976]. С точки зрения формальной структуры, выделяют следующие группы каузативов:

- аналитические — ситуация каузации выражается отдельным предикатом;
- морфологические — каузативная форма образуется от основного глагола морфологическими средствами;
- лексические — каузативная ситуация выражается глаголом, морфологически не связанным с исходным глаголом;
- лабильные — глагол не меняет форму для выражения каузации.

С точки зрения семантики каузативы могут различаться по следующим параметрам:

- прямая и косвенная каузация;
- степень контроля, осуществляемая каузируемым участником над каузируемой ситуацией [Wierzbicka 1988];
- тип участия каузатора: фактитивная, ассистивная или пермиссивная каузация.

2. Каузативы в мегебском

Настоящее исследование выполнено на основе данных, собранных в ходе лингвистической экспедиции в с. Мегеб Гунибского района республики Дагестан в 2014 г.

2.1. Морфология

В [Магометов 1982] дано краткое описание каузативов в мегебском. Магометов отмечает наличие морфологических и аналитических каузативов. Морфологические каузативы образуются регулярно при помощи суффикса -aq. Отмечаются формы двойного каузатива с двумя такими суффиксами, но они встречаются редко.

Каузативные формы образуются регулярно путём прибавления суффикса -aq к глагольной основе:

(1)	b-ic-ib	b-ic-aq-ib
	N-рвать:PFV-AOR	N-рвать:PFV-CAUS-AOR

Ряд глаголов с основой, состоящей из одного согласного (g^w es ‘видеть’, ges ‘дать’, χ es ‘принести’, kes ‘привести’), образуют каузативные формы при помощи алломорфа суффикса - $aχaq$, причём стандартный вариант -aq неграмматичен:

(2) а.	g-ib	g- $aχaq$ -ib	*g-aq-ib
	дать:PFV-AOR	дать:PFV-CAUS-AOR	
б.	g-ub	g^w - $aχaq$ -ib	* g^w -aq-ib
	видеть:PFV-AOR	видеть:PFV-CAUS-AOR	
в.	$χ$ -ib	$χ$ - $aχaq$ -ib	* $χ$ -aq-ib
	принести:PFV-AOR	принести:PFV-CAUS-AOR	
г.	k-ib	k- $aχaq$ -ib	*k-aq-ib
	привести:PFV-AOR	привести:PFV-CAUS-AOR	

Как правило, глаголы в мегебском языке имеют перфективную и имперфективную основы, однако есть ряд глаголов с дефектной парадигмой. Такие глаголы образуют аналитические аналоги синтетических перфективных форм с помощью глагола (b)a $χ$ es ‘становиться’: например, (b)iges (b)a $χ$ ib ‘захотеть’, *dučirkes* (b)a $χ$ ib ‘засмеяться’, izes (b)a $χ$ ib ‘заболеть’, *rurkes* (b)a $χ$ ib ‘потечь’ и uzes (b)a $χ$ ib ‘начать работать’. Каузативная форма таких глаголов образуется присоединением суффикса -aq к глаголу (b)a $χ$ es (3а), или же к обоим глаголам пары (3б):

- (3) а. *pat'imiati-ni* $χ$ ali uz-es
 Патимат.OBL-ERG Али(NOM) работать:IPFV-INF
 w-a $χ$ -aq-ib
 М-становиться:PFV-CAUS-AOR
- б. *pat'imiati-ni* $χ$ ali uz-aq-as
 Патимат.OBL-ERG Али(NOM) работать:IPFV-CAUS-INF
 w-a $χ$ -aq-ib
 М-становиться:PFV-CAUS-AOR
- в. **pat'imiati-ni* $χ$ ali uz-aq-as w-a $χ$ -ib
 ‘Патимат заставила Али работать’.

Ряд глаголов выражает каузативное значение без изменения формы (лабильность):

- (4) а. unza abx-ib
 дверь(NOM) открыть:PFV-AOR
 ‘Дверь открылась’.

- б. *?ali-ni* *unza* *abx-ib*
 Али.OBL-ERG дверь(NOM) открыть:PFV-AOR
 ‘Али открыл дверь’.
- (5) а. *?ali* *w-a'ld-un*
 Али(NOM) М-прятаться:PFV-AOR
 ‘Али спрятался’.
- б. *?ali -ni* *vagva* *b-a'ld-un*
 Али.OBL-ERG камень(NOM) N-прятать:PFV-AOR
 ‘Али спрятал камень’.

Другие глаголы подобного типа – (b)iges ‘гореть’, (b)ar?es ‘собирать’, (b)erc’es ‘жарить’, (b)erq’wes ‘рваться/распарывать’, (b)ic’es ‘наполнять’, (b)or?es ‘ломать’, и abxes ‘открывать’.

В некоторых случаях возможно образование двойного каузатива (*luk*'-es – *luk*'-aq-es – *luk*'-aq-aq-es), однако его значение зависит от переходности исходного глагола (см. раздел «Семантика»).

Отметим, что, если в некаузативных формах возможны показатели -ib, -un и -ur (ба-в) (они распределены лексически, при этом показатель -ib является основным), то каузативные формы присоединяют показатель аориста -ib.

- (6) а. *b-ebk'-ib* *b-ebk'-aq-ib*
 N-умирать:PFV-AOR N-умирать:PFV-CAUS-AOR
 б. *b-erg-un* *b-erg-aq-ib*
 N-есть:PFV-AOR N-есть:PFV-CAUS-AOR
 aq'-ur *aq'-aq-ib*
 лить:PFV-AOR лить:PFV-CAUS-AOR

В мегебском возможно аналитическое выражение каузативных значений по схеме $V_o + a\partial as$ ‘заставить’ или $V_o + es$ ‘сказать’, но описание таких конструкций выходит за рамки этого исследования.

2.2. Падежное маркирование

При введении каузативной ситуации каузируемый участник при переходном глаголе меняет маркирование с эргатива на интерлатив:

- (7) а. *?ali-ni* *vagva* *b-alc'-un*
 Али-ERG камень(NOM) N-поднять:PFV-AOR
 ‘Али поднял камень’.

6. *pat’imati-ni* *?ali-ze /*?ali-ni* *karva*
Патимат.OBL-ERG Али-INTER(LAT) камень(NOM)
b-alc'-aq-ib
N-поднять:PFV-CAUS-AOR
‘Патимат заставила Али поднять камень’.

Каузируемый участник при непереходном глаголе остается немаркированным:

- (8) a. *?ali* *w-alħ-un*
Али(NOM) м-просыпаться:PFV-AOR
‘Али проснулся’.
б. *pat’imati-ni* *?ali* *w-alħ-aq-ib*
Патимат.OBL-ERG Али(NOM) м-просыпаться:PFV-CAUS-AOR
‘Патимат разбудила Али’.

При экспериенциальных глаголах каузируемый участник сохраняет экспериенциальное маркирование:

- (9) a. *?ali-ze* *χabar* *arħ-ib*
Али-INTER(LAT) сказка(NOM) слышать:PFV-AOR
‘Али услышал сказку’.
б. *pat’imati-ni* *?ali-ze* *χabar*
Патимат.OBL-ERG Али-INTER(LAT) сказка(NOM)
arħ-aq-ib
слышать:PFV-CAUS-AOR
‘Патимат рассказала Али сказку’.
- (10) a. *?ali-s* *inc* *big-es*
Али-DAT яблоко(NOM) хотеть:PFV-INF
b-aħ-ib
N-начинать-INF
‘Али захотел яблоко’.
- б. *pat’imati-ni* *?ali-s* *inc*
Патимат.OBL-ERG Али-DAT яблоко(NOM)
big-es *b-aħ-aq-ib*
хотеть:PFV-INF N-начинать:PFV-CAUS-AOR
‘Из-за Патимат Али захотел яблоко’.

2.3. Семантика

Каузативный суффикс вводит ситуацию каузации и дополнительного участника ($P(X, Y) \rightarrow Z$ делает так, что P'). Это относится как к непереходным (11), так и к переходным (12) глаголам:

- (11) a. dagu-be d-*aħ-un*
нога-PL(NOM) NPL-намокнуть:PFV-AOR
‘Ноги намокли’.
- b. ɻali-ni dagu-be d-*aħ-aq-ib*
Али-ERG нога-PL(NOM) NPL-намокнуть:PFV-CAUS-AOR
‘Али намочил ноги’.
- (12) a. ɻali-ni kung b-*elč-un*
Али-ERG книга(NOM) N-читать:PFV-AOR
‘Али прочитал книгу’.
- b. *pat'imiati-ni* ɻali-ze kung
Патимат.OBL-ERG Али-INTER(LAT) книга(NOM)
b-*elč-aq-ib*
N-читать:PFV-CAUS-AOR
‘Патимат заставила Али прочитать книгу’.

Помимо человека каузатором может выступать животное

- (13а) или явление природы (13б):

- (13) a. gatuli-ni ɺirqwa arc-aq-ib
кошка.OBL-ERG птица(NOM) лететь:PFV-CAUS-AOR
‘Кошка спугнула птицу’.
- b. ɻ^warli-ni ɻali-la *k'apa* arbuɻ-aq-ib
ветер.OBL-ERG Али-GEN шапка(NOM) терять:PFV-CAUS-AOR
‘Из-за ветра шапка Али потерялась’.

Каузативы глаголов (b)alhes ‘знать’ и qumartes ‘забывать’, в дополнение к обычному значению каузатива (14в) выражают некаузативное значение с большей степенью контроля участника (14б), при этом участник маркируется эргативом:

- (14) a. ɻali-ze uzi qumart-ur
Али-INTER(LAT) брат(NOM) забывать:PFV-AOR
‘Али забыл брата’.
- b. ɻali-ni uzi qumart-aq-ib
Али-ERG брат(NOM) забывать:PFV-CAUS-AOR
‘Али специально забыл брата (постарался выбросить его из головы)’.
- v. abaj-ni ɻali-ze uzi
мать.OBL-ERG Али-INTER(LAT) брат(NOM)
qumart-aq-ib
забывать:PFV-CAUS-AOR
‘Мать заставила Али забыть брата’.

- (15) a. *ʔali-ze* *q'urʔan'* *b-alh-an*
 Али-INTER(LAT) коран(NOM) N-знать:IPFV
 ‘Али знает Коран’.
- б. *ʔali-ni* *q'urʔan'* *b-alh-aq-uwe*
 Али-ERG коран(NOM) N-знать:IPFV-CAUS-CONV
 le-b
 быть-N
 ‘Али изучает Коран’.
- в. *učitij-ni* *ʔali-ze* *q'urʔan'*
 учитель.OBL-ERG Али-INTER(LAT) коран(NOM)
 w-ah-aq-ib
 M-знать:PFV-CAUS-AOR
 ‘Учитель обучает Али Корану’.

Двойной каузатив обозначает ситуацию с тремя участниками как при исходных непереходных (16а), так и при исходных переходных (16б) глаголах. В случае переходных глаголов конструкция с двойным каузативом интерпретируется так же, как с одиночным. Носители признают формы двойных каузативов грамматичными, но малоупотребительными.

- (16) а. *pat'imati-ni* *ʔali-ze* *di?*
 Патимат.OBL-ERG Али-INTER(LAT) мясо(NOM)
 b-arʔ-aq-aq-ib
 N-мёрзнуть:PFV-CAUS-CAUS-AOR
 ‘Патимат заставила Али заморозить мясо’.
- б. *pat'imati-ni* *ʔali-ze* *k'apa*
 Патимат.OBL-ERG Али-INTER(LAT) шапка(NOM)
 b-at-aq-aq-ib / b-at-aq-ib
 N-снимать:PFV-CAUS-CAUS-AOR
 ‘Патимат заставила Али снять шапку’.

Магометов [1982] приводит пример использования двойного каузатива в ситуации с четырьмя участниками: ‘Я заставлю жену заставить сына написать письмо Ибрагиму’. При переводе данного примера с русского носители пользовались исключительно аналитическими конструкциями с глаголами *aʔas* ‘заставить’ или *es* ‘сказать’. Однако перевод этого предложения на мегебский язык, приводимый Магомедовым, они также признавали грамматичным.

Кроме контактной, морфологический каузатив может выражать также и дистантную каузацию:

- (17) *pat’imati-ni* *janvarli-ze* *maza*
Патимат.OBL-ERG ВОЛК.OBL-INTER(INTER) овца(NOM)
b-erg-aq-ib
N-есть:PFV-CAUS-AOR
‘Патимат сделала так, что волк съел овцу (по неосторожности или специально)’.

Литература

1. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка. Фонетика и морфология. Махачкала, 1954.
2. Магометов А.А. Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси, 1982.
3. Холодович А.А., ред. Типология каузативных конструкций. Л., 1969.
4. Kulikov L. «Causatives». Haspelmath, Martin. Language typology and language universals: an international handbook. Walter de Gruyter, 2001. 886-898.
5. Shibatani, Masayoshi, ed. Syntax and Semantics. 6, The Grammar of Causative Constructions. Academic Press, 1976.
6. Wierzbicka A. The semantics of grammar. T. 18. John Benjamins Publishing, 1988.

О.С. Аристархова
МПГУ, Москва

О некоторых особенностях использования иноязычной лексики в работах русских философов¹

В статье исследуются особенности использования иноязычной лексики в работах русских философов. Рассматривается функционирование идиоматических выражений, философских терминов в собственно философских и дневниковых текстах русских философов.

Ключевые слова: иноязычная лексика, русские философы, философский текст.

The article centers on the problem of the use of foreign vocabulary in the works of Russian philosophers. The paper considers the functioning of idiom, philosophical terms in philosophical texts and diaries of Russian philosophers.

Keywords: foreign word, Russian philosophers, philosophical text.

Использование иноязычной лексики в целом характерно для языка русского философского текста XX-XXI вв. Частотность использования и выбор определенных лексем в работах различна и связана с проблемой идиостиля философа. Для отдельных дневников ее можно рассматривать как структурообразующий элемент (например, для дневников Франка и Друскина). Однако использование иноязычной лексики нельзя считать типологической характеристикой языка дневника русского философа.

Интересно отметить, что дневник Б. Грайса создавался в Германии с 1985–1986 гг., куда философ переехал в начале 1980-х гг. Он билингв, но в тексте нет терминов ни на немецком, ни на другом языке, хотя частотны ссылки на немецких философов: Хайдеггера, Гуссерля, Ницше, Канта. Их работы пересказаны философом на русском языке. Мы полагаем, что Грайс, хотя и пишет работы на немецком языке, работает и

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 13-04-00363 «Языковые параметры философских и поэтических текстов в России и Европе 19-21 вв.»).

преподает в Германии, все-таки идентифицирует себя как русского философа, а дневник важен для него как особая форма самовыражения.

В дневнике С.Н. Булгакова, который был написан в эмиграции, нет иноязычной лексики, но, напротив, присутствует устаревшая или церковно-славянская лексика:

(1) *Наипаче всего научайся смирению. Трудная эта наука, и многие она имеет ступени* [Булгаков 2008: 466].

(2) *Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим. И так в великом и в малом* [Там же: 423].

(3) *Доколе, Господи, доколе гневаешься на землю русскую? Потко оставил ее на поругание и развращение? Потко терпншии сатанинскую власть безбожников?* [Там же: 452].

Выбор такого способа изложения в тексте обусловлен, во-первых, особенностью этого дневника, который можно рассматривать на стыке духовного текста и личного дневника, а значит, использование церковнославянской лексики является требованием жанра. Во-вторых, нам кажется, что автор сознательно отказался от употребления иноязычной лексики, так как создание русского текста с элементами архаизмов возвращает его в дореволюционную Россию, по которой философ тоскует.

1. Идиоматические выражения и иноязычные слова и фразы.

Философы употребляет идиоматические выражения на разных языках: латинском (*sum cuique*²), немецком (*jenseits von ja und nein*³, *da liegt der Hund begraben*⁴), французском (*les extrême ites se touchent*⁵, *pendant*⁶), итальянском (*E pur si muove!*⁷).

Приведем примеры из дневника С.Л. Франка:

(4) «*Метафизика законна как переживание, но не как объект мысли, потому что как переживание, как данное психической жизни оно стоит, так сказать, jenseits von ja und nein*», оно не есть истина, а есть данное» [Франк 2006: 70].

² Каждому свое.

³ По ту сторону да и нет.

⁴ Вот где собака зарыта.

⁵ Крайности сходятся.

⁶ Наряду, в дополнение; соответствующее.

⁷ И все-таки она вертится.

(5) «*Словом – отчего же он все-таки не показал, что и наша жизнь, несмотря на все, прекрасна и может быть дорога и любима? Da liegt der Hund begraben*» [Там же: 57–58].

В собственно философском тексте, также имеет место употребление идиоматических выражений:

(6) «*Опыт трансцендирования во-внутрь, к духовному бытию, еще в большей степени, чем опыт трасцендирования во-вне, к «ты», учит нас благоговейному трепету перед бытием, открывает нам бытие как единство mysterium tremendum и mysterium fascinosum*» [Франк 2007: 292].

Иноязычная лексика используется в дневниках Я.С. Друскина и С.Л. Франка в качестве **эвфемизмов**, когда написание такой же фразы в тексте на русском языке кажется автору невозможным. Как отмечают лингвисты [Ковшова 2007, Крысин 2004], использование иноязычной лексики один из лексико-семантических способов создание эвфемизмов.

В дневнике Друскина есть такая запись:

(7) «*Относительно удовольствия второй степени я не уверен, принадлежит ли оно к реальному или воображаемому. Например, какие-нибудь приятные песенки принадлежат к удовольствиям первой степени: Wein, Weib und Gesang⁸, а Пятая симфония Чайковского – или к удовольствиям первой степени, или вообще к воображаемому удовольствию*» [Друскин 1999: 298].

Здесь философ описывает разные ступени человеческих удовольствий, высшей из которых является 5-я симфония Чайковского⁹. В данном случае написание в одном предложении удовольствий низшего и высшего порядка для философа невозможно. Философ хочет подчеркнуть, что они совершенно разные, и поэтому не могут быть написаны даже на одном языке. В немецком языке слово *Weib* маркировано как грубое, просторечное и переводится как ‘баба’. В данном случае слова *песенки* и *симфония* можно рассматривать как контекстуальные антонимы.

⁸ Вино, женщина (баба) и песня (нем.).

⁹ Выделение музыкального произведения в качестве высшего наслаждения связана у Я.С. Друскина с личными причинами. Он профессионально занимался музыкой, закончил музыкальную школу, а в конце жизни написал работу о Брамсе.

Использование немецкого языка в следующем примере, как нам кажется, связано с этическим соображениями, однако, ненаписание данного предложения противоречило бы основному принципу, который был заложен С.Л. Франком по отношению к своему дневнику¹⁰:

(8) «*И все это два года без перерыва, и все это с сознанием, что настоящее счастье невозможна. Да, der Tod ist gut, doch besser wär's, die Mutter hätt's uns nie geboren*¹¹» [Франк 2006: 39].

Использование иноязычной лексики связано с возможностью **расширения значения** слова в собственном тексте за счет существующего значения в другом языке.

(9) «*Ей было очень плохо, на меня же нашло затмение. Это уже не подсознательное Schuldbeußtsein¹², а вполне ясное сознание вины, но пришло уже после 16.X. Я был виноват в своем затмении, здесь нет никакого извиняющего обстоятельства, это мой грех навеки, жало в плоть до конца моих дней. Пошли мне второй знак, Господи, дай знак Фомы*

» [Друскин 2001: 34].

В данном примере значение ‘сознание своей виновности’ за счет особенностей немецкого слова сворачивается в одну лексическую единицу. В русском языке нет таких словообразовательных возможностей, тогда как особенность немецкого языка позволяет Друскину выразить этот смысл одним словом. Таким образом, иностранное слово помогает создать более лаконичную фразу.

(10) «*Пантеистическое состояние все же Naturreligion¹³*» [Там же: 45]. В этом примере использование иноязычной лексики тоже направлено на создание термина.

Лаконичность и позиционирование иноязычного слова как термина ярко выражено и в следующем примере:

(10) «*Антиципирующее толкование – не модернизирование. Оно исходит из того, что останется во мне, когда я*

¹⁰ «Пусть он будет моим двойником, в котором будет все, что есть во мне чистого, духовного, мужественного и честного. И да будет проклят тот день, когда стыд помешает мне поделиться с этим другом!» [Франк 2006: 31].

¹¹ Смерть хороша, однако было бы лучше, если бы мать нас никогда не рожала (*нем.*).

¹² Сознание своей виновности (*нем.*).

¹³ Примитивная религия, анимизм (*нем.*).

отказываюсь от всяких своих и современных взглядов, от всего Bestehendes¹⁴» [Там же: 39].

Как нам кажется, использование здесь немецкого слова поддерживает ритмическую организацию высказывания, ведь в результате включения слова Bestehendes усиливается рифма.

В работах философов наблюдается рефлексия по отношению к иноязычному слову. Например:

(11) «*Langeweile¹⁵ – длинное время. То есть само время и есть скука; развлекательность – его заполнение, мгновение – его устранение, то есть несущность времени*» [Друскин 2001: 113].

Langeweile по-немецки переводится как ‘скука’, это приводит позже философ. Однако, определяя данное слово как ‘длинное время’, он возвращается к выражению *время тянется, когда нечего делать*.

Иногда при заимствовании иноязычного слова происходит нарушение его грамматического согласования по роду. В дневнике Я.С. Друскина род слова *Beschaffensein* меняется в зависимости от контекста, хотя в немецком языке это слово среднего рода:

(12) «*У религиозных гениальных и творческих людей внутренняя религиозность была настолько плодотворна, что не довольствовалась формулированием жизни, но проецировалась в бесконечное, чтобы оттуда вернуться назад под видом трансцендентного... Вера – это Beschaffensein¹⁶. Эта Beschaffensein противнее материализма и атеизма, они просто глупы, Beschaffensein – лицемерие*» [Друскин 2009: 244].

Данное существительное можно считать авторским неологизмом, так как в немецком языке нет такого слова. Оно образовано от слова *beschaffen* в значении ‘иметь те или иные свойства’ и глагола *sein* ‘быть’. Дословно можно перевести как ‘обладать самому какими-то свойствами’ или ‘отражение себя’. Таким образом, происходит грамматическая трансформация. Сначала использование этого слова в качестве определяющего (*Вера – это Beschaffensein*), а потом происходит переворот: и слово *Beschaffensein* становится определяемым (**Beschaffensein – это вера*). В результате такого перехода оно становится женского рода и выступает в следующем предложении (Эта *Beschaffensein*).

¹⁴ Существующее, установленное, принятое, «как все» (нем.).

¹⁵ Скука (нем.).

¹⁶ По смыслу: отражение **своего** в себе (нем.). Точного перевода нет.

Таким образом, для Друскина не важен грамматический род, а первично то значение, которое несет в себе слово.

2. Иноязычные философские термины в работах философов

Для текстов русских философов характерно одновременное употребление и перевода, и оригинала одного и того же термина. Для философа важен первоисточник, понимание термина как общефилософского.

(11) «*Единое, непознаваемое, пресущественное (*ὐπερούσιον*), самоблагостное (*αὐτοτάγαθον*), именуемое тройственным единством, единобожественное (*όμοθεον*) и единоблагое (*όμοαγαθόν*) невозможно ни высказать словом, ни понять умом» [Булгаков 1994: 106].*

(12) «*Так возникает у нас основная идея того, что Кант называл «вешью-в-себе», Ding an sich*» [Франк 2007: 53].

В работах философов наблюдается использование авторских философских терминов на языке оригинала. Например, термины Г. Зиммеля (als ob) и Н. Кузанского (docta ignoratia):

(13) «*Одни говорят: есть истина – наука, 2*2=4. И это Бог. Другие говорят: нет истины, но как бы (als ob¹⁷). И есть Бог: как бы Бог. Но никому не нужен ни научный Бог, ни как бы Бог*» [Друскин 1999: 205];

(14) «*Верно ли? А звезда бессмыслицы? Docta ignoratia¹⁸? Правда, я здесь говорю о шокирующем непонимании*» [Там же: 288].

Применительно к термину Кузанского мы видим авторскую трактовку этого термина в дневнике Друскина. Мы полагаем, что в данном случае философ специально написал данный термин на латыни, чтобы потом дать собственный перевод.

Многие философские термины и лексика не имеют точного эквивалента в русском языке или их значение в шире, чем в русском. Философ вынужден указывать иноязычное слово, чтобы подчеркнуть всю полноту его значения.

(15) «*В «мы-бытии» преодолевается – хотя и сохраняется (в двойном, гегелевском смысле слова aufheben¹⁹) – сама противоположность между «я есмь» и «ты еси», между «я» и «ты»* [Франк 2007: 263].

¹⁷ Как бы, словно бы (нем.).

¹⁸ Мудрое незнание (лат.).

¹⁹ Поднимать, сохранять (нем.).

Я.С. Друскин использует термин М. Хайдеггера *man*, который приводит в кавычках. Его довольно трудно перевести на русский язык, так как изначально *man* не имеет собственного значения в немецком языке, а функционирует в качестве подлежащего в неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях. Например, *man sagt* ‘говорят’, *man pocht an die Tür* ‘в дверь стучат’. В данном контексте его можно перевести так: «Когда же он писал свои тракты, был, кажется, *не настоящим* (*uneigentlich*), пребывал в *чем-то неопределенном, абстрактном* (*Man*)».

(16) «*Когда Майстер Экхарт произносил свои проповеди перед людьми, у него была или он был eigentliche Existenz*²⁰. *Когда же писал свои трактаты, был, кажется, uneigentlich, пребывал в «Man»*²¹ [Друскин 2001: 24-25].

Русские философы в своих дневниках используют не только философские термины на русском языке, но и на немецком, латинском, греческом. Особенность данного употребления состоит в том, что все указанные термины имеют эквиваленты в русском языке, однако, во-первых, для философа важен первоисточник, а во-вторых, рассмотрение, понимание данного слова или выражения как *термина* без относительности к языку. В том случае, если это авторский термин, то подобное написание подчеркивает природу его происхождения.

Важно отметить, что некоторые иностранные слова, функционирующие в текстах философов как философская лексика, не являются таковыми в своем языке. В большей степени это характерно для текстов Я.С. Друскина. Философ создает собственные авторские философские термины, из лексики на иностранном языке. Приведем примеры:

(17) «*Содержания не потеряли свою Eigentlichkeit*²²» [Друскин 2001: 25]

(18) «*Во-первых. Вот два пути: один путь – не путь, но акт – μετάνοια*²³. Второй путь – нравственного и религиозного совершенствования» [Там же: 19].

²⁰ Подлинный вид, существование (нем.).

²¹ Термин М. Хайдеггера.

²² Подлинность (нем.).

²³ Обращение, раскаяние (гр.).

(19) «*Падение – actus forensis*²⁴. Сам по себе Адам именно не мог пасть, как не может пасть ни одна сотворенная Богом тварь» [Там же: 37].

В основе авторской философской лексики лежит живое слово, значение которого философ берет за основу и создает философский термин.

Следует отметить, что интерес к абстрактным существительным, переводимым на русский язык с помощью суффикса *-ость* (*Eigentlichkeit* – ‘подлинность’), продолжается и на примере использования немецких слов. Некоторые слова на *-ость* в русском языке (например, *плоскость, погрешность*) являются авторской философской лексикой в работах Я.С. Друскина. Таким образом, слова, образованные в немецком языке с помощью суффикса *-keit* и переводимого на русский язык как *-ость*, также представляют интерес для философа и могут позиционироваться им как авторская философская лексика.

Использование иноязычной лексики, безусловно, формирует лексический образ, словарь исследуемого текста. Иноязычную лексику, используемую в текстах русских философов, можно разделить на две группы: иноязычные слова, фразы, в том числе и идиоматические выражения, и философские термины.

Литература

1. Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994.
2. Булгаков С.Н. Дневник Духовный // С.Н. Булгаков Дела и дни: Статьи 1903–1944. Мемуарная и дневниковая проза. М., 2008. С. 412–524.
3. Грайс Б. Дневник философа. Париж, 1989.
4. Друскин Я.С. Дневники. СПб., 1999.
5. Друскин Я.С. Перед принадлежностями чего-либо: Дневники 1963–1979. СПб., 2001.
6. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современный русских эвфемизмов. М., 2007.
7. Крысин Л.П. Эвфемизмы в русской речи // Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. М., 2004. С. 262 – 286.
8. Франк С.Л. Дневник // С.Л. Франк Саратовский текст. Саратов, 2006. С. 31–111.
9. Франк С.Л. Непостижимое. М., 2007.

²⁴ Судебный акт (лат.).

Е.А. Бакланова
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

О влиянии заимствований на тагальский язык (с замечаниями о новой «Государственной орфографии»)

Интенсивный и продолжительный контакт тагальского языка (ТЯ) с такими языками, как китайский, малайский (и опосредованно – санскрит), испанский, английский, их престижный статус привели к заимствованию ядерной лексики, а также грамматических элементов (испано- и англоязычных) на фоне развития билингвизма.

Показаны важные системные изменения в ТЯ на лексико-семантическом уровне (дифференциация лексики, семантические заимствования); фонетическом уровне (изменение фонотактики, взаимовлияние фонетики испанизмов и англицизмов); в морфологии (заимствование грамматических морфем, гибридные неологизмы). Также рассматриваются спорные пункты нового издания «Государственной орфографии» Филиппин, касающиеся внедрения иноязычных букв в алфавит и проблемы взаимовлияния испанизмов и англицизмов.

Ключевые слова: заимствования, языковой контакт, тагальский язык, филиппино.

The intensive and continuous contacts of Tagalog with such languages as Chinese, Malay (and via it, Sanskrit), Spanish, English, as well as the prestige of the donors have led to the borrowing of their core lexicon and even grammatical morphemes, along with the growth of bilingualism in the country.

We shall see some important changes in the Tagalog system on different levels, namely: the semantic differentiation and shifts on the lexical level; modifications of the Tagalog phonotactics, as well as the mutual influence of Spanish and English borrowed cognates and false cognates – on the phonological level; creation of hybrid neologisms and borrowing of grammatical morphemes into the Tagalog morphology. We shall also consider some doubtful points of the new “State Orthography” of the Philippines, which concern the introduction of new foreign letters to the alphabet, and the interrelation of Spanish and English borrowed false cognates.

Key words: borrowing, language contact, Tagalog, Filipino.

1. Языковые контакты

Тагальский язык (далее ТЯ), в качестве государственного языка Филиппин именуемый *филиппино*, на разных этапах истории ассимилировал значительное число заимствований из целого ряда языков. В разной степени последствия языковых контактов ТЯ рассматривали как филиппинские лингвисты (Э. Гонсалес, С. Лопес, Э.А. Мануэль, Х. Панганибан, Х. Франсиско, Г. Чан Яп), так и западные (Ф.Блейк, Дж. Вольф, Р. Гуле, Д. Зорк, Р. Томпсон) и отечественные (в т.ч. В.А. Макаренко, Ю.И. Студеничник, Л.И. Шкарбан). Однако вопросы, связанные с адаптацией в ТЯ заимствованной лексики и ее влиянием на реципиент, требуют дальнейшего изучения.

Основной контакт ТЯ с южными диалектами **китайского языка** специалисты относят к периоду X-XV вв. В это время активизируется китайская торговля и коммерция в Манильском регионе, растет число китайских поселенцев, свободно вступавших в брак с местными жителями, подробнее см., например [Zaide 1979, I: 51-56]. **Малайский язык**, по мнению исследователей, был своеобразным *lingua franca* в Манильском регионе уже в IX-X вв. и до прихода испанцев в XVI в. Так, Джон Вольф подчеркивает, что базовая семантика выделенных им из ТЯ малаизмов указывает на наличие в раннем филиппинском обществе большой и влиятельной группы тагало-малайских билингвов [Wolff 1976: 353-356]. Малайский язык считают и основным посредником в проникновении **санскрита**, также обладавшего престижем в регионе, на Филиппины с X в. до XIV-XV вв. [Wolff, там же; Salazar 1998: 69-70]. В XVI в. началась колонизация архипелага Испанией, и **испанский** оставался на Филиппинах языком колониальной администрации и местной элиты до конца XIX в. Замена в XVI-XVII вв. филиппинского слогового письма на латиницу способствовала усилению влияния испанского языка на ТЯ и облегчила ассимиляцию заимствований. Словарь современного ТЯ может содержать до 20 % испанизмов [Steinkruger 2008: 213]. На рубеже XX в. власть на Филиппинах захватили США, и **английский язык** стал активно вытеснять испанский. Конституция Филиппин 1973 г. закрепила за английским языком статус второго официального языка Республики. К настоящему времени он стал основным средством общения в политике, экономике, общественной жизни, культуре, а англо-филиппинский билингвизм приобрел характер

массового явления (подробнее см. [Бакланова 2013: 180-181; Фролова 2014]).

2. Влияние заимствований на лексическом уровне ТЯ¹

2.1. Характерными системными факторами, вызывающими **взаимодействие исконной и заимствованной лексики в ТЯ**, являются:

а) разгрузка многозначности лексем ТЯ за счет иноязычных синонимов, например: таг. *gawáq* ‘работа, труд; дело, занятие; производство; сооружение чего-л.’ и *trabáho* (< исп. *trabajo* ‘работа, труд; действие’) ‘работа, занятие’; таг. *bílaŋ* ‘счет; количество; число, номер; служ. в качестве’ и *iskór* (< англ. *score* ‘зарубка, метка; счет, долг; счет очков; др.’) ‘счет очков’;

б) функциональная или стилистическая дифференциация значений иноязычных и исконных лексем, оказавшихся в положении свободного варьирования: *patáy* ‘мертвый, убитый’ и *pasláŋ* (< кит. хак. *phà/* ‘бить’-*sì* ‘умирать’-*láng* ‘личность’, т.е. ‘убить (человека)’) ‘убитый человек (особ. о политическом убийстве)’; *suklíq* (< кит. *chao* ‘размен, сдача’ -*chi* ‘деньги’) ‘сдача, мелочь’ и *baryá* (< исп. *variar* ‘менять(-ся)’) ‘мелкая монета’ (но не ‘сдача’). Многие носители современного ТЯ пользуются тремя системами имен числительных – тагальской, испанской и английской. Для арифметических вычислений используются английские числительные; для называния цены за количество — смешанная испано-тагальская, либо английская система. Для малого счисления в обиходе чаще используется тагальский счет, а для называния крупных чисел — испанизмы и англицизмы, а также санскритизмы *laksáq* ‘десять тысяч’ (< *lakṣa* ‘сто тысяч; точка; знак’[Monier-Williams 1988: 891]) и *yútaq* ‘сто тысяч’ (< *niyuta* ‘закрепленный; очень большое число, обычно миллион’[Monier-Williams 1988: 552])².

в) может происходить вытеснение исконной лексики, а также ранее усвоенных заимствований, полностью, или из регулярного употребления: *salapíq* ‘деньги’ (<? кит. кантон. *chaù* ‘дешевый; монета; мелочь’ – *bui* ‘деньги’, т.е. ‘деньги’) вытесняется из регулярного употребления лексемами *péra* (< исп.-мекс. *pera/pela*

¹ Для удобства прочтения лексика из ТЯ, малайского, санскрита и китайского языков здесь и далее дается в фонетической транскрипции. Орфография испанских и английских единиц сохранена.

² Подробнее см. [Бакланова 2009: 26].

‘сентаво’) и *máni* (< англ. *money*) ‘деньги’; таг. *pagliliwalíw* ‘увеселительная поездка’ вытеснен лексемами *byáhe* (< исп. *viaje*) и *trip* (< англ. *trip*) ‘поездка, путешествие’.

Вышеупомянутый интенсивный контакт ТЯ с языками-донорами, их престижный статус и наличие в периоды контакта прослойки билингвов привели к появлению в ТЯ значительного числа заимствований, относящихся к базовому словарю. На основе анализа данных проекта М. Хаспельмата «Типология заимствования» (LWT) [Haspelmath 2008; Haspelmath&Tadmor 2009] мы установили, что даже для «наименее заимствуемых» значений, выявленных в LWT, в ТЯ имеется целый ряд заимствований, в т.ч. вытеснивших полностью или из некоторых сфер узуса исконные единицы. Из 246 лексических значений с процентом заимствований менее 1% (по LWT) в ТЯ найдены следующие 12:

Тагальская лексема	Этимон	Заимствуемость значения (по LWT, в %)
<i>dalíriq</i> ‘палец’ (ср. PMP *taŋan ‘палец (на руке/ноге)’, таг. <i>táŋan</i> ‘схватченное, взятое’)	мал. <i>jari</i> ‘палец’	0.05
<i>áte</i> ‘старшая сестра’	кит. хак. <i>a+ci</i> ‘форма обращения к старшей сестре’ [Yap]	0.06
<i>kúya</i> ‘старший брат’	кит. хак. <i>ko+a</i> ‘форма обращения к старшему брату’ [Yap]	0.06
<i>dítse</i> ‘вторая по старшинству сестра’	кит. хак. <i>di+ci</i> ‘форма обращения ко 2-й по старшинству сестре’ [Yap]	0.06
<i>bunsóq</i> ‘младший ребенок в семье’ (ср. PMP *udehi ‘последний, поздний; младший ребенок’, таг. <i>hulí</i> ‘последний; поздний’)	мал. <i>bóŋsu</i> / <i>búŋsu</i> ‘младший ребенок’ [Blust]	0.06
<i>kantá</i> ‘песня’ (в речи горожан вытесняет таг. <i>áwit</i> ‘песня’)	исп. <i>cantar</i> ‘петь’	0.06

asím ‘кислый’	мал. m-asam (*esem) ‘кислый, кислота’	0.06
alám ‘знаемое’ (ср. PAN *bajaq ‘знаемое, понимаемое’, таг. batíd ‘известное, понимаемое’)	араб. a 'lam ‘всезнающий’	0.07
lábi ‘губа’ (ср. PMP *bibíR ‘губа’; таг. bibíg ‘рот’)	исп. labio ‘губа’	0.08
úsap ‘разговор, беседа’ (ср. PMP baqbaq ‘говорить, сказать’)	мал. íčap ‘произнесение (эмоц.)’ [Blust]	0.09
pandáy ‘кузнец’	мал. pandei ‘знаток; ремесленник < скр. paṇḍita ‘мудрый, знающий; ученый; философ, пандит’ ([Monier-Williams 1988: 580])	0.09
bráso ‘рука (до кисти)’ (ср. PMP *baRa ‘рука \ кисть руки’, мал. leŋan ‘рука’)	исп. brazo ‘рука’	0.09

Заемствования пополнили и служебный словарь ТЯ, например: санскритизмы *íṛpang* ‘чтобы’ (< *upa* ‘к; на; по направлению к; с’ ([Monier-Williams 1988: 194] + АТПР), *samantála* ‘в то время как’ (< *samanantara* ‘непосредственно следующий за; тесно связанный’ [Monier-Williams 1988: 1154]); испанизмы *ni* ‘ни’, *o* ‘или’, *pára* ‘для, чтобы’, *régo* ‘но’, *pórke* ‘потому что’. Испанизм *mas* ‘более’ (< исп. *más*) вошел в инвентарь парадигмы построения сравнительной степени прилагательных: таг. *magandá* ‘красивый’ – *magandá pa* / *mas* *magandá* ‘более красивый’. Ошибочным представляется утверждение П. Штайнкрюгера, что «ни одна из многочисленных дискурсивных частиц тагальского языка не происходит из испанского» [Steinkruger 2008: 213]. Например, в ТЯ функционируют испанизмы *bastá* ‘лишь бы; при условии, что’ (< *basta* (*que*) ‘хватает; достаточно, чтобы’), *pórke* ‘потому что’ (< *por que*), *sigúro* ‘наверное, возможно’ (< *seguro* ‘уверенный; страхование; безопасность’), *masyádo* и *sóbra* ‘слишком, очень’ (< *demasiado* ‘чрезмерный; слишком’; *sobra* ‘излишек’) и др.

2.2. В результате влияния заимствований на систему ТЯ на лексическом уровне, в реципиенте появляются различные виды **семантических заимствований** как сдвига употребления слов или комбинаций морфем ТЯ под влиянием семантики инолексемы:

а) смысловые расширения — результат перенесения семантики слова-донора на уже существующую в ТЯ лексему со сходным смыслом или фонетическим составом, что приводит к расширению значения / круга значений последней. Пример семантически обусловленного расширения — *kalíhim* ‘доверенное лицо, секретарь’ + ‘министр’ (от англ. *secretary* ‘секретарь; министр’); фонетически обусловленного расширения — *kámbas* (< англ. *canvas* ‘холст; полотно, парусина, брезент’) ‘холст; полотно, брезент’ + ‘проверка, расследование’ (от англ. *canvass* ‘обсуждать, дебатировать; ходатайствовать; проверка результатов голосования’). Семантические расширения в ТЯ могут быть результатом ошибочного истолкования однокоренных слов из испанского и английского языков как эквивалентных, например: *direksyón* (< исп. *dirección*) ‘направление; адрес; управление’ + ‘директива, инструкция, команда’ (от англ. *direction*, ср. исп. *directiva* ‘директива’).

б) Неологизмы — новые комбинации из лексического материала ТЯ, в т.ч. ранее заимствованного, создаваемые для выражения новых значений. Примеры калек: *tawágín ang pansín* (букв. ‘призвать внимание’) < исп. *llamar la atención* (букв. ‘призвать внимание’) ‘обратить чье-л. внимание’; *damáhin ang púlso* (букв. ‘чувствовать пульс’ < исп. *pulso*) < англ. *to feel the pulse* (букв. ‘чувствовать пульс’) ‘щупать пульс; перен. держать руку на пульсе’ (ср. исп. *tomar el pulso*, букв. ‘брать пульс’). Примеры индуцированных неологизмов (*induced creations* по Э. Хаугену [Haugen 1953]) как результата создания нового слова, эквивалентного по смыслу иноязычному, но не имеющего с ним формальной аналогии: *padér-log*, букв. ‘стена-река’ (< исп. *pared* ‘стена’) ‘ набережная’, ср. исп. *malecón*; *talátinígán*, букв. ‘звуки-в-списке’), т.е. ‘словарь’, ср. исп. *diccionario*.

3. Влияние заимствований на фонологическом уровне ТЯ

Под воздействием большого числа заимствований с фонетическим составом, не соответствующим нормам

реципиента, происходит перестройка отдельных сегментов фонологической системы ТЯ³.

3.1. В рамках подсистемы заимствований сохраняется нехарактерная для ТЯ фонетика и фонотактика:

- структура слога типа CVC, CV, VC, V и преобладание двусложных корней нарушаются: в санскритизмах встречается ‘взрывной+h’ (*mukháq* ‘лицо’, *palibhásaq* ‘поскольку, так как’); не разгружаются стечения согласных в испанизмах и англизизмах (*Disyembre* ‘декабрь’, *stroberi* ‘клубника’);

- закрепляются нехарактерные для ТЯ начальная позиция /r/ и интервокальное положение /d/ (*rábanó* ‘редис’, *bida* ‘героиня, главный персонаж’);

- возникают фонологические оппозиции /e/—/i/ и /o/—/u/, в тагальской системе являвшиеся парами аллофонов: англизмы *rep* ‘ручка’ — *pin* ‘булавка, шпилька; кнопка; брошь’, *kartón* ‘картон’ — *kartiún* ‘комикс; мультипликация’.

3.2. В собственной фонологии ТЯ отмечены следующие изменения:

- **случаи фонетической «гиперкоррекции**, например:
а) вставка /h/ в ряде заимствований, не имевших соответствующих аспират: скр. *āgama* ‘получение знаний; традиционная доктрина, священная наука; др.’ ([Monier-Williams 1988: 129] > таг. *aghám* ‘наука’ (ср. мал. *agama* ‘религия’); скр. *parabhoga* ‘радость, соитие; средства для радости; нелегальное использование чужого’ ([Monier-Williams 1988: 598] > таг. устар. *alibugháq* ‘безответственный; мот, расточительный’; мал. *beliŋút* ‘растяжение (связок), вывих’ > таг. *baliŋhát* ‘вывернутый наизнанку’ [Baklanova 2004: 106-107]; б) замена исконных фонем /s/ и /θ/ на аффрикату /tʃ/ по аналогии с испанизмами типа *tsinélas* (< **chinelas**) ‘туфли’, *tsukuláte* (< **chocolate**) ‘шоколад’: *tſulápa* (< исп. *solapa*) ‘отворот, лацкан’, *tſíntsa* (< исп. *cincha*) ‘подпруга’ [Lopez 1973: 748-749]. В разговорной речи тагальских билингвов сейчас популярна гибридная форма *salámatʃ* ‘большое спасибо’ < таг. *salámat* ‘спасибо’ + англ. *much* ‘много; очень’;

- **появление пар слов, различаемых на основе противопоставления гласных /o/—/u/ и /e/—/i/:** *bótas* ‘башмак’ (< исп. *botas* ‘башмаки, ботинки’) — *bútas* ‘дыра’ [Шкарбан 1995]; *bénta* (< исп. *venta* ‘продажа; распродажа’) ‘аукцион,

³ Подробнее см.: [Шкарбан 1995: 30-31, Baklanova 2004: 104-108].

рынок; продажа; готовая одежда’ — *bínta* ‘быстроходная парусная лодка’, *rátí* ‘священник’ — *ráge* разг. вок. ‘старина’;

— влияние освоенных заимствований из одного языка-донора на лексемы из другого языка. Активное усвоение испаноязычной, а затем англоязычной лексики в современном ТЯ приводит к 1) «англизации» испанизмов, т.е. их фонетическому оформлению по образцу однокоренных англизмов, и наоборот — 2) «испанизации» англизмов (в т.ч. по образцу наиболее распространенных в ТЯ форм испанизмов):

(1) исп. *prioridad* > таг. *prayoridád* ‘приоритет’ — от англ. *priority* (-/ay/-); исп. *resulta* > таг. *resúltta* / *risúlt* ‘последствие, результат’ — от англ. *result*;

(2) англ. *atheist* > таг. *ateísta* ‘атеист, безбожник’ — суффиксы рода *-a/-o* в конце слова характерны для многих испанизмов в ТЯ (ср. исп. вариант *ateo*); англ. *materialistic* ‘материалистический; меркантильный’ > таг. *materialístiko* ‘материалистический’ (ср. исп. *materialista*).

4. Влияние заимствований на уровне морфологической системы ТЯ отражается в ряде языковых фактов.

4.1. Ошибочная интерпретация морфемного состава заимствования, при которой носители ТЯ неверно определяют корень заимствованного слова и его значение, что иногда приводит к использованию ложного «корня» в словообразовании ТЯ. Так, малаизм *dalubhásaq* ‘специалист, эксперт’ (< мал. *juru* ‘эксперт’ + *bahasa* ‘язык’, т.е. ‘переводчик’) был неверно разложен на *dalub* + *hásaq*, в результате чего исконно таг. *hásaq* ‘точить, обтачивать’ приобрело второе значение ‘проверка знаний, тренировка’, а сегмент *dalub-* как корень со значением ‘специалист’ вошел в состав неологизмов *dalub-ağhám* ‘ученый’, *dalub-síníng* ‘искусствовед’, *dalub-wíkaq* ‘лингвист’ и др. В санскритизме *paligsá* ‘тест, проверка’ (< *paríkṣā* ‘исследование, расследование; проверка’ ([Monier-Williams 1988: 605]) начальное **ра-**, по-видимому, было ошибочно воспринято как каузативный префикс **ра-**, в результате чего в словарях лексема представлена как дериват «корня *ligsá*» со значением «проверка» [English 1986; Рачков 2012].

4.2. Создание гибридных неологизмов с использованием ассимилированных заимствований в ТЯ. Так, Дж. Вольф убедительно показал на фонологических соответствиях

общемалайского словаря, что из отдельных малаизмов состоят сложные тагальские лексемы *dalamhátiq* ‘скорбь, печаль’ (< мал. *dalam* ‘глубоко, внутри; двор, внутренняя часть дворца’ + *hati* ‘печень, средоточие чувств’), *lapastájan* ‘непочтительный; кощунственный, нарушающий’ (< мал. устар. *lēpas* ‘свободный’, *tajan* ‘рука’), *pintakási* ‘святой-покровитель’ (< мал. устар. *pinta* ‘вежливая просьба’, *kasih* ‘любимый’). Поскольку в доноре отсутствуют аналогичные сложные слова, Вольф пришел к выводу, что указанные малаизмы были глубоко усвоены ТЯ и использовались в создании неологизмов для новых значений [Wolff 1976: 350-351]. Гипотеза Вольфа подтверждается еще и тем, что в ТЯ сохранились устаревшие малаизмы *dálam* ‘дом со слугами и домочадцами’, *kási* ‘любовь, забота; возлюбленный’, а в старотагальском языке А. Постма [Postma 1991: 3] зарегистрировал *láp(p)as* ‘прощенный долг’. Значительно больше примеров лексических гибридов можно найти в современной разговорной речи, например: *balewaláq* ‘никчемный, ничего не стоящий, пустяковый’ от *bále* ‘годный, имеющий ценность’ (< исп. *vale* ‘стоит, имеет цену; годится’, *Vale!* ‘Подходит, идет!’) + *waláq* ‘не иметь(-ся)’; *kontrabída* ‘антигерой (в кино); злодей’ от *kóntra* ‘против, анти-’ (< исп. *contra*) + *bída* ‘жизнь; история, рассказ; главный герой, персонаж’ (< исп. *vida* ‘жизнь; образ жизни; срок службы’).

4.3. Заимствование словообразовательных морфем обусловило образование в ТЯ большого числа грамматических гибридов. Ассимиляция в ТЯ целых пластов испанизмов и англизмов способствовало выделению носителями ТЯ испанских словообразовательных аффиксов **-ado/-ido, -ante/-ente, -anyo/-enyo, -dad, -i(y)on, -o/-a, -oso/-osa, -ero/-era**, а также английских **-less** и **-ing**, из многочисленных заимствований аналогичного строения, с их последующим участием в деривации (в случае с английскими суффиксами — пока окказионального). Гибридизация происходит не только с иноязычными, но и с тагальскими лексемами:

(3) *ámin* ‘1) наш, нами; 2) признавать (что-л.); сознаваться; присваивать’ — *aminádo* [+ исп. суф. пас. причастия *-ado/ido*] ‘признавший (вину)’;

kuwérdas ‘пружина (в часах и т.п.); струна (гитары и т.п.)’ (< исп. *cuerda(s)*) — **de-kuwerdas** ‘механический, с механизмом’ (**de-** усвоено со значением ‘носитель признака’);

salamín ‘стекло; витрина; зеркало; очки; барабанная перепонка’ — **de-salamín** ‘в очках’;

segúro ‘наверное’ (< исп. *asegurar* ‘гарантировать’) — **segurísta** (+ исп. проф. суф. -ista) ‘никогда не рисующий’;

panuélo (< исп. *pañuelo*) ‘платок, шейный платок’ > **panuéloles** (+ англ. суф. -less ‘отсутствие чего-л.’) разг. ‘без платка, с непокрытой головой’ и т.д.

Наиболее продуктивными в ТЯ на данном этапе представляются испанские суффиксы деятеля (муж./жен.р.) **-ero/-era**, наш подсчет по словарю Г.Е. Рачкова [Рачков 2012] выявил около 50 таких гибридов, например:

(4) **gaséra** (< исп./англ. *gas* ‘газ’) ‘керосиновая лампа’ (ср. исп. *lámpara de gas* ‘газовая горелка’, ~ de petroleo ‘керосиновая горелка’),

isnabéra (< англ. *snob* ‘сноб’) ‘сноб (жен.род.)’,

madyikéro (< англ. *magic* ‘волшебный’) ‘фокусник; маг’,

patintéro (< исп. *tintar* ‘красить’, *tinte* ‘покраска; пятно’) ‘филиппинский вид игры в салки’.

В рамках ассимиляции испанских грамматических морфем, несущих и гендерное значение (через аффиксы -о-/а-), в систему ТЯ было привнесено понятие рода. Сейчас категория рода, выраженная в суффиксах испанизмов, сознательно используется носителями ТЯ, например: *ipókrito* – *ipókrita* ‘лицемер(-ка), ханжа’ (< исп. *hipócrita* ‘лицемер(-ка), ханжа’); *pasikatéro* – *pasikatéra* (< таг. (mag)pasikát ‘разг. воображать, задаваться’) ‘воображала, задавака (муж./жен. р.)’.

5. Интенсивные языковые контакты ТЯ привели, в терминологии К. Майерс-Скоттон, к «глубокому заимствованию» (deep borrowing [Myers-Scotton 1992: 33]) элементов языков-доноров, т.е. внедрению ядерной лексики, ядерных элементов систем фонологии, морфологии и т.п. Эти процессы происходят на фоне языковой политики по продвижению и развитию идиома *филинино* как самостоятельного общенационального языка [подробнее см.: Фролова 2014]. Являясь по сути тагальским языком, филинино надеяется все большими «внешними» различиями от ТЯ. Так, в новом издании «Государственной орфографии» [Ortografiyang Pambansa 2013] предпринимается попытка обосновать включение в алфавит филинино новых, иноязычных букв. В частности, в п. 4.5. введение в алфавит

филиппино испанской буквы *c* объясняется разницей в прочтении буквы в разном окружении (/k/ в исп. *coche* ‘машина’, /θ/ в исп. *ciudad* ‘город’). Но это справедливо лишь для испанского как языка-донора, тогда как в ТЯ (ныне – в филиппино) лексемы давно ассимилированы в формах *kotse*, *siudad* и не требуют буквы *c*. Эта буква сохраняется только в топонимах и антропонимах. Испанская буква *ñ*, также включенная в алфавит филиппино, сохранилась в основном в именах собственных и не отражает какую-либо фонему реципиента. В п. 4.9, по-видимому, авторы не учли англизацию и испанизацию инолексем (см. выше п. 3.2.), в этом издании примеры данного явления рассматриваются как «ошибки». Так, испанизированный англизм *konsernado* (от англ. *concerned* ‘обеспокоенный’ + суф. –ado) авторы «исправляют» на **konserrido*, однако исп. *concernido* употребляется более как ‘касающийся чего-л.’ (ср. *preocupado* ‘обеспокоенный’). Таким образом, п.п. 4.5, 4.9. «Орфографии» свидетельствует о недостаточной проработанности вопросов «отделения» филиппино от ТЯ и его развития как самостоятельного языка.

Литература

1. Бакланова Е.А. Лексические заимствования в тагальском языке и проблема интерференции, автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. – М, 2009.
2. Бакланова Е.А. Тагальский и английский языки: контакты и взаимовлияние. // Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм взаимодействия. Серия Губеровские чтения. М, 2013. Вып. 3. - С. 180-190.
3. Рачков Г.Е. Новый тагальско-русский словарь. Том 1, 2. – СПб, 2012.
4. Фролова Е.Г. Языковая ситуация на Филиппинах // Восток (Oriens). М, 2014. №1. - С. 97-108.
5. Шкарбан Л.И. Грамматический строй тагальского языка. М, 1995.
6. Baklanova Ekaterina. Interference in Tagalog as a Result of Borrowing // Pilipinas. A Journal of Philippine Studies. Canberra, 2004. No 42. – Pp. 95-116.
7. Blust Robert. Austronesian Comparative Dictionary (ACD). – Honolulu, 1995. (Available online at <http://www.trussel2.com/acd/>)

8. Collins Complete Spanish Electronic Dictionary. Glasgow, 2011.(Available at:
<http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-spanish>)
9. English Leo James. Tagalog-English Dictionary. Manila, 1986.
10. Haspelmath Martin. Loanword typology: Steps toward a systematic cross-linguistic study of lexical borrowability // Thomas Stoltz, Dik Bakker & Rosa Salas Palomo (eds.) Aspects of language contact: New theoretical, methodological and empirical findings with special focus on Romancisation processes. – Berlin, 2008. – Pp. 43-62.
11. Haspelmath Martin & Tadmor Uri (eds.) World Loanword Database. Leipzig, 2009.(Available online at <http://wold.clld.org>).
12. Haugen Einar. The analysis of linguistic borrowing // Language. Washington, 1950. Vol. 26, No. 2. - Pp. 210-231.
13. Lopez Cecilio. The Spanish Overlay in Tagalog // Readings in Philippine Linguistics, ed. by Andrew B. Gonzalez, Teodoro Llamzon, Fe Otanes. – Manila, 1973. – P. 737 - 766.
14. Monier-Williams M., ed. Sanskrit-English Dictionary, 3rd reprint. New Delhi, 1988.
15. Myers-Scotton Carol. Language contact: Bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford, 2002.
16. Ortografiyang Pambansa. Manila, 2013.
17. Palito (Tagalog Corpus, Total Word Count: 191424). Manila, 2008.(Available online at: <http://ccs.dlsu.edu.ph:8086/Palito>)
18. Postma Antoon. The Laguna Copper-Plate Inscription. A Valuable Philippine Document // National Museum Papers. Manila, 1991. Vol. 2, № 1.
19. Steinkrüger Patrick O. Hispanisation processes in the Philippines // Thomas Stoltz, Dik Bakker & Rosa S. Palomo (eds.), Hispanisation: The impact of Spanish on the lexicon and grammar of the indigenous languages of Austronesia and the Americas. Berlin, 2008. – Pp. 203-236.
20. Thompson Roger M. Filipino English and Taglish: language switching from multiple perspectives. Amsterdam, 2003.
21. Wilkinson R.J. A Malay-English Dictionary. Part I (A-K), Part II (L-Z). London, 1957.
22. Wohlgemuth Jan. A Typology of Verbal Borrowing. Berlin, NY, 2009.

23. Wolff John. Malay Borrowings in Tagalog // Southeast Asian History and Historiography. Essays, presented to D.G.E. Hall, ed. by C.D. Cowan and O.W. Wolters. Othaca and London, 1976. – Pp. 345-367.
24. Zorc D. & San Miguel R. Tagalog Slang Dictionary. Manila, 1995.

А.Н. Беларев
ИМЛИ РАН, Москва

Границы языка в прозе Пауля Шеербарта

Статья посвящена творчеству немецкого фантаста Пауля Шеербарта (1863-1915). На материале его прозы исследуется взаимодействие, взаимовлияние слова и образа, дискурсивного и иконического. В центре внимания при этом будут особые образы пограничного: рама, зеркало, картина, их сюжетные (ситуация разглядывания картины, астрономического наблюдения, комментирования увиденного, интерпретации прочитанного) и композиционные (начало и финал текста, вставные новеллы, рассказ в рассказе) аналоги. Будут прослежены различные трансформации языка в этих пограничных зонах и ситуациях.

Ключевые слова: *Шеербарт, Мюнхгаузен, рама, экфрасис, граница, точка, инопланетные обитатели, клякса, звезда, архитектура стекла, космическая философия, калейдоскоп.*

The paper deals with the literary work of german science fiction writer Paul Scheerbart (1863-1915). The aim of this paper is to research the interaction of word and image, text and picture in the prose of Scheerbart. In the spot light will be some «border»- images such as frame, mirror, picture, some «border» actions like the picture examination, astronomical observation, text interpretation and some «border» parts of the text (the beginning and the end of the story) and the transformations of the language in those zones and situations.

Keywords: *Scheerbart, Münchhausen, frame, ekphrasis, border, point, aliens, blot, star, glassarchitecture, cosmic philosophy, kaleidoscope.*

Взаимодействие слова и образа, верbalного и визуального, литературы и искусства занимает в творчестве немецкого фантаста Пауля Шеербарта (1863-1915) огромное место. Это в значительной степени связано с его попытками создать набросок новой культуры. Подобный проект предполагал создание новой, целостной эстетической среды, дающей человеку возможность открыться бесконечному космосу. Архитектура, живопись, музыка должны вступить в этой утопии во взаимодействие, а литература призвана создать модель новой культуры уже

сегодня. Поскольку литература у Шеербарта берет на себя функцию универсального макета новой культуры, всех ее регионов от религии до театра, вопрос о передаче языком литературы других культурных языков, об их взаимной «переводимости» будет одним из наиболее важных.

Исследованию этой проблематики и посвящена данная статья. В ней мы попытаемся на примерах некоторых прозаических текстов П. Шеербарта проследить, что происходит с языком там, где он вынужден набрасывать собственные границы, перерастать самого себя. Ситуации разглядывания картины, любования пейзажем как живописным полотном в раме, сравнения литературного произведения с живописным, соседства изображения с текстом, взаимопревращения образов визуального в образы лингвистического – вот тот круг тем и мотивов, который будет в центре внимания данной работы. Отдельный акцент будет сделан на тех пограничных ситуациях, где текст и мир, произведение и Творение примыкают друг к другу наиболее плотно. К подобным зонам можно отнести начало и финал произведения, места вклинивания вставных новелл. Подобные ситуации пограничного опыта могут моделироваться и в самих литературных текстах: сон, видение, визионерское путешествие. Особое значение в этих ситуациях имеет введение в текст мотива толкования, разъяснения, интерпретации. В уникальной зоне границы удается наблюдать взаимопроникновение сфер, регионов, областей, разделенных этой границей. В некоторых случаях в этой пограничной области, в местах сстыковки, схождения объекты и языки начинают обмениваться свойствами, качествами или зеркально отражать друг друга.

Пейзаж в прологе романа Пауля Шеербарта «Мюнхгаузен и Кларисса»(1906) напоминает о произведениях искусства: неслучайно закат вызывает у главной героини Клариссы мечты о сказочных дворцах¹. Ткань повествования застывает в ряде картин-описаний, экфрасисов. Кроме того, описательность пейзажа удваивается благодаря тому, что он воспринят в раме окна, а также соотнесен с картиной и зеркалом в интерьере². Героиня любуется озером Ванзее из окна своей виллы.

¹ Scheerbart, Paul. Münchhausen und Klarissa. Ein Berliner Roman / Scheerbart, Paul. Das große Licht. Gesammelte Münchhausiaden. Frankfurt am Main, 1987. S. 7-8.

² Картина, зеркало, окно – это образы очерчивания, образы ограничения. Рама символизирует границу, пролегающую между мирами или текстами и делающую

Обилие экфрасисов приводит у Шеербарта к разрыванию повествовательной ткани. Границы этих разрывов совпадают с рамами картин и зеркал. Сюжетность ослабляется тем, что развертывание интриги разбивается об описание строений, скульптуры, картин, театральных постановок. Но замедление развития сюжета, сбои повествования компенсируются тем, что «картины», инкорпорированные в текстовое тело, тяготеют к собственной сюжетности. Повествование соскальзывает на новый уровень: сюжет картины, узоры ковра, динамика архитектурных форм тяготеют к своеобразной темпорализации. Статика сменяется динамизмом. Нагнетание описательности в прологе романа готовит читателя к восприятию основного содержания книги: описанию утопической Мельбурнской выставки. Колossalная экспозиция, представляющая проект новой культуры и искусства, станет основным персонажем романа. Роман по сути своей есть рассказ легендарного барона о семидневной экскурсии по австралийской Всемирной выставке. Рамочная конструкция рассказа в рассказе является здесь основой композиции. Подобные приемы рамирования, установления искусственной границы между субъектом и объектом, наблюдателем и произведением и ее ироническое нарушение восходят в значительной степени к поэтике маньеризма и барокко. Экфрастические описания отражают зеркально либо моделируют другие текстовые уровни, так что создается эффект *la construction en abîme* (конструкции, восходящей к геральдики, в которой на щите в уменьшенном виде воспроизводился весь герб): уменьшенного повторения, копирования частью целого.

Описательность, срыв сюжетности у Шеербарта подводят к еще одной особенности: язык ощущает здесь свою ограниченность и невозможность адекватно отразить бесконечное множество миров и бесконечное многообразие каждого мира, строения, произведения. Неслучайно барон говорит, что чудеса австралийской архитектуры легче нарисовать, чем описать вербально. Поэтому язык у Шеербарта претерпевает метаморфозу. В его текстах можно обнаружить примеры некоего промежуточного состояния: язык балансирует на границе дискурсивного и иконического.

вторжение в них проблематичным. Рама у Шеербарта имеет аналоги в мире небесных тел – кора (Kruste) и в мире живых существ – кожа (Haut).

Характерный пример – загадочные надписи, встречающие героев романа «Ливуна и Каидо» (Liwuna und Kaidoh. Ein Seelenroman. 1902). В основе сюжета – визионерское путешествие мужской души Каидо в сопровождении Ливуны. Ливуна – воплощение тоски главного героя по Иному, Бесконечному. Ливуна – воплощение Женского Начала, она проводник главного героя в лабиринте миров. Герои парят в космическом пространстве, пролетают сквозь десятки миров, обозревают невиданные звезды, кометы, астральных гигантов и фантастические постройки. В ходе этого путешествия Каидо постепенно перерождается в необъятное космическое существо, а в финале романа сливается с одним из звездных миров – террасным миром, напоминающим гигантское архитектурное сооружение, покрытое сияющим кафелем. Каидо обретает новое зрение, новые ощущения и обращается в огромное колесо, искрящееся разноцветным кафелем. На одном из этапов путешествия-полета Каидо и Ливуна попадают в Храм Звездных Гигантов. В этом колоссальном сооружении героям демонстрируются надписи, «объясняющие» им истинное устройство мироздания. Буквы этих надписей образованы особыми световыми эффектами или же складываются из предметов на глазах у зрителей. Первая надпись образована «пламенным шрифтом» (Flammenschrift): пылающие буквы рождаются из темноты языками светло-голубого пламени [Scheerbart 1990: 47]. Потом Каидо неожиданно видит стену из раскаленного докрасна железа. В раскаленном металле возникает надпись из пылающих опалов. Когда надпись потухает, стена проваливается в бездну. Буквы следующей надписи состоят из светло-зеленых хризолитовых кукол-марионеток, парящих в воздухе [Scheerbart 1990: 51]. Далее герой замечает происходящие в лице героини изменения: зубы высакивают изо рта и на красных губах выстраиваются в белый сияющий шрифт (Glanzschrift) [Scheerbart 1990: 52]. Следующую надпись герои созерцают на темно-фиолетовом стекле купола в храмовом «Зале молчания»³. Это снежный шрифт (Schneeschrift). Следующие

³ Важное значение для понимания невыразимости у Шеербарта, коммуникативной границы и предела, трансформаций языка при контакте с Иным, Запредельным имеют наблюдения и выводы немецкого литературоведа К. Брунна в главе «Язык и Невыразимое» его исследования «Выход в Нереальное» (Вымысел и модель мира у Пауля Шеербарта и Альфреда Кубина). Брунн на материале романа «Лезабендио» прослеживает трансформации языка (героев и повествователя) при

предложения, встречающие героев, написаны буквами, составленными разноцветными фонарями. Эти фонари опускаются из-под купола Зала молчания. Затем появляются тысячи райских птиц, составляющих буквы на фоне бирюзового стекла купола. Наконец Каидо со своей спутницей читает «Колонный шрифт» (*Säulenlettern, Säulenschrift*) – надписи, сконструированные из черных колонн [Scheerbart 1990: 58].

Из этих примеров видно, как буквы перестают быть только опосредующими знаками, транслирующими смысл. Они превращаются в зримые фигуры, восприятие которых сопровождается визуальными эффектами. Буквы возвращаются из книги культуры в книгу природы. Точнее сказать, в книгу, творимую самим миром, космосом. Все видимое может быть прочитано в ней как текст, не лишаясь своей непосредственности. Причем главный герой способен разгадывать смысл таинственных письмен, читать их, даже не зная самого шрифта [Scheerbart 1990: 47]. Мотив рождения нового языка присутствует и в finale романа. В конце книги искрящееся колесо (новая ипостась Каидо) постепенно уплывает в ночь в сопровождении семи звездных великанов. Так что «весь опьяняющий светом мировой цветок» (*Weltblüte*) вскоре кажется маленьким, как простая световая точка (*Lichtpunkt*) [Scheerbart 1990: 91]. Мир, от которого удаляется Каидо, сжимается в точку. Но и удаляющийся главный герой видится читателю световой точкой. «Точка света» – последнее слово в романе, и оно почти накладывается на графический знак точки. Обычную черную точку дублирует точка света. Сам мир, само мироздание как бы заканчивает роман. Ставит точку. Но эта точка не обычный знак пунктуации. Это особый знак-сигнал, работающий не только символически. Он, как и надписи в храме, часть космических процессов, метаморфоз. Здесь, правда, присутствует некоторый игровой элемент. Ведь о точке света нам сообщает слово, а вот типографский знак точки мы ощущаем более непосредственно как пятно, отметку на бумаге, кляксу, наконец. Видимо, важно учитывать то, что в этой точке сходятся несколько перспектив, точек зрения. Читатель имеет дело с несколькими «точками» одновременно. Одну он воспринимает как черную отметку на

экстатическом перерождении главного героя. Брунн совершенно справедливо обращает внимание на моменты совпадения топографической границы (облако) со смысловой и коммуникативной границей. Подробнее см. [Brunn 2010: 131-146].

бумаге. Ее же он прочитывает как знак пунктуации. Одновременно точка – не только сигнал об окончании предложения, но и сигнал об окончании романа. Параллельно читатель имеет дело со второй, световой точкой. Она не имеет своего осязаемого аналога, хотя и собирается из знаков букв слова «световая точка». К тому же материальность ей придает максимальная приближенность к знаку пунктуации точке-пятну. Однако основная ее позиция – воображаемый романский мир. Читатель представляет себе тающий во тьме мир Каидо. Воображаемая точка отличается от реальной наличием в ней света. А сближается с чернильной отметиной тем, что в ней происходит сжатие некоего сложного целого, его уплотнение. В случае с миром романа – это сжатие многогранности и многосторонности в некоторое простое единство. В случае с книгой – это сжатие многозначности и многостраничности в точке финала. Многосторонность и многостраничность пересекаются в немецком слове *Vielseitigkeit*, поскольку *Seite* может обозначать и сторону и страницу. Шеербарт устами своих героев постоянно подчеркивает наличие у явлений многих сторон, граней. Произведение искусства писатель сравнивает с бриллиантом или опалом. Игра света на гранях кристалла или самоцвета выделяет лишь одну из сторон, граней. В романе «Я тебя люблю!» герой-двойник писателя (Шеербарт), рассуждая об эстетике, отмечает: «Произведение искусства должно быть как опал, на каждой стороне (*Seite*) нужно увидеть новый оттенок цвета, который ценен сам по себе, но все сверкающие (*flimmernden*), пестрые истории должны быть включены в один общий массив. Я желал бы всегда охватывать весь клубок (*Knäuel*) произведений искусства идейной рамой. Моя идея Мирового духа (*Weltgeist*) должна быть подобной рамой» [Scheerbart 1988: 208-209]. На пути Ливуны и Каидо именно надпись, выложенная сверкающими опалами, гласит: «Тебя омывает неистовое море, и тысячи голосов орут тебе в уши, и ты не понимаешь, что они говорят. Они говорят, что все живущее желает лишь одного: чтобы постоянно высвечивалась новая сторона (*Seite*) бытия. И что бытие – это бриллиант с неисчислимыми гранями. И все живущее заключено в разноцветных лучах, пронизывающих глубокую тьму, в которой все живущее вспыхивает и угасает. Все есть лишь многоцветное сияние (*Schein*)» [Scheerbart 1990: 51]. В романе «Таруб, славная

багдадская повариха» приводится иной вариант этого сравнения: поэзия уподобляется парчовому одеянию. На ткани постоянно рождаются новые эффекты цвета (*Farbenstimmungen*) [Scheerbart 1962: 197]. Подобно этому человеческое познание и поэтическое творчество не способны охватить целое, исчерпать все богатство мира. Художнику, творцу и ученому удается лишь намекнуть на поражающее воображение многообразие, противоречивость мира или смоделировать это изобилие, создать его подобие. В этом корни приема каталогизации, к которому постоянно прибегает Шеербарт. При описании космических миров непременно подчеркивается их разнообразие: в одних преобладают сферические формы, в других – кубические, на некоторых звездах идеал формы – это растение, на других – кристалл. То же касается и сферы искусства. Роман «Лезабендио» предваряется «энциклопедическим» списком персонажей, отсылающим к поэтике театра. Каждый персонаж «отвечает» за определенную «сторону» мироздания и его отражение в искусстве и/или технике: возведение башен-маяков, разбивка необычных садов, работа с «кристаллическими» формами, обработка стали и т.д. Перед читателем или героем- наблюдателем поочередно с утомляющей педантичностью как бы выводятся на сцену разные проявления Вселенского Духа (*Allgeist*): существа, формы, явления.

Мотив взаимозаменяемости космоса и текста, звезды и точки очень четко прослеживается в другом шеербартовском тексте. Речь идет о миниатюре «Мои чернила – это мои чернила» («Meine Tinte ist meine Tinte») [Scheerbart 1986: 154-157]. Этот небольшой текст, как и многие рассказы Шеербarta, публиковался первоначально в журнале, а впоследствии был включен в роман 1902 года «Не падай духом!» («Immer mutig! Ein phantastischer Nilpferdroman mit 83 merkwürdigen Geschichten»). Небольшой кляксософикум, как следует из жанрового подзаголовка, представляет собой транскрипцию сна рассказчика. Он лежит в постели и вдруг слышит необычные звуки со стороны своего письменного стола. Чернила оживают, проливаются из чернильницы, нависают над кроватью, подобно «черному Млечному пути», и начинают ставить кляксы на белом постельном белье. Кляксы эти разной формы, и у каждой есть свое название. Круглая – это «стиль», четырехугольная – это «цель». Между ними перекатывается черная капля «игра» (*Stil*-

Ziel-Spiel). Рассказчик узнает кляксы, сразу соотносит их с определенными названиями. Названия рифмуются, и игра клякс усложняется игрой слов. «Поэтологическая» группа клякс накладывается на «экзотическую»: чернильная полоса – это Нил. Его пересекают кляковые гусеницы, превращающиеся в африканцев. Теперь постель напоминает белое небо, усыпанное черными звездами. Но вот среди них появляется красная клякса – «Я». Рассказчик удивлен ее появлению, поскольку у него дома красных чернил нет. В дальнейшем красное пятно ассоциируется с каплей крови. Три звезды Мир, Дикость и Лес (Welt, Wild, Wald) окружают красную кляксу. Мировая клякса (Weltklex) пересекает Я, но для Я все проходит безболезненно. Далее рассказчик пробует звезды-кляксы на вкус и проглатывает их. Только красную кляксу не удается проглотить и переварить. Звезды неожиданно появляются вновь: пройдя «сквозь автора», чернила выступают на лбу каплями. Связь лба и звезд прочерчивается еще и игрой слов Stirn-Stern. В завершении сна алая клякса «Я» падает с кровати вниз и разбивается надвое. Спокойствие в доме восстанавливается. Черное испаряется, лишь от красной капли на ковре остается пятно.

В этой фантазии космос, звезды, «книга природы» напрямую соотнесены со стихией языка, «книгой культуры». Они рождаются в той же стихии (чернила), что и книга. В этом тексте чернила совершают круг и по сути это герменевтический круг. С одной стороны, они сами без помощи слов прорисовывают космос, макрокосм, целое. Участие части, микрокосма, автора необязательно. С другой стороны, все происходящее – сон, видение. Возможно, все разыгрывается в воображении. Картина космоса «набрасывается» «своими чернилами», бесконечной силой воображения хозяина. Этот сон тематизирует и важную для Шеербарта тему встречи Я и мира, тему персональности, растворения индивидуума в мироздании. Она проигрывается дважды: первый раз как встреча двух клякс, красной и мировой кляксы, и второй раз – как пожирание рассказчиком среди прочих кляксы-мира. Мотив пожирания встречается в прозе Шеербарта повсеместно и в разных вариантах. Одним вариантом может быть пожирание монстром-великаном, драконом других существ или объектов. Другим вариантом может быть поглощение мелкой звезды более крупной. Обычно поглощение иллюстрирует иерархию космоса: более низкие уровни включены более

развитыми, их независимое существование лишь иллюзия. Поглощение, однако, не проходит бесследно, возникает совершенно новое единство. Поэтому съедание у Шеербarta, как видно и в этой миниатюре, тесно связано с пониманием. Здесь рассказчик сам поглощает мир, возвращает его себе. Кляксы-звезды при этом не полностью растворяются, они проявляются вновь, но уже в виде капель пота. Здесь звезды обретают совершенно новую связь с Я. Они больше не формируются в некоем материале (чернила). Хотя даже независимость этого материала весьма ограничена.

Чернила – скорее некая переходная среда, в которой что-то проигрывается, выводится на сцену, демонстрируется. После поглощения звезды именно выделяются. Их рождение соединяет в себе генетическое, физиологическое и лингвистическое: черные звезды (*Sterne*) выступают на лбу (*aus Stirne*), звезды выделяются из тела, как слово – из слова. Так же, как автор-рассказчик в этой истории без всякого труда сам догадывается о том, какие слова и понятия обозначают кляксы, здесь язык обретает максимальную непосредственность. Шеербарт ведет поиск языка без языка сродни *Drucksprache* – языку давления, посредством которого планеты и астероиды общаются с главным героем в романе «Лезабендио». Понятие языка в кляксософии возвращается к своему этимологическому истоку: слова пробуются на вкус, ощущаются языком.

Еще один вариант альтернативы языку описан в сборнике рассказов о приключениях Мюнхгаузена «Великий свет» 1912 года (*Das große Licht. Ein Münchhausen-Brevier*). Барон Мюнхгаузен предлагает привлечь внимание к культуре стекла с помощью его полезного использования. Барон предлагает изобрести язык световых и цветовых сигналов (*Licht- und Farbensignalsprache*). Для создания этих сигналов необходимо именно стеклянное оборудование. Для этой цели, по мысли барона, можно использовать стеклянные дворцы, сооруженные из стекла и стали. Новая система оповещения и передачи информации через сигнальные сооружения (*Signalhäuser*) посредством световых и цветовых сигналов уничтожит традиционные средства массовой информации [Scheerbart 1987: 174]. Подобно Храму звездных гигантов в романе «Ливуна и Каидо», архитектура входит в резонанс с языком, то есть берет на себя часть его функций, а в пределе заменяет его. Только в

«Великом свете» все происходит более радикально. Если в Храме архитектура выполняла функцию фона для назидательных надписей и философских изречений или предоставляла материал для надписей (например, колонный шрифт), то во втором случае она обретает гораздо большую самостоятельность. Новый язык основан на свете и цвете, соответственно стеклянные сигнальные дома могут сами генерировать единицы нового языка, и здания превращаются в особые языковые устройства. Они по своей значимости не уступают речевому аппарату или приспособлениям для письма. Кроме того, они участвуют в кодировании и передаче информации. А самое главное, что новые языковые единицы – сигналы – абсолютно соприродны стеклу, они не будут встречать в нем сопротивления материала. Таким образом, в сборнике рассказов «Великий свет» слово заменяется световым или цветовым сигналом, а функции традиционных средств и носителей информации берут на себя стеклянные сооружения.

Важно, однако, иметь в виду, что все вышеупомянутые сценарии развития языка, письма, речи проигрываются в самом языке, его средствами, на его поле. Язык в этих случаях становится универсальным, интерсемиотическим средством, ставящим под вопрос не только возможности письменной речи, но и возможности иных семиотических кодов.

В текстах Шеербarta существует также вариант прямого столкновения иконического и дискурсивного. В первые годы XX века Шеербарт обращается к графике и в дальнейшем сам начинает оформлять свои книги. Сначала писатель начал сопровождать рисунками свои письма и открытки, адресованные друзьям. Но поворотным пунктом стало издание в 1902 году романа «Не унывай!» (*Immer mutig!*), это была первая книга писателя, проиллюстрированная им самим. Основная тема графики Шеербarta – космические, неземные существа.

Он украшает рисунками первом титульные листы, разрабатывает своеобразный орнамент, обрамляющий текст, и виньетки, разделяющие сегменты текста. Иногда названия книг, глав, разделов включаются в рисунки первом, некоторые буквы приобретают вид полуфантастических животных. Таким образом, книга, ее содержание и структура врастают, включаются в графическое изображение. В основном книжная графика Шеербarta не иллюстрирует текст непосредственно, а создает

своеобразный параллельный текст. Но его функция не только орнаментальная и декоративная. В основном иллюстрации представляют собой изображения фантастических космических существ, инопланетян или духов. Хотя они не дают прямых иллюстраций, они вычерчивают своеобразную раму, создают некий смысловой горизонт. Подобно средневековым дролери, курьезным и монструозным изображениям, покрывавшим поля манускриптов, гротескные образы графики Шеербarta маркируют границу своего и чужого, доступного интерпретации и неописуемого, привычного порядка и пугающе-хаотического нового.

Непривычность космических образов и поразительная изобильность Вселенной приостанавливают интерпретацию, заставляют зрителя замолкать, отказываясь от дальнейших объяснений. Но сама ситуация разглядывания картины неизбежно ставит вопрос об интерпретации и о языке этой интерпретации. Что может произойти с языком у границы картины? Сменится ли он молчанием? Ощутит ли собственную недостаточность? Будет ли интерпретация монологом? Станет ли рама непреодолимой границей, или изнутри и извне она будет пересекаться? Эти вопросы возникают при анализе еще одного фантастического рассказа Пауля Шеербarta.

В рассказе «Цак и Зиди и большая голова» из цикла 1912 года «Астральные новелетты» описывается фантастическая живопись на астероиде Церера. Художники там используют не холсты и бумагу, а особые вогнутые зеркала. Их диаметр может составлять от метра до двадцати или тридцати. Рисуют на Церере не только красками, и там создают не завершенное изображение, а «подвижные картины»: «Магнитный центр приводил все составы, мази и кислоты, которые использовались при рисовании, в постоянное (repetuierliche) движение, так что каждая картина, когда она уже закончена, выглядела каждый день и каждый час по-разному, а исходный вид принимала только в безлунную ночь» [Scheerbart 1997: 209]. Как часто бывает в прозе Шеербarta, после этого предваряющего объяснения принципов и техники церерианской живописи приводятся примеры конкретных произведений. Результаты своих исследований космоса церерианцы тоже стараются фиксировать в живописи. Так, один из главных героев – Цак – пытается живописно передать то, что является основной темой рассказа:

поиски загадочного «Незнакомца» – существа, невидимо управляющего жизнью планеты и ее обитателей. Даже смерть-исчезновение одного из обитателей планеты описывается как исчезновение с поверхности картины (*Bildfläche*) [Scheerbart 1997: 223]. Сама техника живописи на Церере воплощает идею бесконечного познания мироздания. «Большая часть церерианцев желали зафиксировать то опьянение, которое приносит познание мира. И все они при этом обстоятельно разъясняли, что, само собой разумеется, любое познание мира может быть только видимостью. Но они не уставали подчеркивать снова и снова, что даже иллюзорное познание мира все же в определенном смысле остается познанием мира и что так все равно ближе подходит к тайнам вселенной, даже если все время заблуждаешься. Поэтому к тем, кто верил, что он что-то познал, они проявляли расположение, хотя и знали, что все в конечном итоге выглядит иначе (*immer wieder anders aussah*). Именно это Непрерывное обретение нового облика (*Immerwiederandersaussehen*) они находили особенно близким всякому развитию и считали его основным фактором любых экстазов. Землян после сказанного не удивит, что на Церере рисовали и такие зеркальные картины, которые должны были ни больше ни меньше как представить зрителю Невидимое» [Scheerbart 1997: 217-218].

Описывая живопись на Церере, Шеербарт «собирает» воедино многие из своих излюбленных тем и мотивов. Во многом эта фантастическая живопись реализует представление Шеербarta об идеальном искусстве. Прежде всего законченное произведение искусства еще не завершено. Художник лишь определяет общее направление развития произведения. Произведение находится в движении, оно развивается уже без участия автора. Картины подвижны, процессуальны. Картины обладают собственным сюжетом, этим они напоминают литературные и музыкальные произведения. В живопись вводится фактор времени. Создание живых, подвижных картин требует необычных материалов и особой техники. На Церере рисуют на зеркалах, поэтому картина каким-то образом улавливает и отражает происходящее в космосе. Не случайно для создания картин о жизни инопланетных существ картины устанавливаются вертикально вне пещер-мастерских. Кроме того, картины-зеркала воплощают идею писателя о модели, отражающей целое. Особенно часто это касается утопической

архитектуры: колоссальное и фантастическое сооружение первоначально испытывается в виде макета-модели или на территории игрового театрализованного пространства архитектурного парка или выставки. Важно и то, что зеркала вогнутые, они деформируют улавливаемые ими отражения. Некоторые участки зеркал могут быть прозрачными. Поэтому церерианская живопись соединяет в себе игру цвета и света, свойства так любимого Шеербартом цветного стекла. Картины на Церере ослабляют зависимость произведения от художника, но они тесно связаны с космическими процессами. В развитие произведения встроена жизнь самой звезды, или, наоборот, картина является составной частью метаморфоз самой планеты. Магнитное притяжение, воздействие магнитных центров влияет на развитие сюжета, изменяет композицию картины. Этот принцип связи текста и мира определяет и композицию романов Шеербарта, построенных на принципе рассказа в рассказе, имеющих рамочный сюжет и вставные рассказы. Например, романы «Я тебя люблю!», «Не унывай!», «Будем здоровы!» складываются на глазах читателя из манускриптов, которые автор последовательно зачитывает. Порядок прочтения этих рукописей, которые герой рассказчик имеет при себе (или они найдены другими героями) и которые составляют тексты интермедии, определяется событиями в рамочном текстовом слое. Неожиданные процессы, споры героев и т.д. вызывают к жизни новое звено текста. Произведение искусства интегрировано в космос. Проект живописи на Церере делает этот принцип зримым. Тематически живопись на Церере посвящена передаче духовных процессов. Это не реалистическое искусство: осколки природных форм (горы, дым) чередуются с геометрическими формами. Основной образ-эмблема, очень ценимый Шеербартом, возникающий вновь и вновь в его теоретических текстах, художественных произведениях, искусствоведческой критике – это калейдоскоп. Сравнение с калейдоскопом присутствует и в описании живописи Цереры. Калейдоскоп идеально воплощает то, что в этом рассказе именуется – Непрерывное обретение нового облика (*Immerwieder andersaussehen*), постоянное становление, изменение образа, превращение в другое лицо. Калейдоскоп объединяет форму, цвет и свет, бесконечно варьирует их, создает ощущение бесконечной изменчивости и разнообразия. Живые картины на

Церере напоминают кино. Концептуально живопись на этом астероиде призвана раскрыть любимые идеи Шеербарта: невозможность охватить все богатство и разнообразие мироздания, ощущение неполноты любого познавательного акта, связанный с этими идеями поиск нового, другого, иного, жажда бесконечного движения (часто употребляемое Шеербартом слово *perpetuierlich*, естественно, отсылает к вечному двигателю, создание которого было второй после литературы творческой страстью писателя). В неорганическом мире комплекс этих идей воплощается в образах кристалла, бриллианта и других самоцветов, в мире искусства – в образе калейдоскопа, в мире машин – в образе вечного двигателя, в архитектурных фантазиях это прежде всего террасная архитектура, совмещающая открытость мирозданию и приглашение к восхождению. Наконец, живопись на Церере подходит к собственным границам, стремясь изобразить Невидимое. Автор тут же оговаривается, что передать суть этих произведений языковыми средствами невозможно.

В этом рассказе есть важный эпизод, повествующий о взаимоотношениях обитателей планеты с собственными картинами. Этот эпизод делает проблематичной границу между словом и образом и между живым и неживым. «Церерианец даже ночью вглядывался в свои картины на вогнутых зеркалах, потому что они двигались, развивались все дальше, были живыми, были такими же живыми существами, как сами жители Цереры. С картинами и общались как с живыми существами: вели себя так, как будто с ними можно было общаться, как с совершенно разумными существами. И картины тоже разговаривали с церерианцами на собственном языке и раскрывали им некоторые тончайшие тайны жизни, но требовалось большое терпение для того, чтобы внимать языку этих живых картин. Но терпение всегда щедро вознаграждалось. Со своими подвижными носами и со своими подвижными каучуковыми зубами сидели обитатели летающих островов перед своими магическими зеркальными картинами и беседовали о смысле развивающихся участков картин. Как птичий щебет, звучал богатый модуляциями язык церериан, и тысячи складок на лице при каждом высказанном мнении складывались в новое сочетание цветов так, что часто из сочетания цветов на лице высвечивались мысли Церериан – и не всегда требовались слова» [Scheerbart 1997: 214-215]. Из этого

отрывка читатель узнает, что живые картины церерианцев живут в прямом смысле слова. Они подобны живым существам, наделены разумом.

То есть картины – не просто рефлекторы, отражающие многообразные воздействия существ и планет, они способны к ответу и коммуникации. И сами обитатели Цереры не относятся к картинам как к вещам. Они беседуют с ними, вступают в диалог. Но самое важное, что картины обладают языком. Это не соприродный им язык живописи, язык цвета – это язык в прямом смысле слова: его произносят, проговаривают и слушают. Более того, картины раскрывают тайны жизни, то есть сообщают нечто помимо живописного текста. В этом смысле они не равны самим себе, что еще раз подтверждает их одушевленность и разумность. Беседа церериан с зеркальными картинами касается смысла самого живописного сюжета. В прозе Шеербарта интерпретация произведения уже включена в само произведение. В основном такое включение осуществляется в нескольких режимах. Это может быть прочтение рукописи или прослушивание рассказа с последующим обсуждением прочитанного или услышанного. Другой вариант включения интерпретации в текст – это ситуация разглядывания произведений искусства или архитектуры с их параллельным обсуждением и истолкованием. На Церере читатель сталкивается именно со вторым вариантом. Еще одна существенная особенность диалога церерианцев с картинами заключается в том, что обитатели планеты реагируют на слова не только репликами. Их мысли часто прочитываются на их лицах благодаря богатейшей цветовой мимике, делающей слова излишними. В диалоге зеркальных картин с художниками прочерчивается своеобразный круг, когда картина обретает голос и прибегает к помощи языка, не языка живописи, а языка в прямом смысле слова, а художник отказывается от речи, начиная использовать язык цвета.

В приведенном выше отрывке из романа «Я тебя люблю!» Шеербарт придает образу рамы глобальное значение. Вся сфера искусства обрамляется идеей Великого Духа. Наряду с двумя другими образами генерализации, упомянутыми в этом отрывке, многогранным опалом и клубком, рама символизирует включение гетерогенного в тотализирующий контекст. Рама сплачивает разноголосицу текстов и произведений искусства в единое целое. Мотивы рамы, зеркала, окна, картины, столь

частотные в прозе Шеербарта, очерчивают границу между субъектом и объектом, наблюдателем и зрелищем, рамочным повествованием и вставной новеллой. Но эта граница постоянно подвергается проверке на прочность, истончается или высмеивается. Связано это, конечно же, с космической философией Шеербарта. Все частные повествования, картины, явления, познавательные акты должны быть осмыслены как включенные в единую раму, в единое целое, должны раствориться во Вселенском Духе. Новая философия требует рождения нового языка. Это может быть световой сигнальный язык, это может быть язык, ставший частью фантастической архитектуры. В некоторых случаях это визионерское предчувствие нового языка, в котором сотрется грань между говорящим и космосом, человеком, звездой и орнаментом. Постоянное осознание частного как включенного в грандиозное целое предполагает сложные процессы взаимодействия, происходящие на границах. Слово наделяется новыми характеристиками, заимствованными у образа, а живопись обращается к языку.

Анализ прозаических произведений Шеербарта позволил проследить взаимодействие образности, связанной с визуальным и образами языка. На широком материале прозаического наследия писателя была исследована тематика зарождения нового языка. Было показано, какое значение в различных контекстах прозы писателя может приобретать мотив рамы и как он связан с философскими и эстетическими взглядами Пауля Шеербарта.

Литература

1. Brunn C. Der Ausweg ins Unwirkliche. Fiktion und Weltmodell bei Paul Scheerbart und Alfred Kubin. Hamburg, 2010.
2. Scheerbart, Paul. Das große Licht. Ein Münchhausen-Brevier // Scheerbart, Paul. Das große Licht. Gesammelte Münchhausiaden. Frankfurt am Main, 1987.
3. Scheerbart, Paul. Ich liebe Dich! Ein Eisenbahnroman mit 66 Intermezzos. Herausgegeben und mit einem Nachwort versehen von Michael Matthias Schardt. Siegen, 1988.
4. Scheerbart, Paul. Liwuna und Kaidoh. Ein Seelenroman // Scheerbart, Paul. Liwuna und Kaidoh. Ein Seelenroman und

Kometentanz. Astrale Pantomime in zwei Aufzügen. Frankfurt am Main, 1990.

5. Scheerbart, Paul. Meine Tinte ist meine Tinte. Ein Klexosophicum // Scheerbart, Paul. Meine Tinte ist meine Tinte. Prosa aus Zeitschriften. Herausgegeben, kommentiert und mit einer Nachbemerkung von Horst Hessel. Zeichnungen von Paul Scheerbart. Berlin, 1986.

6. Scheerbart, Paul. Münchhausen und Klarissa. Ein Berliner Roman / Scheerbart, Paul. Das große Licht. Gesammelte Münchhausiaden. Frankfurt am Main, 1987.

7. Scheerbart, Paul. Tarub, Bagdads berühmte Köchin. Arabischer Kulturroman // Scheerbart Paul: Dichterische Hauptwerke. Stuttgart, 1962.

8. Scheerbart, Paul. Zack und Sidi und der große Kopf. Eine Ceres-Novellette. In: Marsmenschen. Wie die Außerirdischen gesucht und erfunden wurden. Herausgegeben von Justus Fettscher und Robert Stockhammer. Leipzig, 1997.

Е.Л. Вилинбахова
СПбГУ, Санкт-Петербург

Модели репрезентации глубинных тавтологий в русском языке

В статье рассматриваются глубинные тавтологии – особый класс тавтологических конструкций, которые используются в буквальном, а не в переносном смысле. На материале корпусных и экспериментальных данных проверяется, какие синтаксические модели являются предпочтительными для выражения глубинных тавтологий в русском языке; каким образом семантические особенности глубинных тавтологий влияют на выбор той или иной модели; какую роль играет лексическое наполнение конструкции.

Ключевые слова: *тавтологии, семантика, pragматика, лингвистический эксперимент, русский язык.*

The article deals with deep tautologies – a subset of tautological utterances that literally mean what they say. On the corpus and experimental data it is investigated how deep tautologies are represented in the Russian language. Another research question is whether semantic features and the lexical content of deep tautologies affect the choice of a particular syntactic form.

Keywords: tautologies, semantics, pragmatics, linguistic experiment, Russian language.

1. Введение

В работе на материале русского языка рассматривается особая разновидность тавтологических конструкций – **глубинные тавтологии** (англ. *deep tautologies*), впервые описанные Йоханом Булхофом и Стивеном Гимбелом [Bulhof & Gimbel 2001; 2004].

Традиционно считается, что тавтологические конструкции устанавливают тождество объекта самому себе лишь формально, а в речи несут иной, «нетавтологический» смысл: высказывание *Друзья есть друзья* может означать, что друзья помогают друг другу, что без друзей скучно жить, и т.д. Однако, как замечают Булхоф и Гимбел, существует класс глубинных тавтологий (далее – ГТ), которые, напротив, предполагают именно буквальную

интерпретацию. ГТ выражают значение тождества объекта самому себе, независимо от его внешних и внутренних характеристик, а также сопутствующих высказыванию обстоятельств.

(1) *A: Don't worry about oppressing those people, they are just poor Africans.* ‘Не беспокойся о том, что этих людей притесняют. Они всего лишь несчастные африканцы’

B: People are people. ‘Люди есть люди’ [Bulhof & Gimbel 2001: 288]

Булхоф и Гимбел указывают на два условия, выполнение которых (одного или обоих сразу) подразумевает говорящий, используя в речи ГТ:

Условие неотчуждаемости представителей категории: если объект отвечает условиям, достаточным для того, чтобы быть сущностью А, то никакие дополнительные свойства не могут исключить его из категории А.

Условие равноценности представителей категории: если объект является сущностью А, то он не может быть А в большей или меньшей степени [Bulhof & Gimbel 2001: 287].

В примере (1) подразумевается второе условие: африканцы являются такими же людьми, как, например, европейцы. Существенно, что референт языкового выражения в ГТ остаётся за кадром: хотя говорящий и подразумевает африканцев, формально его высказывание относится к людям вообще.

Рассуждая о природе ГТ, Булхоф и Гимбел отмечают, что многие языковые выражения могут выступать в двух ипостасях: в качестве расплывчатых предикатов (англ. *vague predicates*), таких как *красивый*, где сложно однозначно установить объём понятия; и в качестве определённых предикатов (англ. *non-vague predicates*), например, *беременная*, в которых границы понятия легко определяются [Bulhof & Gimbel 2001: 286]. Так, слова *живой* и *мёртвый*, выступая как расплывчатые предикаты способны принимать модификаторы *чуть живой* или *полумёртвый*; выступая же как определённые предикаты, они не допускают подобных оттенков: строго говоря, существо может быть либо живым, либо мёртвым¹. Согласно Булхофу и Гимбелу, ГТ сигнализируют, что языковое выражение выступает как определённый предикат, т.е. в строгом, приближенном к

¹ Разумеется, если не брать в расчёт кота Шрёдингера.

терминологическому смысле, и, таким образом, указывают не только на способ восприятия действительности говорящим, но и на его способ употребления языкового выражения, т.е. являются метаязыковыми конструкциями.

Булхоф и Гимбел утверждают, что ГТ могут быть легко переведены на другие языки без потери смысла, потому что они используются в своём буквальном значении, а механизм их интерпретации лежит в логической, а не в языковой области [Bulhof & Gimbel 2004: 1005]. Однако Алина Исраэли отмечает, что на материале русского языка, где тавтологии имеют гораздо больше синтаксических моделей, эта гипотеза не работает, и далеко не любая русская тавтологическая конструкция может быть использована для перевода ГТ. Исраэли утверждает, что наиболее приемлемой для выражения ГТ в русском языке является синтаксическая модель *X и в Африке X*.

В настоящей работе была предпринята попытка проверить, с одной стороны, гипотезу Булхофа и Гимбела о независимости ГТ от языковой формы, и, с другой стороны, предположение Исраэли о предпочтительности конкретной синтаксической модели для выражения ГТ в русском языке.

2. Тавтологические конструкции в русском языке

А.Д. Шмелёв выделяет в русском языке два ряда тавтологических конструкций: *X (и) есть X*, *X всегда / везде X* и т.п., с одной стороны, и *X – это X*, с другой стороны.

«Значение конструкций первого ряда: все манифестации X-а, т.е. члены класса X или «инстанты» индивида X, в общем, одинаковы, и нет оснований ждать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого. <...> Для *X – это X* общее значение состоит в «выделении X-а среди прочих индивидов или классов; констатация его особого места; особенности отдельных манифестаций могут не приниматься во внимание» [Шмелёв 2002: 196-199].

Существует ещё одна разновидность конструкций – метаязыковые тавтологии с синтаксическими моделями *X значит X*, *X означает X* и т.д., которые дают инструкцию к восприятию языкового выражения, представленного первым элементом конструкции. Они указывают, во-первых, на соответствие частного употребления общепринятыму значению, во-вторых, на

отсутствие альтернативных толкований, возможных в данном контексте (подробнее см. [Вилинбахова 2013]).

Таким образом, *студент есть студент* значит, прежде всего, ‘все студенты одинаковы’; *студент – это студент* означает нечто вроде ‘студент – это не школьник, не преподаватель и т.д.’; *студент значит студент* будет интерпретироваться как ‘в данном контексте слово *студент* следует понимать в соответствии с его стандартным значением, принятым в языковом коллективе’.

Следует отметить, что семантическим особенностям каждого из трёх рядов тавтологий можно найти соответствие в описании ГТ у Булхофа и Гимбела. Так, значение конструкций первого ряда соответствует условию равноценности ГТ: ‘Х-ы одинаковы и, следовательно, имеют равную значимость в своей категории’; указание особого места категории среди прочих в конструкциях второго ряда согласуется с условием неотчуждаемости: ‘Х-ы особенные, они сильно отличаются от не Х-ов, поэтому никакие дополнительные характеристики не могут перевести Х-а в класс не Х-ов’; о метаязыковой природе ГТ было сказано выше.

Таким образом, исходя из семантики трёх рядов конструкций, можно было бы предположить, что все они способны выступать в качестве ГТ. Чтобы проверить это предположение, были рассмотрены данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и интернет-источников, а затем проведён ряд экспериментов.

3. ГТ в русском языке: данные НКРЯ и Интернет-источников

Важная особенность ГТ состоит в том, что их дифференциальные признаки носят семантико-прагматический характер и потому проявляют себя в контексте. Таким образом, найти все ГТ среди прочих тавтологий, несущих переносный смысл, оказалось бы возможным только методом сплошной выборки. В данном исследовании мы ограничились анализом тавтологий трёх рядов с лексическим содержанием ‘человеческие роли’: *мать, отец, муж, жена, дети, студент, учитель, женщина, мужчина* и пр. и ‘человеческая деятельность’: *любовь, брак, развод, измена, работа* и пр. как наиболее частотных и легко интерпретируемых [Gibbs & McCarrell 1990].

В целом, можно утверждать, что в русском языке ГТ не являются широко распространёнными, однако могут быть выражены конструкциями каждого из трёх описанных рядов.

(2) [про детей с синдромом Дауна. – Е.В.] *Я вообще не понимаю людей, которые называют таких детей отсталыми. Они сами отсталые, раз такие вещи говорят во взрослом возрасте. Дети есть дети.* [Интернет]

(3) *A диплом – он и в Африке диплом, что МГУ, что Владикавказского горно-металлургического.* [Интернет]

(4) *A: А дети от предыдущих женщин? В: Дети – это дети. Они всегда были детьми и останутся.* [НКРЯ]

(5) [речь идёт о том, что можно считать изменой] *A: А если, например, случайно вышло, по пьяне, и человек раскаивается? В: Не бывает, и я неспроста писала после «ни за что», никаких «если», «кроме» и т.д., измена – значит измена, этого нельзя оправдать.* [Интернет]

В примерах (2) и (3) мы имеем дело с условием равнозначности: дети с синдромом Дауна такие же, не хуже, чем здоровые дети, диплом МГУ не лучше, чем диплом любого другого вуза и т.д. В примерах (4) и (5) представлено условие неотчуждаемости: дети от предыдущих женщин не перестают быть родными детьми, а измена остаётся изменой, каким бы ни было состояние изменяющего.

Таким образом, данные корпуса и Интернета опровергли гипотезу Исраэли о том, что не все синтаксические модели способны служить способом выражения для ГТ, однако остались вопросы, во-первых, о предпочтительности для носителей языка той или иной модели; во-вторых, о взаимосвязи семантических характеристик ГТ и конкретного способа её выражения.

4. ГТ в русском языке: экспериментальные данные

В рамках пилотного эксперимента 1 проверялась гипотеза Исраэли о предпочтительности конструкции *X и в Африке X* среди прочих. В роли испытуемых выступили 20 носителей русского языка (25-35 лет). Стимульным материалом послужили диалоги, в которых в вопросе эксплицитно подвергается сомнению первое, а затем второе условие (по два диалога в каждом варианте задания), а в качестве ответа предлагалось четыре варианта тавтологических конструкций.

(6) *A: Какая же это мать, если она совсем не заботится о ребёнке?* [подвергается сомнению первое условие неотчуждаемости представителей категории: дополнительное условие ‘не заботится о своём ребёнке’, по мнению говорящего, позволяет исключить референта из категории МАТЬ. – Е.В.]

Б: ...

- a) Мать – это мать.*
- б) Мать есть мать.*
- в) Мать и в Африке мать.*
- г) Мать значит мать.*

По результатам **эксперимента 1** гипотеза Исраэли не подтвердилась (см. табл. 1 и рис. 1): наиболее предпочтительной оказалась для испытуемых конструкция *X есть X* (42,5%), а остальные конструкции заняли приблизительно равные позиции (20%, 20%, 17,5%).

Таблица 1

Синтаксическая модель	X это X	X есть X	X и в Африке X	X значит X
<i>Количество ответов</i>	8	17	7	8
<i>Процентное соотношение</i>	20%	42,5%	17,5%	20%

Эксперимент 2 был направлен на выявление факторов, влияющих на выбор той или иной синтаксической модели. **Гипотеза** состояла в том, что выражаемое в конкретной ГТ условие неотчуждаемости или равноценности представителей категории может быть связано с выбором синтаксической модели. Также проверялась роль лексического наполнения конструкции; вслед за Раймондом Гиббсом и Нэнси МакКаррелл, было выделено три группы: человеческие роли (ЧР); абстрактные существительные со значением ‘человеческая деятельность’ (АС); конкретные существительные (КС). Для составления задания использовалось по 2 существительных каждого типа: *мать, студент; работа, брак; телефон, компьютер*. Поскольку первый эксперимент не выявил большей, по сравнению с остальными, приемлемости конструкции *X и в Африке X*, было решено использовать по одной базовой конструкции каждого из трёх типов: соответственно, *X есть X*, *X – это X*, *X значит X*. Стимульный материал содержал диалоги, подобные описанным

выше, однако в данном эксперименте допускалось выбрать больше, чем одну конструкцию одновременно, либо не выбрать ни одной.

В **эксперименте 2** приняли участие 24 испытуемых – носителей русского языка (20-35 лет), которые не участвовали в предыдущем эксперименте. Каждому респонденту предлагался один из шести вариантов заданий, включающих 3 диалога с тремя типами существительных и проверяющих два условия одного типа и одно условие другого типа. Варианты были распределены равномерно, и, таким образом, в итоге было получено 72 диалога, из которых 36 выражали условие неотчуждаемости представителей категории и 36 – условие равноценности представителей категории.

Приведём сокращённый пример задания (Вариант 3):

(7) Иностранка Мэри в переписке с русским другом Петей обсуждает множество тем. Мэри часто не согласна с Петей, но не всегда знает, как лучше выразить свою мысль по-русски. Помогите ей выбрать наиболее подходящий по смыслу вариант.

1) Петя: Разве можно назвать студентом [человеческая роль. – Е.В.] человека, которому больше 50 лет? [эксплицитно подвергается сомнению условие неотчуждаемости. – Е.В.]

Мэри: ...

- 1) Студент есть студент
- 2) Студент – это студент
- 3) Студент значит студент

С Вашей точки зрения, Мэри следует выбрать ответ (ответы):

- a) 1
- б) 2
- в) 3
- г) 1 или 2
- д) 2 или 3
- е) 1 или 3
- ж) любой из трёх вариантов
- з) ни один из вариантов

2) Петя: Разве можно сравнивать работу [человеческая деятельность. – Е.В.] с людьми в крупной корпорации и работу

дома за компьютером? [эксплицитно подвергается сомнению условие равноценности. – Е.В.]

Мэри: ...

- 1) *Работа – это работа.*
- 2) *Работа есть работа.*
- 3) *Работа значит работа.*

[С Вашей точки зрения, ...]

3) *Петя: Разве это телефон* [конкретное существительное. – Е.В.], *если у него даже сигнал звонка не работает?* [эксплицитно подвергается сомнению условие неотчуждаемости. – Е.В.]

Мэри: ...

- 1) *Телефон – это телефон.*
- 2) *Телефон есть телефон.*
- 3) *Телефон значит телефон.*

[С Вашей точки зрения, ...]

Результаты **эксперимента 2**, во-первых, подтвердили, что наиболее предпочтительной для испытуемых, независимо от выраженного условия, является модель *X есть X*.

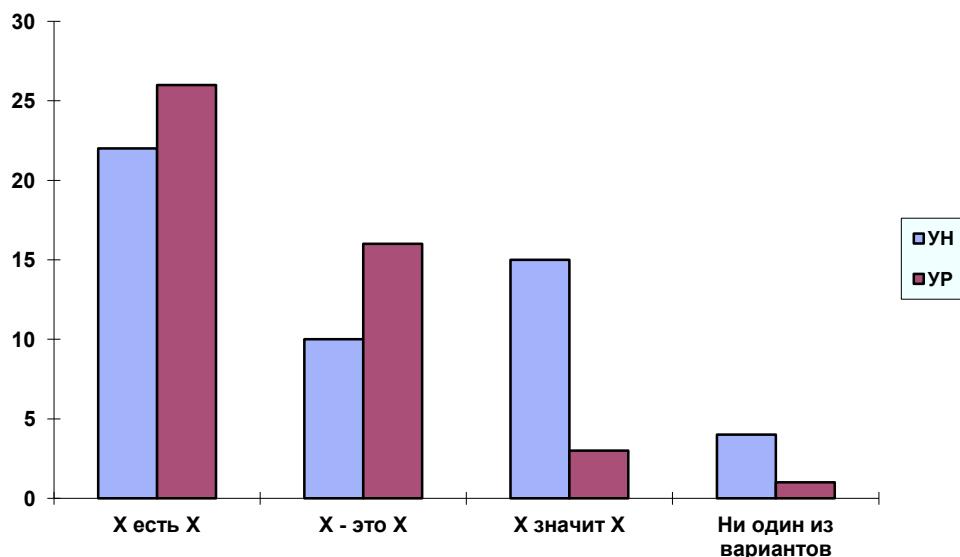
Во-вторых, можно говорить о взаимосвязи между выражаемыми в ГТ условиями неотчуждаемости или равноценности, с одной стороны, и выбором синтаксической модели, с другой стороны. В частности, выраженное в ГТ условие неотчуждаемости (УН), т.е. отказ от исключения объекта из категории, значительно повышает вероятность употребления метаязыковой конструкции *X значит X*. Соответственно, при выраженном в ГТ условии равноценности (УР), т.е. отказе от предпочтения одного объекта другому в рамках одной категории, метаязыковая конструкция *X значит X* встречается значительно реже, а её «голоса» распределяются между двумя другими конструкциями (см. табл. 2, рис. 2).

Таблица 2

Синтаксическая модель	X есть X	X – это X	X значит X	Ни один из вариантов
Условие неотчуждаемости (УН) (кол-во ответов и %)	22 (43%)	10 (20%)	15 (29%)	4 (8%)

Условие равноценности (УР) (кол-во ответов и %)	26 (56,5%)	16 (35%)	3 (6,5 %)	1 (2%)
---	---------------	----------	-----------	--------

Рисунок 1

При анализе связи между лексическим наполнением ГТ и выбором синтаксической модели можно заметить, что общим результатам в наибольшей степени соответствуют ГТ с человеческими ролями, однако в целом они справедливы для ГТ с любым из трёх типов существительных. Заметим, впрочем, что при выраженном в ГТ с конкретными существительными условии равноценности одинаковое количество голосов получили и обычно наиболее предпочтительная модель *X есть X*, и модель *X – это X* (см. табл. 3 и рис. 2-4).

Таблица 3

Синт. модель	X есть X			X – это X			X значит X			Ни один из вариантов		
<i>Typ сущ.</i>	ЧР	АС	КС	Ч Р	АС	КС	Ч Р	АС	КС	Ч Р	АС	КС
Условие неотчуж .	6	9	7	2	5	3	5	5	5	2	0	2
Условие равноц.	11	8	7	4	5	7	0	2	1	0	1	0

Рисунок 2
Лексическое наполнение: человеческие роли

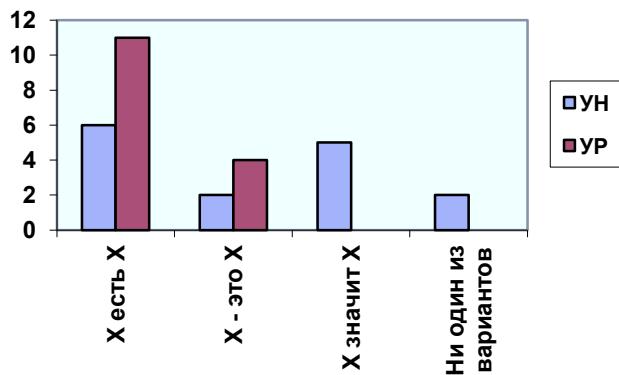

Рисунок 3
Лексическое наполнение: абстрактные существительные

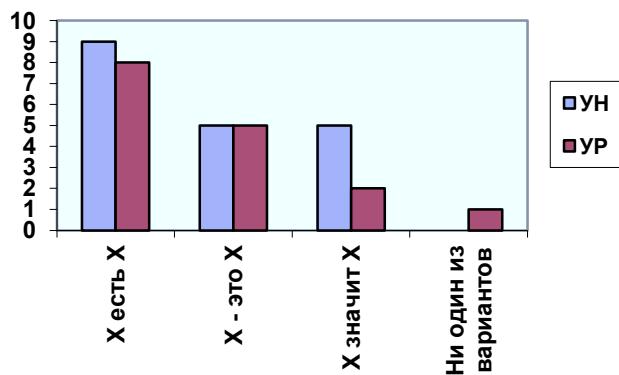
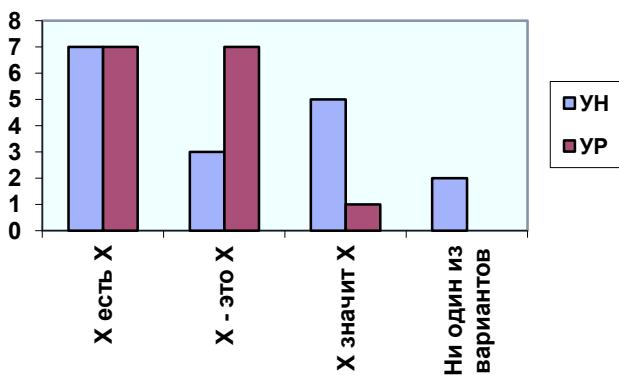

Рисунок 4
Лексическое наполнение: конкретные существительные

5. Обсуждение и выводы

Результаты проведённых экспериментов позволили ответить на поставленные вопросы. Было опровергнуто предположение Исраэли о невозможности выражения ГТ в русском языке определёнными синтаксическими моделями и о наибольшей

приемлемости модели *X и в Африке X*. Однако полученные результаты также не вполне согласуются и с утверждением Булхофа и Гимбела о независимости ГТ от языковой формы: как было показано выше, в русском языке наиболее предпочтительной оказалась модель *X есть X*. По-видимому, этот факт объясняется большей, по сравнению с остальными, нейтральностью и семантической пустотой данной конструкции, как замечено Е.В. Падучевой:

«Итак, мы вправе заключить, что конструкция «*X есть X*» не может быть описана на чисто семантическом уровне: ее толкование обращено не к смыслу слова *X*, а к связанной с ним импликатуре, которая целиком на совести говорящего и, в принципе, может быть своей для каждого употребления» [Падучева 2004: 107].

Таким образом, говорящий, используя в речи конструкцию *X есть X*, может практически «с нуля» передать любое значение, в частности, установление тождества объекта самому себе, что и делает тавтологию глубинной. С другой стороны, конструкции *X – это X* и *X значит X* являются гораздо менее нейтральными, поэтому говорящему требуется больше усилий, чтобы проанализировать уже присутствующий в них семантический компонент и актуализируемое значение ГТ, а затем сделать вывод об их сопоставимости.

Второе наблюдение касается связи между выраженным в ГТ условиями и выбором метаязыковой конструкции *X значит X*. Испытуемые вполне допускали выражение ГТ метаязыковой конструкцией при условии неотчуждаемости (29%), однако гораздо менее охотно выбирали её при условии равнозначности (6,5%).

Представляется, что метаязыковая природа ГТ, которую подчёркивали Булхоф и Гимбел, гораздо сильнее проявляет себя именно при указании на незыблемость границ категорий, независимо от дополнительных условий (условие неотчуждаемости), когда строгое, «терминологическое» толкование слова противопоставляется его стереотипическому пониманию. В случае же указания на равнозначность членов категории респонденты обращают внимание в первую очередь не на языковую компетенцию ('оба объекта в равной степени

достойны называться данным словом’), а на представления о внеязыковой действительности (‘Х1 ничем не хуже Х2’). Таким образом, «экспертное» знание языкового значения слова, носителем которого выступает говорящий при употреблении метаязыковой конструкции, используется, чтобы устанавливать границы категории, но не иерархию членов внутри неё.

В заключение добавлю, что в данной работе рассматривались только номинативные ГТ, однако они могут включать и другие части речи: глаголы, прилагательные, местоимения, наречия, что оставляет поле для дальнейшего исследования.

Литература

1. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
2. Вилинбахова Е.Л. Доклад значит доклад: метаязыковые тавтологические конструкции в русском языке // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы. Санкт-Петербург 12-14 сентября 2013 г. Тезисы докладов. СПб., 2013. URL: <http://www.iiling.spb.ru/conf/rusconstr2013/pdf/abstracts.pdf>
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
4. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
5. Bulhof J. & S. Gimbel. Deep Tautologies // Pragmatics and Cognition. 2001. № 9-2.
6. Bulhof J. & S. Gimbel. A tautology is a tautology (or is it?) // Journal of Pragmatics. 2004. № 36 (3).
7. Gibbs R.W. & N.S. McCarrell. Why Boys Will Be Boys and Girls Will Be Girls: Understanding Colloquial Tautologies // Journal of Psycholinguistic Research. 1990. № 19.
8. Israeli A. Tautologies in Russian // Вторая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. СПб., 2006.

Д.В. Вяльцева
МГЛУ, Москва

Устный дискурс детей в возрасте 6-7 лет

В данной работе предпринята попытка проследить основные закономерности развития речи детей старшего дошкольного возраста. Подробно рассматриваются логопедические нормы, влияние дополнительных факторов на развитие речи ребенка и взаимосвязь между социокультурным статусом семьи и развитием речи ребенка.

Для выявления факторов, влияющих на развитие речи ребенка, и динамики ее развития был проведен трехступенчатый эксперимент. Также была предпринята попытка проанализировать речевые ошибки, появляющиеся в речи детей. Для анализа полученных данных были составлены таблицы критериев оценки устной детской речи.

Ключевые слова: онтолингвистика, развитие речи, логопедические нормы, социокультурный статус, динамика развития, речевые ошибки, критерии оценки.

The article is an attempt to investigate the main peculiarities of speech development in senior pre-school children. The article deals with the notion of developmental linguistics, the science that studies speech activity of a child. The paper focuses upon basic logopedic norms, the influence of additional factors on language acquisition and the interconnection between the family's sociocultural status and the child's speech development.

To identify the peculiarities of speech development in senior pre-school children a three-staged experiment was conducted. The purpose of this experiment was to identify factors affecting speech development, and to follow the dynamics of children's speech.

Also, there was an attempt to investigate speech errors that occurred in children's speech. To analyze the data tables of speech development criteria were formed.

Keywords: developmental linguistics, language acquisition, logopedic norms, sociocultural status, senior pre-school children, dynamics of children speech, speech errors.

Речь детей изучается во многих отраслях естественнонаучных и гуманитарных знаний. К настоящему времени область знаний, охватывающая проблемы речевого онтогенеза, претендует на выделение в самостоятельную исследовательскую дисциплину – возрастную психолингвистику [Горелов, Седов 2001: 148]. Детская речь представляет собой многоаспектное, мультипредметное, транснациональное, многомерное явление [Шахнарович 1999: 124].

В настоящее время на стыке языкознания и психологии развивается новая научная отрасль – психолингвистика, данные которой всё шире используются различными методиками обучения языку. И языкознание, и психолингвистика помогают решить такой сложный вопрос, как развитие и взаимосвязь понятий язык и речь.

Один из разделов психолингвистики, изучающий онтогенез речи и детскую речь: формирование речевой способности ребенка, возникновение и дальнейшее развитие индивидуального языка и возрастные изменения в языке индивида, называется онтолингвистика [Ушаков 2000: 135].

В научных кругах возможен такой взгляд на детскую речь, который можно условно назвать «горизонтальным», при котором она рассматривается как репрезентация особой «детской» языковой системы, являющейся в известной степени автономной, отражающей достигнутый ребенком к данному моменту уровень его когнитивного развития и способной удовлетворять его коммуникативные потребности [Шахнарович 1999: 97].

В качестве основных критериев, определяющих уровень владения родным языком, выделяют: состояние лексикона, уровень сформированности грамматической и фонетической компетенций [Выготский 1991: 354].

Центральной, ведущей задачей онтолингвистики является развитие связной речи. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, в связной речи реализуется основная функция языка и речи – коммуникативная (функция общения). Во-вторых, в связной речи наиболее ярко выражена взаимосвязь умственного и речевого развития. В-третьих, в связной речи отражены все другие задачи речевого развития: формирование словаря, грамматического строя, фонетической стороны. В ней проявляются все достижения ребенка в овладении родным языком [Белянин 2004: 287].

Так как данная статья сфокусирована главным образом на развитие речи детей старшего дошкольного возраста, то основное внимание также уместно будет сосредоточить на логопедических нормах для детей данной возрастной группы.

Развитие речи ребенка в возрасте 5-6 лет

В старшем дошкольном возрасте важной задачей является подготовка ребенка к обучению в школе. В этом возрасте надо учить дошкольника связно и последовательно передавать виденное, правильно произносить слова и фразы [Логинова 1984: 122]. Словарный запас составляет примерно 2500-3000 слов. Ребенок овладевает связной речью, способен составить рассказ по картинке, пересказать текст в нужной временной и логической последовательности. Речь правильная, но возможны ошибки при построении сложных предложений. Произношение всех звуков правильное [Лепская 1997: 54].

Развитие речи ребенка на 7 году жизни

Словарный запас увеличивается от 3500 до 7000 слов. Присутствуют образные слова и выражения, устойчивые словосочетания («ни свет, ни заря», «на скорую руку» и др.) Осваиваются грамматические правила изменения слов и соединения их в предложении [Цейтлин 2000: 98]. Развивается языковое и речевое внимание, память, логическое мышление и другие психологические предпосылки, необходимые для дальнейшего развития ребенка, его успешного обучения в школе. Произносительная сторона речи ребенка седьмого года жизни достигает довольно высокого уровня [Жинкин 1966: 120].

Развитие речи ребенка – это сложный многоступенчатый процесс, на совершенствование которого оказывают влияние не только внутренние, но внешние аспекты развития, такие как среда, в которой воспитывается ребенок, и социокультурный статус.

Социальный статус семьи – сочетание индивидуальных характеристик членов семьи с ее структурными и функциональными параметрами. Социокультурный статус семьи составляет совокупность таких признаков, как профессия родителей, образование, отношение к воспитанию ребенка (в том числе к его речевому развитию), привычное проведение досуга, круг чтения и др. [Выготский 1997: 345].

Социокультурный статус предполагает формальное отнесение к одной из трех групп: а) семья с высоким

социокультурным статусом, б) семья с низким социокультурным статусом, в) смешанный социокультурный статус семьи [Доброва 2009: 47].

Для выявления особенностей и закономерностей развития речи ребенка старшего дошкольного возраста был проведен многоступенчатый эксперимент. В качестве испытуемых выступили дети в возрасте 6-7 лет 2005 и 2006 года рождения детского сада № 47 «Радуга» города Серпухова (22 человека: 11 мальчиков, 11 девочек). Родной язык всех испытуемых – русский.

Испытуемым не были заранее известны темы для пересказов и темы для составления спонтанных рассказов.

На первом этапе проводилась запись детей в возрасте 6 и 6,5 лет летом 2011 года на протяжении 5 недель. Для дальнейшей работы со звуковым материалом была разработана таблица критериев оценки устной детской речи, основными полями которой являются: фамилия и имя ребенка, развитие словаря, состояние лексикона речи, грамматический строй языка, фонетическая компетенция, ошибки в устной речи, соответствие логопедическим нормам.

Полученные данные были обработаны в соответствии со следующей методикой:

1. Каждая запись ребенка была расшифрована.
2. Результаты расшифровки были занесены в базу данных реляционного типа, созданную с помощью Microsoft Excel.
3. Количество слов каждого монолога сравнивалось с количеством слов оригинала.

Также был проанализирован грамматический строй устной речи ребенка, а именно: способность ребенка к правильному словообразованию (применение суффиксов, приставок), умение правильно изменять слова по числам, родам, падежам. Было подсчитано количество составленных сложных бессоюзных предложений, а также предложений с союзами. Кроме того, был проанализирован фонетический строй речи: интонация, паузы, ударение.

Второй этап эксперимента проводился зимой 2012 года, полгода спустя. В качестве испытуемых выступили те же дети, только в возрасте 6,5-7 лет. Эксперимент проводился в условиях аналогичных летнему эксперименту. Полученные данные обрабатывались тем же способом, что и данные первого эксперимента, заносились в те же таблицы базы данных.

Летом 2012 года с детьми 2007 года рождения в возрасте 6-6,5 лет был проведен дополнительный эксперимент. Целью дополнительного эксперимента является не только установление закономерностей развития детской речи на данном возрастном этапе, но и определение того, наблюдаются ли какие-либо изменения в речи детей одного возраста, но разных годов рождения. В эксперименте приняли участие одиннадцать детей в возрасте 6-6,5 лет, среди них 5 девочек и 6 мальчиков. В качестве испытуемых выступали дети детского сада № 47 «Радуга» города Серпухова. Эксперимент проводился в тех же условиях, что и предыдущие эксперименты.

Полученные данные обрабатывались так же, как и данные первого эксперимента. В результате дополнительного эксперимента было получено 11 записей детской речи, которые представляют собой отрывки спонтанной речи на темы «Моя любимая игрушка» и «Мой любимый мультфильм». Каждая запись ребенка была расшифрована, и полученные данные были занесены в базу данных реляционного типа. Процедура анализа данных соответствовала анализу ранее полученных результатов.

В рамках работы были использованы сведения, полученные психологом детского сада и социальным педагогом школы-гимназии с целью выявления готовности детей подготовительной группы к школе и определения социокультурного статуса семьи каждого ребенка. С этой целью проводилось анкетирование родителей, и проверялся социокультурный статус семьи.

После детального анализа полученных результатов можно сделать некоторые предварительные выводы. В целом можно отметить, что на данном этапе речь детей развивается правильно. Динамика речевого развития прослеживается в основном у всех детей. Речь девочек в возрасте 5,5-6 лет развита намного лучше. Если же рассматривать речь мальчиков, то станет ясно, что лишь один ребенок показал наилучший результат, у шести мальчиков речь в пределах нормы, а речевое развитие четырех детей совсем не соответствует норме.

Большое значение, как выяснилось, имеет для ребенка посещение дополнительных занятий и детских центров. Речь таких детей становится более правильной и развитой. Хочется добавить, что истории, имеющие четкую сюжетную линию, пересказываются детьми лучше, чем рассказы описательного характера.

Что касается социокультурного статуса, то было выявлено 7 семей с высоким социокультурным статусом, 9 семей со смешанным и 6 семей с низким социокультурным статусом. Данные анкетирования и экспериментов показали, что в большинстве случаев наблюдается тесная связь между социальным статусом семьи и уровнем развития речи детей.

В целом хочется отметить, что речь детей, участвовавших в третьем эксперименте (лето 2012), в основном соответствует логопедическим нормам. Полностью логопедическим нормам соответствует речь только трех детей: двух девочек и одного мальчика. Средние показатели наблюдаются у семи человек: трех девочек и четырех мальчиков. Полностью не соответствует логопедическим нормам речь одного мальчика.

Сравнительный анализ показывает, что речь детей 2005 года рождения больше соответствует логопедическим нормам, чем речь детей 2006 года рождения. Более половины детей 2005 года показали отличные результаты при проведении эксперимента, в то время как всего третья часть детей 2006 года рождения имеют такие же показатели. У большинства детей данной группы показатели средние. Что касается детей старшего возраста, то здесь наблюдается иная ситуация (только 22% процента участников имеют средние показатели). Так как мы сравниваем речь детей в возрасте 6 лет, у детей старшего возраста несоответствие логопедическим нормам оказывается выше, чем у детей 2006 года рождения (22% против 9%). Таким образом, хотя дети, рожденные в 2005 году, имеют высокий процент несоответствия логопедическим нормам, эти же дети показали лучшие результаты по сравнению с детьми младшего возраста. При этом нельзя делать категорических выводов, так как временной промежуток очень небольшой. Однако некая тенденция к ухудшению речи детей наблюдается.

Если же рассматривать данные критерии с гендерной точки зрения, то становится очевидно, что речь девочек развита лучше, при этом данная тенденция сохраняется у детей обеих возрастных групп.

Если рассматривать такой аспект, как ошибки в речи детей данной возрастной группы, то можно сделать следующие выводы. В целом в речи детей нет грубых ошибок, которые бы мешали воспринимать сказанное. Однако некоторые речевые

недочеты все же можно отметить. В речи детей 2005 года рождения наблюдаются следующие ошибки:

а) Употребление падежей.

Одной из грубейших ошибок является неправильное употребление падежей, причем наибольшие затруднения вызывает применение винительного и родительного падежей (*от петелечках, садится на плече*).

б) Искажение слов.

Данная категория ошибок типична для детей старшего дошкольного возраста. Так, одна девочка образовала неологизм *кудренные*. Отмечается неправильное согласование прилагательного с существительным (*двое гусениц*).

в) Фонетические ошибки.

Речь большинства детей не содержит грубых фонетических ошибок, однако у троих детей (из них две девочки) возникают проблемы с произношением некоторых согласных. Чаще всего дети не выговаривают шипящие звуки.

г) Повтор слов.

Данный недостаток также редко встречается, однако один ребенок чрезмерно употреблял в пересказе слово-паразит *вот*, часто в его речи возникало местоимение *я*.

Ситуация с детьми 2006 года рождения иная. В их речи присутствуют различные ошибки, лишь у троих детей их нет. Для сравнения: только 8 детей старшего возраста не допустили ошибок. У остальных детей можно обнаружить следующие виды типичных ошибок:

а) Употребление падежей.

У троих детей наблюдаются проблемы при использовании падежей. Один ребенок допустил три ошибки (*стрелять кораблики, упал на планете, нашел друзья*). Также подобные ошибки были обнаружены у двух девочек-близнецов (*в одежде невесте, светло-оранжевого платье*).

б) Фонетические ошибки.

Слабая артикуляция всех звуков наблюдается у одного ребенка.

Наибольшее количество новых слов наблюдается в речи одного мальчика. Это такие слова как *декант, справедливие* и *словчился*. Данные ошибки можно объяснить тем, что ребенок однажды слышал эти слова, но целиком звуковую форму не запомнил, и, используя словообразовательные модели,

самостоятельно достроил слово. Просторечные выражения встречаются в речи двух мальчиков (*нету и ложить*). Слово *крагобалет* имеет ту же природу, что и слова типа *справедливие*. Еще одной ошибкой в речи является тавтология *герой персонажа*, говорящая о «взрослости» речи девочки, но указывающая на то, что ребенок не понимает точного значения словосочетания.

Из сказанного можно сделать вывод, что, хотя в речи детей 2005 года можно обнаружить некоторые ошибки, в речи детей 2006 года их гораздо больше, что косвенно свидетельствует о несколько замедленном темпе развития. С другой стороны, способности образовывать новые слова отмечаются у детей младшего возраста, в то время как такие случаи у детей старшего возраста единичны (*кудреный*).

После проведения трехэтапного эксперимента и обработки полученных данных стало ясно, как развивается речь детей старшего дошкольного возраста, какие факторы влияют на ее развитие и насколько заметна динамика развития детской речи. В результате эксперимента было получено 55 образцов устной речи общей продолжительностью около 100 минут звучания.

Хочется отметить, что большую роль в развитии речи ребенка играют дополнительные факторы, такие как профессия родителей, полная или неполная семья, посещение детских развивающих центров, участие третьих лиц в его воспитании.

На третьем этапе эксперимента стало очевидно, что динамику речевого развития легче проследить у детей 2005 года рождения, их речь правильнее и больше соответствует логопедическим нормам, чем речь детей 2006 года рождения. Немаловажным результатом стало выявление закономерностей между качеством речи детей и социокультурным статусом семьи.

Литература

1. Белянин В.П. Психолингвистика. 2-е изд. М., 2004.
2. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. М.: 1997.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991.
4. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2001.
5. Доброва Г.Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальные и экспрессивные стратегии освоения языка // Вопросы психолингвистики. Вып. 2. 2009. С. 54-71

6. Жинкин Н.И. Психологические основы развития речи // В защиту живого слова. М., 1966.
7. Лепская Н.И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.
8. Логинова В.И. Развитие речи детей дошкольного возраста / А.И. Максаков, М.И. Попова. М., 1984.
9. Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика. М., 2008.
10. Ушакова Т.Н. Психолингвистика: учебник для гуманитарных специальностей. СПб., 2000.
11. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000.
12. Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М., 1999.

Е.М. Девяткина
ИЯз РАН, Москва

Элементы мордовского национального костюма: сопоставление лингвистических и этнографических данных¹

В статье приводится анализ названий головных уборов как элемента национального костюма мордвы. Этимологизация даёт возможность сделать вывод о том, что для общемордовского уровня надёжно восстанавливается название одного головного убора. В мордовских языках обнаруживается большое количество тюркских и русских заимствований, собственных производных.

Ключевые слова: *мордовские языки, эрзянский язык, мокшанский язык, этимология, лексика.*

The paper consider the analysis of the names of the headwear as a part of the national costume of the Mordvins. The name of the one headdress surely reconstructs to Proto-Mordvin. There are a large number of Turkic and Russian borrowings, own derivatives in the Mordvin (Erz'a and Moksha languages).

Keywords: *Mordvin languages, Erz'a, Moksha, etymology, vocabulary.*

Мордовские языки относятся к финно-волжской группе финно-угорской ветви уральской языковой семьи. К мордовским языкам относятся эрзянский и мокшанский. Принято считать, что оба языка довольно близки друг к другу, хотя имеют целый ряд существенных различий на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Исследование предметов материальной культуры является важным аспектом изучения истории народа, его быта и окружения. Мордовский национальный костюмный комплекс является одной из важнейших составляющих материальной культуры. В нашем исследовании мы остановимся на одном из неотъемлемых элементов костюмного комплекса эрзи и мокши, а именно – головных уборах. Мы попытаемся реконструировать

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-04-00269а «Реконструкция названий предметов материальной культуры в мордовских языках». Автор выражает благодарность О.А. Мудраку за ценные комментарии, которые были учтены при подготовке статьи.

названия головных уборов и сопоставить их с этнографическим материалом. В работе мы используем общепринятую финно-угорскую транскрипцию, в литературных источниках сохранена орфография оригинала.

Исконная прамордовская лексика

эрз. *raŋgo* ‘женский головной убор’ [ЭРС: 454], мокш. *raŋga* ‘праздничный головной убор замужней женщины’ [МРС: 459]. < ФУ, фин. *panka* ‘ручка, рукоятка’, эст. *pang* ‘ручка, рукоятка’, манс. *понкоали* ‘вожжи’ [Цыганкин 1977: 71].

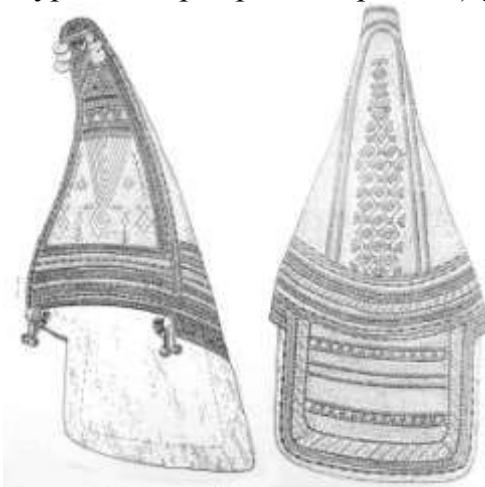
(1) эrz. *Прясонозо кенденъ сэрей шляпа теке одирывань панго* [Абрамов 1971: 12]. ‘На голове у него войлочная высокая шляпа, как **панго** у невесты’.

(2) эrz. *Прясонзо сэрей панго путокшиносъ* [Масторава: 48]. ‘На голову высокую **панго** положила’.

В мордовских языках существует множество производных-названий головных уборов, например: мокш. *kal'am-raŋgən'ä* М:P ‘траурный чепчик’ [Paasonen: 1533], эrz. *r'iče-raŋgo* ‘женский головной убор (платок, повязанный особым образом)’, эrz. *svačan'* *raŋgo* ‘свадебный головной убор свахи’ [Белицер 1973: 213], мокш. *raŋgən'ät* ‘головной убор замужней женщины в виде мягкого чепца’ то же, что эrz. *волосник* [Белицер 1973: 213].

Данный тип головного убора исчезает из быта на территории современной республики Мордовия в 20-х годах, а в некоторых других районах (Ульяновская обл., республика Чувашия) еще в самом начале XX в. [Белицер 1973: 149]. Он имел несколько разновидностей в зависимости от региона распространения.

Рис. 1. Головной убор замужней эрзянки *панго* (Кочкуровский р-н р-ки Мордовия) [Белицер 1973: 158]

Наиболее широко распространенный вид *панго* представлял собой высокий (25-30 см) головной убор в форме полуцилиндра, суживающийся кверху и переходящий в конус. У некоторых головных уборов верхняя часть была более удлиненной и напоминала рог, который загибался несколько вперёд. Основа убора состояла из луба, обтянутого холстом, а затем обшитого красной тканью (кашемиром, реже кумачом, сатином или шелком). На шею сзади спускалась небольшая лопасть [Белицер 1973: 147-149]. Интересным представляется тот факт, что у соседних народов и отчасти мордвы данный вид головного убора также мог называться *эрзянъ кокошка* ‘эрзянский кокошник’ или *кокушка*.

Собственные производные

мокш. *k'evgor*, *kujgär* ‘свадебный головной убор невесты на твердой основе’ [Белицер 1973: 213] < эрз. *k'ivg'er*’ ChrE, *k'iv'g'er*’ E:Mar, *k'iv'g'ir*’ E:Hl, *k'ir'g'ev* E:Atr, *k'ir'gov* E:VVr, *g'ig'ir* E:Ba, *gug'er*’ E:Kad E:Kal, *gug'är*’ E:Kažl, *k'irgov* E:Jeg, *k'irgoč* E, мокш. *kujgär* ChrM M:P Pš Čemb Ur, *g'ivgər* M:Sel, *kujgär* M:Jurtk ‘береста’ [Paasonen: 789].

мокш. *kujgär l'enta*, *kujgär fata* – части головного убора невесты [Белицер 1973: 213]

К группе старинных головных уборов на твёрдой основе можно отнести *куйгор*. В музеиных коллекциях не сохранилось этого типа головного убора – к началу XX века его перестали носить. В 50-60-х годах XX века этнографы могли зафиксировать лишь устное описание этого головного убора: «*куйгор* представлял собой цилиндр без дна, сделанный из бересты, высотой 30-35 см. Лицевая сторона *куйгора* была обшита кумачом и разноцветными лентами. На нижний край прикрепляли более широкую красивую ленту; сзади её завязывали бантом так, чтобы концы спускались на спину... *Куйгор* был распространен у мокши на широкой территории в Ковылкинском, Старошайговском, Краснослободском, Темниковском, Рузаевском и некоторых других районах» (Е.Д.: республики Мордовия) [Белицер 1973: 160].

мокш. *tavn'ä* этн. ‘старинный женский головной убор’ < эрз. *tavadoms* E:Atr Večk Is Jeg, *tavadmo(ks)* E:VVr, *tavadums* (~*tavadoms*) E:Kad, мокш. *tavadäms* M:P Čemb Sel Sučk, ?

*tavadams M:Kul ‘покрыть, закрыть’ [Paasonen: 2288], букв. покров.

эрз. tavatks E:VVr Kad Is, мокш. tavatks M:P Kr Sel ‘покрывало’ [Paasonen: 2288].

эрз. pulok’er ‘головной убор у эрзянки’ [ЭРС: 526]. Сложное слово, собственное производное от эрз. pulo ‘хвост, коса’ и эрз. k’er’ ‘лыко; лубок; кора липы и вяза’. В эрзянском языке довольно большое количество сложных слов-названий предметов одежды, в составе которых присутствует основа pulo с семантикой ‘коса’, например:

эрз. l’enta-pulă E:Ba ‘женский головной убор, чепчик’ [Paasonen: 1836]

эрз. l’ontočka-pulo E:Is ‘ленточка в середине косы у девочек’ [Paasonen: 1836]

эрз. pulo-p’e E:Atr VVr, pulu-p’e E:Kad, мокш. pula-p’e M:Kr досл. ‘кончик косы’, E:Kad ‘шёлковое украшение в косе девочек’ [Paasonen: 1837].

мокш. aškotf ‘девичий головной убор в виде венка или налобной повязки’ [Белицер 1973: 212] < эрз. ašo ChrE E:Mar Atr Večk Is NSurk Jeg, ašu E:?Hl, aša E:Petr, мокш. akšä ChrM, akša M:P M:Vod Sel Alk ‘белый / чистый / белокурый / белизна / рубль’ [Paasonen: 76] + эрз. kotst ~ kot ~ kotχ ChrE, koc E:Mar Atr Ba Večk Jeg, kott E:VVr, kotχ ~ kotf E:Kad, kotχ E:Kal, kotf E:Kažl, kot E:Is, koc E:StŠant, мокш. kotf ChrM M:P ‘холст’ [Paasonen: 815].

мокш. kon’afks M:P Čemb Sučk [Kr] ‘налобный венок из листвьев берёзы у девушек’ [Paasonen: 847], эрз., мокш. kon’avks ‘девичья налобная повязка’ [Белицер 1973: 213].

эрз. kon’ava pac’ā E:Mar ‘налобник’ [Paasonen: 846].

эрз. kon’ā pac’ā, мокш. kon’än’ä ‘девичий головной убор в виде налобника’ [Белицер 1973: 213].

< эрз. kon’ā ML(E) E:Mar HL StŠant, kon’ä ML(M) M:P ‘лоб’ [Paasonen: 846].

эрз. pr’ā s’uks ‘девичья головная повязка’ [Белицер 1973: 213] < эрз. pr’ā ~ p’ir’ā ChrE E:Mar Atr Kažl Kal Večk Vez Jeg, мокш. p’r’ε ~ p’ir’ε ChrM, pr’ä M:P Sel Sučk MdJurtk Temn ‘голова’, ‘вершина’, ‘макушка’... [Paasonen: 1796] + эрз. s’uks E:Mar Atr Ba Kad Kal Večk Is Jeg, s’uks ~ šuks E:VVr, мокш. s’utks M:P Čemb ‘лента’ [Paasonen: 2191].

эрз. *pr’as putuma* E:Kad E:Kal ‘налобник у девушек’ [Paasonen: 1861], эрз. *pr’as putuma* ‘старинный девичий головной убор в виде обруча, обшитого бисером и раковинами’ [Белицер 1973: 213] < эрз. *pr’ā ~ p’ir’ā* ChrE E:Mar Atr Kažl Kal Večk Vez Jeg, мокш. *p’r’ε ~ p’ir’ε* ChrM, *pr’ä* M:P Sel Sučk MdJurtk Temn ‘голова’, ‘вершина’, ‘макушка’... [Paasonen: 1796] + эрз. *putoms* E:Mar Atr Večk Petr Jeg, *putums* E:Kal Hl NSurk, мокш. *putəms* ChrM ‘класть, ставить’, ‘дать, платить и т.п.’, ‘назначать’ [Paasonen: 1858].

эрз. *purdavks* ‘налобная повязка’ [Белицер 1973: 214] < эрз. *puvurdams ~ purdams* ChrE, мокш. *puvərdams* ChrM ‘поворнуть, крутнуть, закрутить’ [Paasonen: 1869] + -ks.

мокш. *s’ormafks* ‘женский налобник’ [Белицер 1973: 214] < эрз. *s’orma* ChrE E:Mar Kad NSurk E:Ba, мокш. *s’orma* ChrM M:P Sel Temn ‘пушнина, вышивка’ [Paasonen: 2173] + -ks.

мокш. *pan’čf* ‘девичий головной убор в виде венка’ [Белицер 1973: 213] < эрз. *pančt* E:Večk, *pan’š* E:Kad, мокш. *pan’čf* M:Čemb Sel Pičer, *pan’čf ~ pan’čf ~ pan’žf* M:P, *pan’šf ~ pan’žf ~ pan’čf* M:Sel, *pančf* M:Atjur ‘открытый’, ‘пушистый’, ‘только что открывшийся цветок’ [Paasonen: 1529].

мокш. *k’ärkstaf, k’ärkstafk’ä* M:P ‘маленькое жемчужное ожерелье в налобнике невесты’ [Paasonen: 726], *k’ärkstafk’ä* ‘налобная повязка’ [Белицер 1973: 213] < эрз. *k’er’ks* E:Mar Atr Gor Ba Petr Kažl Večk Is, *k’ir’ks* E:VVr, мокш. *k’är’ks* M:P Pš Kr Čemb Sel Sučk Ur ‘нанизанное, нитка или шнурок для низания’ [Paasonen: 725].

мокш. диал. *krgavan’ä* ‘легкий шелковый платок’. Производное от мокш. *kērga* ChrM M:P Pš M:Sel ‘шея’ [Paasonen: 764]. Образовано посредством суффикса -va [ГМЯ 1980: 112] и высокопродуктивного суффикса -n’ä, относящегося к суффиксам субъективной оценки [ГМЯ 1980: 109].

мокш. *p’il’əkš* ‘шапка-ушанка’. Производное от мокш. *p’il’ë* ‘ухо’. Суффикс -kš в эрзянском и мокшанском языках является малопродуктивным. В большинстве случаев он синонимичен высокопродуктивному суффиксу -ks [ГМЯ 1980: 105; ЭКМ 2000: 36; МКМ 2000: 76]. Наиболее частотными случаями словообразования при помощи суффикса -kš являются производные, обозначающие предмет, подобный, смежный тому, что означает производящая основа, например: эрз. *s’el’m’ë* ‘глаз’ > *s’el’mukšt* ‘очки’ [Paasonen: 2128, 2133].

эрз. *kasmo, kasmo pr’ā* ‘верхняя часть женского головного убора’ [Белицер 1973: 213] < эрз. *kasomo ~ kasmo ~ kasuma* E;Mar, *kasmo* E:Atr VVr Večk SŠant Jeg, *kasuma* E:Gor, *kasum* E:Ba, *kasma* E:Kad E:Kal, *kasomo* E:Bug, мокш. *kasma ~ kasām* M:P, M:Pš Sučk Jurtk, *kasmāt* (Pl.) M:Čemb, *kasma* M:Sel ‘темя’; эрз. *kasom-pr’ā* E:Kočk, *kasum-pr’ā* E:Gor Sob E:Ba, *kasmo-pr’ā* E:Večk ‘темя’ [Paasonen: 638].

мокш. *p’it’n’i* ‘женский головной цветной платок с бахромой’ [Белицер 1973: 213] < мокш. *p’it’n’i* M:P ‘дорогой, ценный, стоящий’ [Paasonen: 1690].

эрз. *s’ulo* ‘внутренний валик из пакли или холста, вставляемый в женский головной убор «кокошку»’ [Белицер 1973: 214] < эрз. *s’ulo* ChrE, *s’ulo ~ s’ulā*, мокш. *s’ulā* ChrM ‘кишка’, ‘внутренности’ [Paasonen: 2194].

Тюркские заимствования

эрз. *pat’s’ā* ChrE E:Mar Hl Kal Večk Jeg, *pat’ā~pac’ā* E:Kad, мокш. *pac’ā* M:P Sučk Gor Sel Prol Ur M:MdJurtk ‘платок’, M:Gor ‘головной, шейный платок’ [Paasonen: 1493]. Очевидный татаризм. Возможно, следует связывать с тат. *ПАЧА* ‘гребешок петуха’² < персид. *pacha* (<*paiča*) [Ахметьянов III: 8].

(3) эрз. *Паця кучтанок шолковой* [Евсевьев 1990: 21]. ‘Мы **платок** посыпаем шелковый’.

(4) эрз. *Te кодавксонть ланга сюлмазь якстере суресэ ды бисерсэ викинезь ашо паця* [Абрамов 1971: 16]. ‘Поверх косы завязан белый **платок** вышитый красной нитью и бисером’.

Существует множество производных, например:

эрз. *рас’in’ē* ‘платочек’ [Paasonen: 1496].

(5) эрз. *Литова пацине викини* [Масторава: 54]. ‘Литова **платочек** вышивает’.

(6) эрз. *Анна кази пацине* [Евсевьев 1990: 121]. ‘Анна подарит **платочек**’.

эрз. *kon’ava* *рас’ā* E:Mar ‘налобник’ [Paasonen: 1494], эрз. *рас’ā kon’ā* ‘налобник’ (старинный женский головной убор в виде нарядной, с украшениями, повязки, надевавшейся на лоб) [ЭРС: 462].

эрз. *pod’n’ez-pac’ā* E:SŠant ‘шелковый головной платок, украшенный бусами’ [Paasonen: 1495].

² Автор выражает благодарность Ю.В. Норманской, которая предложила данную этимологию.

эрз. *p'r'as(o)* *pac'a E:Mar*, *pr'as pac'a E:Večk Is*, *pr'asa (pr'aso) pac'a E:Ba*, *pr'asa pac'a E:Večk* ‘головной платок’ [Paasonen: 1495].

(7) эрз. *Пирям веши пряс паця* [Евсевьев 1990: 298]. ‘Голова моя просит **головной платок**’.

эрз. *kokol-pac'a E:SŠant* ‘головной платок, украшенный бусами’ [Paasonen: 1494].

эрз. *k'rgava pac'a E:Mar*, *k'ir'gava pac'a E:VVr Večk*, *k'īrgava pac'a E:Ba* ‘шейный платок, шарф’ [Paasonen: 1494].

(8) эрз. *Кирьгам веши кирьга паця* [Евсевьев 1990: 299]. ‘Шея просит **шейный платок**’.

эрз. *pac'alga* ‘колпак (головной убор старухи)’ [ЭРС: 462]. Образовано сложением основ эрз. *pat's'a ChrE E:Mar Hl Kal Večk Jeg*, *pat'a~pac'a E:Kad*, мокш. *pac'ä M:P Sučk Gor Sel Prol Ur M:MdJurtk* ‘платок’, *M:Gor* ‘головной, шейный платок’ [Paasonen: 1493] и эрз. *alga E* (allg.), мокш. *alga M(allg.)* ‘низом, понизу’ [Paasonen: 27].

эрз. *ik'el' pac'a, ik'el'ga pac'a*, мокш. *iŋgəl'g'ä pac'a, ik'el'g'ä pac'ä, ək'el'g'ä pac'ä* ‘фартук, передник’ [Paasonen: 1493].

(9) эрз. *Якить кавонест кудованть шождынестэ, кайсизь икельга пацясткак* [Абрамов: 223]. ‘Ходят по дому легко, сняли и передники’.

(10) эрз. *Сон мекев эзъ моле столентень, озась морго эземс, вельтизе чаманзо икельга пацясо* [Абрамов 1971: 71]. ‘Она обратно не подошла к столу, села на скамью, закрыла лицо **передником**’.

эрз. *k'ecē pac'a E:Mar Atr Ba Večk Is*, *k'eca pac'a E:Petr* ‘два продолговатых пёстрых платка у невесты при венчании’ [Paasonen: 1494] < мокш. *k'äca M:P Čemb Sel Sučk* ‘моточек вокруг пальцев’ [Paasonen: 667] и мокш. *pac'ä M:P Sučk Gor Sel Prol Ur M:MdJurtk* ‘платок’, *M:Gor* ‘головной, шейный платок’ [Paasonen: 1493].

мокш. *laŋga pac'a* ‘подкладочная кокетка (рубашки и т.п.)’ [МРС: 324].

мокш. *tak'jä M:Sel, tak'ijä M:Sp* ‘шапка’ < тат. *такыя* ‘женская шапка’ [Paasonen: 2258].

Данный тип головного убора был широко распространён у народов, проживающих на территории Волго-Камья (чуваший, башкир, татар-мишарей, удмуртов, марийцев и др.). Он представлял собой круглую шапочку, обшитую монетами или

бисером, и считался девичьим головным убором. У финно-волжских народов имел ограниченное распространение, что говорит о сепаратных заимствованиях.

эрз. *k'ep'eče* ‘мужской головной убор’ [Четвергов 1994: 68], мокш. диал. *k'ep'eč* ‘тюбетейка’ < тат. *КЭПЭЧ³* ‘шапочка; головной убор простейшей формы’ [Ахметьянов II: 55].

эрз. *čarčav* E:Mar, *šaršav* E:VVr Is, *šarčav* E:?Bug NBajt SŠant ‘занавеска’, раньше ‘большой вышитый белый платок’ [Paasonen: 219], эрз. *v'iška čarčav* ‘головная шаль с кистями’ [Белицер 1973: 212] < тат. *чаршай* ‘завеса’, сравните: тур. *çarşaf* ‘паранжа’, чув. *tęarsav* ‘занавес’.

эрз. *čekl'ik* E:Is ‘маленький головной убор’ [Paasonen: 234], эрз. *čekl'ik* ‘головной убор замужней женщины в виде чепца’ [Белицер 1973: 214]. Вероятно, татаризм, с продуктивным тюркским суффиксом *-lik* (ср. *баильк*).

Заимствования из русского языка

эрз. *soroka* E:VVr Is, *soruka* E:Večk, *sorka* E:Kad, мокш. *saroka* M:Čemb ‘головной убор замужних женщин’. Сравните рус. *сорока* ‘старинный женский головной убор типа кокошника с лентами, завязывавшимися сзади’, ‘часть головного убора невесты в виде щитка надо лбом, украшенного бисером и лентами’. Например:

(11) *На паску в мардвах сароку нивесты нъдявали.*

(12) *У миня сарока ишио бабушкінъ. Замуши в ней анна выходиль⁴.* [СРГ 2002: 109].

Рус. *сорока* ‘женский головной убор’. От *Сорока* из-за сходства с сорочьим хвостом и расцветкой перьев. Ср. карельск. *harakka* ‘сорока, чепец’, шв. *kråka* ‘чепчик’, также ‘ворона’. [Фасмер 1987, том IV: 723].

Существует сближение с русским *сорока*, но наличие карельск. *harakka* ‘сорока; чепец’, финск. *harakka* ‘сорока; женский головной убор’ даёт основание также предположить наличие у данного слова финно-угорской этимологии.

Сорока относится к группе головных уборов иного типа, чем *панго*. Она являлась головным убором невесты, также надевалась

³ Этимология предложена Ю.В. Норманской.

⁴ Сохранена транскрипция источника.

молодыми женщинами в праздничные дни. Сорока была известна мордве-эрзе на широкой территории.

эрз. *klab'ik* E:Idm ‘женский головной убор’ [Paasonen: 793], *klabuk* Пенз. ‘высокий на твёрдой основе головной убор замужней женщины’ [Белицер 1973: 213] < рус. *клобук*. Сравните: укр. *Клобук*, др.-русск., цслав. *Клобукъ*, сербохорв. *кло́бу́к* ‘шапка, шляпа’, словен. *klobuk* ‘шляпа, шлем, основа стропил’, чеш. *klobouk* ‘шляпа’, слвц. *klobík*, польск. *kłobuk*, *kobłuk* ‘высокая шапка, монашеский клобук’ и др. Дальнейшая этимология: Стар. заимствование из тюрк., диал.; ср. тур., крым.-тат., тат. *kalpak* ‘шапка’ [Фасмер 1987, том II: 252].

К группе высоких головных уборов на твердой основе относится *клабук*, бытовавший ещё в начале XX века у эрзи на территории Пензенской области. На территории Нижегородской области этнографами также выделяется *клобук*, который относится к одной из разновидностей *сороки* [Белицер 1973: 151].

мокш. *zalatnoj M:Čemb* ‘головной убор молодой жены’ < рус. *золотной* [Paasonen: 2689].

Златной относится к головным уборам на твёрдой основе и определяется как одна из разновидностей *сороки*.

эрз. *kokoška* E:Atr E:Ba MKly ‘кокошник’ [Paasonen: 822], эрз. *kokoška* ‘высокий головной убор замужней женщины на твердой основе, а также валик из пакли или холста, вставляемый в головной убор’ [Белицер 1973: 213] < рус. *кокошник* ‘головной убор замужней женщины в виде чепца, надевавшегося под платок’ [СРГ 1982: 49]. В рус. *кокошник* ‘вид женского головного убора’, производное от *Кόкошь* ‘курица’ и ‘петух’. Названо так по сходству с гребнем на голове птицы [Фасмер 1987, том II: 284].

мокш. Ат. Ел. *durba, turba* ‘головной убор свадебный и молодой замужней женщины’ [Белицер 1973: 213].

Возможно, от эрз. *turba* E:Mar, *turba* ~ *truba* E:Večk, *truba* ChrE E:Vez, мокш. *turba* M:P, *truba* M:Sel, **turba* M:Vert MdJurtk ‘рог, труба’ < рус. *труба* [Paasonen: 2352].

Данная этимология подтверждает предположение этнографических исследований о схожести головного убора мокш. *durba, turba* с *куйгором* (Атюрьевский и Ельниковский районы республики Мордовия): «куйгор представлял собой

цилиндр без дна, сделанный из бересты, высотой 30-35 см» [Белицер 1973: 160].

эрз. *šligan* E:Atr E:Gor E:Ba E:Atr, мокш. *šliga* M:Kr ‘головной убор, шапка, чепчик, башлык’ [Mam] [Paasonen: 2240], ‘вышитый головной убор прямоугольной формы из холста с прямоугольной на спинной лопастью’ [ЭРС: 765], эрз., мокш. *šel’ikan* ‘праздничный женский головной убор с вышивкой’ [Белицер 1973: 213] < рус. *шельган* [Paasonen: 2240].

- (13) эрз. *Зорянь валдонь шлыганозо*,
Сёксень венъ пулагаезэ [Масторава: 255].
‘Как светлая заря у неё **шлыган**,
Как осенняя ночь у неё пулай’.

Производное эрз. *šliganka* ‘головной убор, носится под платком: шапка, чепец, колпак’ [ЭРС: 765] образовано от эрз. *šligan*. Суффикс -ка является достаточно продуктивным в мордовских языках, образующим от именных основ существительные: указывающие на отношение предмета или лица к группе предметов или лиц, названных производящей основой по их общему признаку, например: эрз., мокш. *ava* ‘женщина’ – *avaka* ‘самка (о животных)’; обозначающие носителя признака, названного производящей основой, например: эрз. *jakst’er’e* ‘красный’ – *jakst’er’ka(j)* ‘свекла’. От глагольных основ суффикс -ка образует некоторые имена существительные с предметным и отвлеченным значением: эрз. *čarams* ‘кружиться’ – *čaramka* ‘волчок, вертушка’ [ГМЯ 1980: 106].

эрз. *šl̩ka* E:VWr, мокш. *šl̩k* M:P ‘детская шапка, башлык’ [Paasonen: 2240-2241]. < рус. *шлык*, 1. (allg.) уст. ‘детский чепчик’; 2. устар. ‘род высокого повойника’; 3. ‘зимняя шапка’; 4. ‘капюшон’; 5. ‘детская шапочка из шерсти или пуха для весны и осени’; 6. ‘кефка’ [СРГ 2006: 222]. В рус. сокращено из *Башлык*; Того же происхождения, по-видимому, рум. *ișlîc* ‘высокая шапка у бояр’ [Фасмер 1987, том IV: 455].

эрз., мокш. *čičəra*, *šešəra* ‘внутренняя часть сложного головного убора замужней женщины «шеликан», сшитая из холста в форме мешка’, то же, что эрз., мокш. *kokorka* [Белицер 1973: 214] < рус. *чичер* ‘спускающаяся на лоб прядь волос, чуб’ (Кир, БИ) [СРГ 2006: 180].

эрз. *kokorka* ‘внутренняя часть головного убора замужней женщины, сшитая в форме мешка из холста’ [ЭРС: 277], мокш. *kokorka* M:Ur (= *šäšär’ka*) ‘прут, подобный ленте для волос’

[Paasonen: 822], ‘внутренняя часть головного убора замужней женщины’ [МРС: 268] (см. выше эрз. *kokoška*).

Для замужних женщин были наиболее характерны головные уборы на твёрдой основе. Особый тип мягких головных уборов эрз., мокш. *čičəra*, *šešəra*, эрз. *kokorka*, непохожий на другие, зафиксирован в Теньгушевском районе республики Мордовия. «По архивным данным, *кокорка* была раньше твердым головным убором, который делали из луба, а холщовый мешок служил своеобразным чехлом или футляром на него. В конце XIX в. *кокорка* была лишь свадебным головным убором, а раньше женщины носили её более продолжительное время» [Белицер 1973: 156].

Русские заимствования, определяющие головные уборы на мягкой основе:

эрз. *olos* 'n'ik E:Mar Večk Is, *olos* 'n'ek ~ *olos* 'n'ik E:Ba, *olos* 's' n'ik [E:MKka], мокш. *vəlas* 'n'ik M:P Pš, *las* 'n'ik M:Sel M:An ‘головной убор, головной убор замужних женщин, чепчик’ [Paasonen: 1444]. мокш. *lasn* 'ik диал. этн. ‘волосник – женский головной убор из белой ткани’ [МРС: 327]

В особую группу выделяются названия девичьих головных уборов:

тер. *v'en* 'ec' E:Mar, мокш. *v'än* 'ec' M:Temn ‘венец’ [Paasonen: 2618], терюх. *v'en* 'ec' ‘праздничный женский и девичий головной убор’ [Белицер 1973: 212] < рус. *венец*. Сравните: укр. *Вінéць*, блр. *Венéц*, болг. *Венéц*, польск. *wieniec* и др. Родственно лит. *vainikas* – производное от **vainas*, русск. *Вен* ‘венок’, польск. *wian* от *Witan* [Фасмер 1987, том IV: 455].

эрз., мокш. *v'enok* ‘праздничный и свадебный девичий головной убор из бумажных цветов или бус и лент’ [Белицер 1973: 212].

эрз. *živoj sv'et* ‘девичий головной убор в виде венка из живых или бумажных цветов’ [Белицер 1973: 213].

мокш. *tv'et* ‘девичий головной венок из бумажных цветов и бус’ [Белицер 1973: 214] < рус. *тветы* ‘1. цветы; 2. узор из цветов’ [СРГ 2006: 27].

мокш. *zav'azka* ‘девичья головная повязка в виде обшитого кумачом обруча из бересты или картона, к которому прикреплены ленты, пуговицы, бусы’ [Белицер 1973: 213].

эрз. *b'enta* ‘свадебная головная повязка в виде ленты’ [Белицер 1973: 212]. Вероятно, контаминация рус. *бант* и рус. *лента*.

эрз. *l'enta* ‘девичий головной убор’ [Белицер 1973: 213] < рус. *лента* ‘девичий головной убор в виде широкой ленты, расшитой бисером’ [СРГ 1982: 122]. эрз. *l'enta* E:Mar Petr Večk, *l'onta* e:Is Jeg, мокш. *l'emta* M:P Kr, *l'enta* M:Čemb ‘лента’ [Paasonen: 1109]. < рус. *лента*. В рус. заимствовано из нов.-в.-н. диал. *Linte* ‘лента’, ср.-иж.-нем., ср.-нидерл., нидерл. *lint* ‘лента, повязка’, д.-в.-н. *linta* из лат. *lintea*, *linteus* ‘полотняный’. [Фасмер 1987, том II: 482].

мокш. *oka l'enta* ‘свадебный головной убор’ [Белицер 1973: 213].

эрз. *kon'a l'enta* ‘налобная лента’ [Белицер 1973: 213].

На позднем этапе развития национального костюма в качестве головного убора стали использовать платки из различных материалов. В начале XX века традиционные головные уборы стали вытесняться более удобными платками фабричного производства. Платок становится универсальным головным убором девушек и замужних женщин всех возрастов.

эрз. *vjšitka* ‘женская головная шаль’ [Белицер 1973: 212] < рус. основа *вышить* + -ка (см. [ЭКМ: 36]).

эрз. *šal'vaj* [Paasonen: 2213], мокш. *šal'vaj* ‘шаль’ [МРС: 850]. От **šal'* E:StZach ‘шаль’, *šal'en'* sur'e E:StZach ‘козий пух, пряжа’ < рус. *шаль* ‘шаль из набивного полотна с кистями’ [СРГ 2006: 195-196] < рус. *шалевый* платок.

эрз. *garsovoj*, мокш. *garsovaj* ‘шерстяной платок с бахромой’ [Белицер 1973: 213] < рус. *гарусовая* ‘гарусовая шаль - тонкий шерстяной платок фабричной выработки с кистями и узорами в виде крупных цветов; обычно им покрывали невесту’ [СРГ 1978: 110].

эрз. *par'c'ej-pac'a* E:Mar, мокш. *par'č'i-ruc'ā* M:P ‘шелковый платок’, мокш. *parəčka* [M:Mam], *parčka* M:Vert ‘головной платок, вуаль, фата’ [Paasonen: 1554], мокш. *par'č'in' šal'* ‘женская парчовая головная шаль’ [Белицер 1973: 213] < рус. *парча*. Сравните тат. *парча*.

эрз. *kos'inka* E:Večk Is, *kos'enka* E:Ba, мокш. *kas'inka* M:Suck ‘косынка’ [Paasonen: 872], эрз. *kos'inka* ‘головной убор замужней женщины в виде платка с двумя закругленными углами’ [Белицер 1973: 213] < рус. *косинка* 1. Тонкая клетчатая ткань домашнего

изготовления; употреблялась для головных платков; 2. Платок из этой ткани; 3. Головной убор замужней женщины в виде чепца, надевавшегося под платок [СРГ 1982: 73-74].

мокш. *solāt* ‘платок с золотым шитьём, накидываемый поверх женского головного убора «*панга*» [Белицер 1973: 214] < мокш. **solāt* M:P, *zolāta* M:Čemb MdJurtk, *zolata* M:Sel, *zəlāta* M:Sučk ‘золото’ [Paasonen: 2689].

эрз. *kvata* ‘платок’ Б-Игн [ЭРС: 244], мокш. *fata* ‘платок’ [МРС: 797], *fatun* M:Vert ‘головной платок’ [Paasonen: 401] < рус. *фата* ‘головной платок’ [СРГ 2006: 118].

В комплексах эрзянского и мокшанского костюмов присутствует множество элементов, образованных с эрз. *kvata*, мокш. *fata*, *fatun* ‘платок’, например: мокш. *златава фата* ‘часть женского головного свадебного убора’ [Белицер 1973: 213].

Названия мужских головных уборов представлены русизмами. Это объясняется тем, что уже к началу XX века мужской национальный костюм практически не отличался от одежды соседних русских. Интересен тот факт, что у мордвы не было развито собственное производство некоторых заимствованных головных уборов: «изготовлением шляп занимались преимущественно пришлые русские мастера. Особой известностью пользовались костромичи, но бывали мастера и из других мест» [Белицер 1973: 38].

мокш. *v'er'sak* ~ *ver'sak* M:P, *v'er'sak* M:Pš Vert, *v'eršak* M:Nar ‘головной убор, высокая фетровая шляпа без полей’ < рус. *вершок* (?) [Paasonen: 2627].

эрз. *šl'apa* E:Mar NSurk, мокш. *šl'apa* M:P ‘шляпа’ < рус. *шияпа* [Paasonen: 2241].

эрз. *šapka* ChrE, *čapka* E:Mar Ba Hl E:Attr E:Vez, мокш. *šapka* ChrM ‘шапка’ < рус. *шапка* [Paasonen: 2215].

мокш. устар. *krimka* ‘мужская шапка из мерлушки’ [МРС: 295] < рус. *крымка* ‘мужская шапка из овчины с суконным верхом’ [СРГ 1982: 92].

мокш. *kr'jmka-šapka* M:Čemb Kars, *kr'jmka-šapka* M:Vert ‘каракулевая шапка’ [Paasonen: 2215].

Неизвестные этимологии

эрз. *p'eχt'ím* ‘девичья шапочка’ [Белицер 1973: 213], эрз. *p'ert'ím* ‘головной убор, имеющий форму круга, разукрашенный

лентами, блёстками, который надевается девушками только в праздники и на свадьбе' [ЭРС: 472].

мокш. *vaz'* ChrM M:P [Kr] Sel Temn Ur 'шапка'.

эрз. *čokol* 'женский головной убор типа русского повойника' [ЭРС: 753].

эрз. *šlab'ik* E 'головной платок' [Четвергов 1995: 68], эрз. *šlabik* 'чепчик' [Paasonen: 2240], мокш. *šl'abok* 'шлык – головной убор' [МРС: 870].

Выводы

Таким образом, для общемордовского уровня надёжно восстанавливается название одного головного убора: эрз. *raŋgo* 'женский головной убор' [ЭРС: 454], мокш. *raŋga* 'праздничный головной убор замужней женщины' [МРС: 459]. Довольно ранним является тюркское заимствование в мордовские языки эрз. *pat's'a* ChrE E:Mar Hl Kal Večk Jeg, *pat'a~pac'a* E:Kad, мокш. *pac'ä* M:P Sučk Gor Sel Prol Ur M:MdJurtk 'платок'.

Несколько сепаратных тюркских заимствований в мордовские языки: мокш. *tak'jä* M:Sel, *tak'ijä* M:Sp 'шапка' < тат. *такыя* 'женская шапка'; эрз. *čarčav* E:Mar, *šaršav* E:VVr Is, *šarčav* E:?Bug NBajt SŠant ' занавеска', раньше 'большой вышитый белый платок' < тат. *чаршай* 'завеса' и др.

Наибольшее количество заимствований из русского языка, характерных для периода после распада прамордовской языковой общности: эрз. *klab'ik* E:Idm 'женский головной убор', *klabuk* Пенз 'высокий на твёрдой основе головной убор замужней женщины' < рус. *клобук*; эрз. *l'enta* 'девичий головной убор' < рус. *лента*; эрз. *kos'inka* E:Večk Is, *kos'enka* E:Ba, мокш. *kas'inka* M:Sučk 'косынка', эрз. *kos'inka* 'головной убор замужней женщины в виде платка с двумя закругленными углами' [Белицер 1973: 213] < рус. *косинка*; эрз. *kvata* 'платок', мокш. *fata* 'платок', *fatun* M:Vert 'головной платок' < рус. *фата*; эрз. *šl'apa* E:Mar NSurk, мокш. *šl'apa* M:P 'шляпа' < рус. *шляпа*; эрз. *šapka* ChrE, *čapka* E:Mar Ba Hl E:Atr E:Vez, мокш. *šapka* ChrM 'шапка' < рус. *шапка* и др.

Значительное количество собственных производных в мордовских языках: мокш. *k'evgor*, *kujgär* 'свадебный головной убор невесты на твердой основе'; мокш. *tavn'ä* этн. 'старинный женский головной убор'; эрз. *pulok'er* 'головной убор у эрзянки'; мокш. *aškotf* 'девичий головной убор в виде венка или налобной

повязки'; мокш. kon'afks M:P Čemb Sučk [Kr] 'налобный венок из листвьев берёзы у девушек', эрз., мокш. kon'avks 'девичья налобная повязка'; эрз. pr'a s'uks 'девичья головная повязка'; эрз. pr'as putuma E:Kad E:Kal 'налобник у девушек'; эрз. purdavks 'налобная повязка'; мокш. s'ormafks 'женский налобник'; мокш. pan'čf 'девичий головной убор в виде венка'; мокш. k'ärkstaf, k'ärkstafk'ä M:P 'маленькое жемчужное ожерелье в налобнике невесты', k'ärkstafk'ä 'налобная повязка'; мокш. диал. krgavan'ä 'легкий шелковый платок' и др.

Повсеместное заимствование названий и форм головных уборов у русских говорит о тесных взаимосвязях с русским населением. Эрзяне и мокшане заимствовали более удобные и лаконичные головные уборы у соседей, при этом исключая из повсеместного использования тяжелые национальные головные уборы.

Несмотря на исчезновение из повседневного обихода эрзян и мокшан эрз. рајго, мокш. рајга, велико значение данного головного убора в обрядах, о чем свидетельствуют названия его производных.

Примечательно, что старинные головные уборы на твердой основе относятся к головным уборам замужних женщин. Наиболее распространёнными головными уборами девушек были ленты и налобные повязки, вышитые или обшитые украшениями в виде бисера и т.п., обтянутый тканью обруч из луба, венок из искусственных цветов и бус, убор типа шапки или платок, формы и номинации которых заимствовались у русских. Возможно, это связано с тем, что молодое поколение быстрее воспринимает все новое.

Наряду с общими чертами в наличии головных уборов на твердой основе, поздних тюркских и русских заимствованиях каждый народ имел свои особенности в расцветке головного убора, деталях украшений, характере орнамента, способах ношения и т.д. Головные уборы эрзян и мокшан отличались своеобразием, что подтверждается наличием большого количества собственных производных. В каждом типе и виде головных уборов эрзи и мокши проявляются специфические особенности, характерные для определенной местности.

Интересен тот факт, что иногда собственные мордовские названия заменялись русскими заимствованиями: эрз. pr'a s'uro > эрз. kokoška (женская прическа), мокш. k'evgor, kujgär 'свадебный

головной убор невесты на твердой основе' > мокш. *durba*, *turba* 'головной убор свадебный и молодой замужней женщины'.

Сокращения

Языки и диалекты

блр. – белорусский

болг. – болгарский

в.-н. – верхненемецкий

др.-русск. – древнерусский

карельск. – карельский

крым.-тат. – крымско-татарский

лат. – латышский

лит. – литовский

мокш. – мокшанский

Alk – с. Алькино Ковылкинского р-на р-ки Мордовия

An – с. Анаево Зубово-Полянского р-на р-ки Мордовия

Atjur – с. Атюрьево Атюрьевского р-на р-ки Мордовия

Čemb – Белинский р-н Пензенской обл.

Gor – Городищенский и Сосновоборский р-ны Пензенской обл.

Jurtk – с. Базарно-Мордовский Юрткуль Старомайнского р-на Ульяновской обл.

Kars – с. Корсаевка Белинского р-на Пензенской обл.

Kr – Краснослободский, (частично) Ельниковский и Ковылкинский р-ны р-ки Мордовия

Kul – с. Куликовка Рузаевского р-на р-ки Мордовия

Mam – с. Мамолаево Ковылкинского р-на р-ки Мордовия

MdJurtk – с. Подлесно-Мордовский Юрткуль Старо-Майнского р-на Ульяновской обл.

Nar – г. Наровчат Наровчатского р-на Пензенской обл.

Pičer – д. Пичеполонга Атюрьевского р-на р-ки Мордовия

Prol – ? Prolejka – переименованный н.п. в Кошкинском р-не Самарской обл.

Pš – с. Старое Пшенево Ковылкинского р-на р-ки Мордовия

Sel – с. Покровские Селищи Зубово-Полянского р-на р-ки Мордовия

Sp – Беднодемьянский р-н Пензенской обл., Зубово-Полянский, Атюрьевский, Темниковский и Торбеевский р-ны р-ки Мордовия

Sučk – ? с. Колдаис Шемышейского р-на Пензенской обл.

Temn – Атюрьевский и Темниковский р-ны р-ки Мордовия

Ur – с. Урюм Тетюшского р-на р-ки Татарстан

- Vert – с. Вертилим Старошайговского р-на р-ки Мордовия
Vod – с. Водолей Сосновоборского р-на Пензенской обл.
нидерл. – нидерландский
нж.-нем. – нижненемецкий
персид. – персидский
польск. – польский
рум. – румынский
русск. – русский
сербохорв. – сербохорватский
слвц. – словацкий
словен. – словенский
тат. – татарский
тюрк. – тюркский
укр. – украинский
ФУ – финно-угорский язык-основа
цслав. – церковнославянский
чеш. – чешский
шв. – шведский
эрз. – эрзянский
- Андр. – с. Андреевка Атяшевского р-на р-ки Мордовия
Atr – с. Атрать Алатырского р-на р-ки Чувашия
Ва – с. Баевка Николаевского р-на Ульяновской обл.
Bug – Бугульминский р-н р-ки Татарстан и Бугурусланский р-н Оренбургской обл.
Gor – Городищенский и Сосновоборский р-ны Пензенской обл.
Jeg – ? д. Новоегорьевка Абдулинского р-на Оренбургской обл.
Hl – с. Отрадное Чамзинского р-на р-ки Мордовия
Idm – ? с. Итманово Гагинского р-на Нижегородской обл.
Is – с. Исаклы Исаклинского р-на Самарской обл.
Kad – Кадом Теньгушевского р-на р-ки Мордовия
Kal – д. Коляево Теньгушевского р-на р-ки Мордовия
Kažl – с. Кажлодка Торбеевского р-на р-ки Мордовия
Kočk – с. Кочкурово Кочкуровского р-на р-ки Мордовия
Mar – с. Большое Маресьево и с. Малое Маресьево Чамзинского р-на р-ки Мордовия
МКка – ? с. Мордовская Кармалка Лениногорского р-на р-ки Татарстан
МКЛу – с. малые Кармалы Ибресинского р-на р-ки Чувашия
NBajt – с. Новый Байтермиш Исаклинского р-на Самарской обл.

NSurk – с. Новое Суркино Альметьевского р-на р-ки Татарстан
 Petr –Петровский р-н Саратовской обл.

Sob – ? переименованный н.п. в Сосновоборском р-не Пензенской обл. (? с. Вачелай)

SŠant – с. Степная Шентала Кошкинского р-на Самарской обл.

StŠant – с. Старая Шентала Шенталинского р-на Самарской обл.

StZach – с. Старое Захаркино Шемышейского р-на Пензенской обл.

Večk – с. Старое Вечканово и д. Новое Вечканово Исаклинского р-на Самарской обл.

Vez – ? с. Вязовка Лениногорского р-на р-ки Татарстан, с. Вязовка елховского и Шенталинского р-нов Самарской обл.

VVr – с. Великий Враг Шатковского р-на Нижегородской обл.

Общие

диал. - диалектный

терюх. – терюхане

устар. – устаревший

этн. – этнический

allg. – общий

Pl - множественное число

Литература

1. Абрамов К.Г. Эрзянь цёра. Саранск, 1971.
2. Ахметьянов Р.Г. Татар теленец этимологик сүзлеге. В 4 т. Т. II.
3. Ахметьянов Р.Г. Татар теленец этимологик сүзлеге. В 4 т. Т. III.
4. Белицер В.Н. Народная одежда мордвы / Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. III. Москва, 1973.
5. ГМЯ 1980 – Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология. / под ред. Д.В.Цыганкин. – Саранск, 1980.
6. Евсевьев М.Е. Мордовская свадьба. – Саранск, 1990.
7. Масторава – Шаронов, А.М. Масторава. Саранск, 1994.
8. МКМ – Мокшень кяль. Морфология: Вузонь мокшень и финно-угрань отделениянь тонафнихненди учебник. – Саранск, 2000.
9. МРС – Мокшанско-русский словарь / Под ред. Серебренникова Б.А., Феоктистова А.П., Полякова О.Е. М., 1998.

10. ОФУЯ 1974 — Основы финно-угорского языкоznания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / Отв. ред. Лыткин В.И., Майтинская К.Е., Карой Р. М., 1974.
11. СРГ 1982 – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. К-Л: Учебное пособие по русской диалектологии / под ред. Михалевой Т.В. Саранск, 1982.
12. СРГ 2002 – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. С. / под ред. Семенковой Р.В. Саранск, 2002.
13. СРГ 2006 – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Т-Я. / под ред. Семенковой Р.В. Саранск, 2006.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.II. М., 1986.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.IV. М., 1987.
16. Четвергов Е.В. Сырнень човалят: Стувтозь ды чуросто вастневиця валт. Саранск, 1994.
17. Цыганкин Д.В., Мосин М.В. Эрзянь келень нурькине этимологической словарь. Саранск, 1977.
18. ЭРС – Эрзянско-русский словарь / Под ред. Серебренникова Б.А., Бузаковой Р.Н., Мосина М.В. М., 1993.
19. ЭКМ – Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: Вузонь эрзянь ды финнэнъ-угрань кужотнесэ студентнэнень тонавтнемапель. Саранск, 2000.
20. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch, I-IV. Helsinki, 1990-1996.

К.К. Кашлева
МГОУ, Москва

Модель многоязычного лингвострановедческого словаря по теме «Время»

В статье предлагается модель лингвострановедческого словаря для описания лингвокультурного концепта ВРЕМЯ в английском и немецком языках. Приводятся примеры словарных статей и характеристика разделов словаря.

Ключевые слова: *концепт, время, лингвострановедческий словарь, лексикография.*

The article presents the model of lingua-cultural dictionary for describing the lingua-cultural concept time in English and German. It provides examples of lexical entries and gives the description of parts of the dictionary.

Keywords: concept, time, lexicography, lingua-culture, dictionary.

Лексикография — одна из наиболее значимых в практическом отношении областей лингвистики.

Лингвострановедческий словарь представляет собой синтез информации толкового и культурологического словаря, определенным образом обработанный. Одним из примеров культурологического словаря является «Oxford Guide to British and American Culture» [Crowther 2005]. В нем почти 10 тысяч расположенных в алфавитном порядке статей, которые дают информацию по разным аспектам культурной жизни двух стран: история, литература, искусство, традиции, спорт, повседневная жизнь и т.д. Кроме того, в нем есть 200 расширенных статей, содержащих более подробные сведения. Еще одним примером может служить «Longman Dictionary of English Language and Culture» [Summers 2005], который описывает реалии британской и американской культуры, а также содержит статьи с толкованием лексем. Среди немецких изданий можно выделить пособие «Landeskunde Deutschland» издательства Hueber [Luscher 2014], в котором содержится обширная страноведческая информация: от географии ФРГ до современного состояния германской экономики.

Основная проблема многих современных лингвострановедческих словарей заключается в том, что в них не представлено никакого языкового материала, кроме перевода реалий (если словарь двуязычный) или изложения сведений о стране на иностранном языке (если словарь моноязычный). По нашему мнению, при таком подходе словарь может называться энциклопедическим, а не лингвострановедческим. Лингвострановедческий же словарь обязательно должен содержать данные языкового характера.

Главной задачей такого словаря является ознакомление читателя с реалиями иностранной культуры через призму языка. Мы ведем работу по составлению словаря такого типа. Словарь адресован специалистам по межкультурной коммуникации, а также студентам филологических специальностей, изучающим английский или немецкий язык. Словарь также может быть интересен широкому кругу читателей, интересующихся культурой англо- и немецкоговорящих стран.

Учитывая это, мы предлагаем разбить многоязычный лингвострановедческий словарь по теме «Время» на четыре раздела.

Первый и второй разделы посвящены английским и немецким темпоральным существительным соответственно. Мы предлагаем следующую структуру словарной статьи, которая позволяет описать как языковые, так и культурные сведения о явлении:

I. Заглавная лексема с переводом

Поскольку словарь мультиязычный, перевод дается на все используемые языки. Кроме того, для английского языка приводится транскрипция. Даются необходимые пометы для множественного числа и частотности (звездочкой отмечаются слова, входящие в список тысячи наиболее употребляемых). Для немецкого языка также указывается artikel в качестве показателя рода, как принято в традиционной немецкой лексикографии. Например:

(1) CENTURY*, n [ˈsentfjuri], pl -ies (рус. век, de. das Jahrhundert) [Oxford Dictionaries].

(2) JAHRHUNDERT*, das, pl die Jahrhunderte (рус. век, en. century) [Wörterbuch Duden].

II. Толкование

Даются ключевые значения лексемы. Значения, на которые будет опираться дальнейший текст словарной статьи, выделяются жирным шрифтом. Если такое толкование одно, оно не выделяется. Например:

(3) CENTURY*, n ['sentfuri], pl -ies (рус. век, de. das Jahrhundert)

1) A period of one hundred years;

2) a score of a hundred in a sporting event, especially a batsman's score of a hundred runs in cricket;

3) a company in the ancient Roman army, originally of a hundred men [Oxford Dictionaries].

(4) JAHRHUNDERT*, das, pl die Jahrhunderte (рус. век, en. century)

— Zeitraum von hundert Jahren, besonders als Einheit der Zeitrechnung [Wörterbuch Duden].

III. Синонимы (при наличии)

Синонимы приводятся для основных значений и даются непосредственно после каждого толкования.

IV. Ключевые метафоры (только для имени концепта ВРЕМЯ)

Ключевые метафоры перечисляются списком. Они определяются на основе анализа ядра концепта и представляют собой краткие формулировки содержимого сегментов и подсегментов ядра концепта. По нашему мнению, в ядре концепта ВРЕМЯ выделяются пять основных сегментов: «Праздники», «Исчисление времени», «Ось времени», «Время как ценность / ресурс» и «Представления о времени». Последний, в свою очередь, подразделяется на следующие подсегменты: «Время как движение», «Время как пространство», «Время как живое существо», «Внутреннее время (время как жизненная сила)» и «Субъективное время». Таким образом, выделяются следующие ключевые метафоры:

(5) Time is a line. Time is a landscape. Time is a resource. Time is motion. Time is space. Time is personality. Time is life.

(6) Zeit ist eine Linie. Zeit ist Ressource. Zeit ist Leben. Zeit ist Raum. Zeit ist eine Landschaft. Zeit ist ein Lebewesen. Zeit ist Bewegung.

V. Словарная сетка / сочетаемость

Указываются особые случаи сочетаемости толкуемой лексемы, а также связанные с ней семантически, но не однокоренные слова. Например, для слов *time* / *Zeit*:

(7) chronological, horological, temporal ('relating to time') [Oxford Dictionaries].

(8) chrono-, temporal ('die Zeit betreffend') [Wörterbuch Duden].

VI. Дериваты (при наличии)

VII. Фразеологизмы / устойчивые выражения (при наличии)

VIII. Пословицы (при наличии)

IX. Дополнительная (культурная) информация (при наличии)

В качестве примера возьмем предварительный вариант словарной статьи для лексемы *время* в английском и немецком языках.

(9) TIME* [taɪm], n (рус. *время*, de. die Zeit)

1) The indefinite continued progress of existence and events in the past, present, and future regarded as a whole;

2) a point of time as measured in hours and minutes past midnight or noon;

Syn

Hour, moment, minute, second, instant, juncture, stage, phase; while, spell, stretch, span, season, interval, period, duration, run, space, term; era, age, epoch, aeon, generation, date; life

3) time as allotted, available, or used;

4) an instance of something happening or being done; an occasion;

5) (times, following a number) expressing multiplication;

6) the rhythmic pattern of a piece of music, as expressed by a time signature.

Key metaphors

Time is a line. Time is a landscape. Time is a resource. Time is motion. Time is space. Time is personality. Time is life.

Word links

- chronological, horological, temporal ('relating to time');
- chrono- ('related prefix').

Derivatives

- time-server ('a person who changes their views to suit the prevailing circumstances or fashion');
- timeless ('not affected by the passage of time or changes in fashion');
- timetable ('a chart showing the departure and arrival times of trains, buses, or aircraft');
- timely ('done or occurring at a favourable or useful time; opportune');
- time-honoured ('respected or valued because it has existed for a long time').

Fixed phrases

- give someone the time of day ('be polite or friendly to someone');
- pass the time of day ('exchange greetings or casual remarks').

Proverbs

Time and tide wait for no man. Time will tell. Time is on your side.

Special information

- Father Time ('the personification of time as an old man with a scythe and hourglass');
- teatime ('time for a meal typically eaten between 4 pm and 6 pm');
- TIME ('an American weekly news magazine') [Oxford Dictionaries].

Аналогичным образом строится статья для лексемы Zeit на немецком языке.

(10) ZEIT*, die (рус. время, en. time)

1) **Ablauf, Nacheinander, Aufeinanderfolge der Augenblicke, Stunden, Tage, Wochen, Jahre;**

2) Zeitpunkt; eng begrenzter Zeitraum (in Bezug auf seine Stelle im Zeitablauf), Augenblick;

Syn

Datum, Fälligkeitstag, Fälligkeitstermin, Frist, Tag, Termin

3) Zeitraum; Zeitabschnitt, Zeitspanne;

Syn

Abschnitt, Epoche, Stadium, Zeitalter, Zeitstrecke, Äon, Ära, Periode, Phase, Säkulum, Alter

- 4) Zeitraum, Zeitabschnitt des Lebens, der Geschichte usw.;
 5) Zeitform, Tempus.

Syn

Tempus, Zeitform

Schlüsselmetapherен

Zeit ist eine Linie. Zeit ist Ressource. Zeit ist Leben. Zeit ist Raum. Zeit ist eine Landschaft. Zeit ist ein Lebewesen. Zeit ist Bewegung.

Verbindungen

- chrono- ('die Zeit betreffend');
- cum tempore ('eine Viertelstunde später als zu dem angegebenen Zeitpunkt');
- temporal ('zeitlich').

Derivate

- zeitabhängig ('von der Zeit abhängig');
- Zeitablauf ('zeitlicher Ablauf');
- Zeitabschnitt ('Abschnitt im Zeitablauf');
- Zeitabstand ('Abstand zwischen zwei Zeitpunkten');
- Zeitachse ('als gerade Linie grafisch dargestellter Verlauf der Zeit');
- zeitanteilig ('einem bestimmten Teil eines Zeitraums im Verhältnis entsprechend').

Redensarten

- seine Zeit war gekommen ('sein Tod stand bevor');
- die Zeit totschlagen ('seine Zeit nutzlos verbringen');
- du liebe Zeit! ('Ausruf der Verwunderung, Bestürzung, des Bedauerns').

Sprichwörter

Die Zeit heilt alle Wunden. Kommt Zeit, kommt Rat.

Extra Information

- Die Zeit ('eine überregionale deutsche Wochenzeitung');
- Die Zeit, die Zeit ('Roman des Schweizer Autors Martin Suter') [Wörterbuch Duden].

Третий раздел словаря представляет собой сводную таблицу наиболее частотных английских и немецких темпоральных существительных и их эквивалентов в некоторых других языках германской группы. В качестве примера даны норвежский [Берков 2006], исландский [Харальдссон 1996] и нидерландский

[Большой русско-нидерландский словарь 2002] языки (см. таблицу 1). Также приводится перевод лексем на русский язык. Для словаря были выбраны существительные, поскольку именно эта часть речи составляет ядро концепта ВРЕМЯ в исследуемых языках, что подтверждается многочисленными примерами. Частотность определяется на основе словарной статистики и корпусных данных.

По данным Оксфордского корпуса английского языка, который содержит более 2 млрд. словоупотреблений, слово *time* находится на 55-м месте по частотности употребления. Среди существительных *time* занимает по частотности 1-е место. В список 25 самых часто употребляемых существительных входит и другая темпоральная лексика: *year* (3-е место), *day* (5-е место) [The OEC: Facts about the language].

В корпусе словаря немецкого языка Duden, который содержит 9 млн. словоупотреблений, слово *Zeit* среди существительных занимает 6-е место по частотности, 1-е место занимает слово *Jahr*, 2-е место — слово *Uhr*. Слово *Jahr* также является 35-м в общем списке частотности с учетом служебных слов (по состоянию на 2011 год) [Die häufigsten Wörter in deutschsprachigen Texten].

Таблица 1

Рус	En	De	No	Isl	Ne
время	time	Zeit	tid	tími	tijd
час	hour	Uhr	time	klukkutími	uur
день	day	Tag	dag	dagur	dag
неделя	week	Woche	úke	vika	week
год	year	Jahr	år	ár	jaar
месяц	month	Monat	måned	mániður	maand

В четвертый раздел словаря, который пока находится в разработке, мы включим информацию о праздниках основных англо- и немецкоговорящих стран.

По нашему мнению, предложенная структура словаря и словарных статей имеет высокую практическую значимость, поскольку позволит читателю получить наиболее полные сведения по теме, как языковые, так и культурные, что и является целью словарей такого типа. С точки зрения теоретической значимости следует отметить, что лингвострановедческий

словарь позволяет в наглядной форме представить описание лингвокультурного концепта ВРЕМЯ в английском и немецком языках.

Литература

1. Берков В.П. Новый большой русско-норвежский словарь. М., 2006.
2. Большой русско-нидерландский словарь. Амстердам, 2002.
3. Харальдссон Х. Русско-исландский словарь. Рейкьявик, 1996.
4. Crowther J. Oxford Guide to British and American Culture. Oxford, 2005.
5. Die häufigsten Wörter in deutschsprachigen Texten. Режим доступа: <http://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/die-haeufigsten-woerter-in-deutschsprachigen-texten>
6. Luscher R. Landeskunde Deutschland: Von Der Wende Bis Heute. Ismaning, 2014.
7. Oxford Dictionaries. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com>
8. Summers D. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow, 2005.
9. The OEC: Facts about the language. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/words/the-oec-facts-about-the-language>
10. Wörterbuch Duden. Режим доступа: <http://www.duden.de/woerterbuch>

С.О. Коваленко
ЗАО ШАЛЛЕР, Москва

К анализу ритма русского языка акустическими параметрами

В статье освещаются результаты анализа ритма русского языка акустическими параметрами с использованием инструментов для анализа – BonnTempo-Tools. Результаты проведенных экспериментов показали, что русский язык относится к тактосчитывающим языкам.

Ключевые слова: *ритм, тактосчитывающие языки, слогосчитывающие языки.*

The article describes the results of the rhythm analysis of Russian language according to acoustic parameters using analysis tools – BonnTempo-Tools. The results of the experiment show that Russian language appertains to the stress-timed languages.

Keywords: *rhythmus, stress-timed languages, syllable-timed languages.*

Относительно ритма языки делятся на языки с тактосчитывающим ритмом (тактосчитывающие), языки со слогосчитывающим ритмом (слогосчитывающие) и прочие языки, не относящиеся ни к одной из этих двух категорий. Впервые эти термины были использованы К. Пайком [Pike 1945: 65]. В Таблице 1 даны основные характеристики этих двух типов.

Русский язык был отнесен к тактосчитывающим языкам следующими лингвистами: Д. Аберкромби [Abercrombie 1967: 1], С. Кордер [Corder 1973: 212-223] и Дж. Кэтфорд [Catford 1977:117-201] на основании фонологических признаков.

Таблица 1. Различия между тактосчитывающими и слогосчитывающими языками.

Тактосчитывающие языки	Слогосчитывающие языки
Различные варианты построения слов.	Слоги имеют следующую структуру: согласный-гласный.
Слоги могут быть легкими и тяжелыми, ударение падает, как	Нет разницы между слогами. Ударение и вес слога не зависят

правило, на тяжелые слоги.	друг от друга.
Гласные звуки в ударных слогах редуцируются.	
Ударные гласные длиннее безударных гласных.	

Цель проведённого автором исследования – верифицировать классификацию русского языка как тактосчитающего на основании уже не общих фонологических признаков, а инструментального анализа акустических параметров. Попытка определить с помощью акустических параметров, к каким языкам относится русский язык, осуществлена при помощи инструментов BoonTempoTools разработанных в 2005 г. коллективом ученых-лингвистов [Dellwo et al. 2005: 4]. В базе данных BonnTempoCorpus на момент проведения исследования, хранились сведения о следующих языках: чешский, английский, немецкий, итальянский, французский из Камеруна.

Примечание: автор исследовал только русский язык, языки, приводимые для сравнения, были исследованы ранее разработчиками BoonTempoTools.

Для определения принадлежности языка к одной из групп, звуковой сигнал (в настоящем исследовании разговорная речь, 8 участников эксперимента, в возрасте до 30 лет, русский язык – родной язык для всех участников эксперимента) в программе PRAAT разбивается автором на слоги, затем на отдельные звуки и транскрибируется. С помощью инструментов BoonTempoTools затранскрибированный звуковой сигнал обрабатывается, и программа выдает результаты по следующим параметрам, на основании которых обработанный язык можно отнести к тактосчитающим или слогосчитающим языкам.

- delta C/ΔC (дельта согласных, стандартное отклонение длины гласных интервалов) – у тактосчитающих языков этот показатель выше, чем у слогосчитающих, в ходе эксперимента выяснилось, что и у русского языка этот показатель значительно выше, чем у слогосчитающих языков французского и итальянского, и находится на одном уровне с другими тактосчитающими языками – немецким и английским, – а также не классифицированным к одной из групп чешским.

ΔC равна в языках, взятых из BonnTempoCorpus:

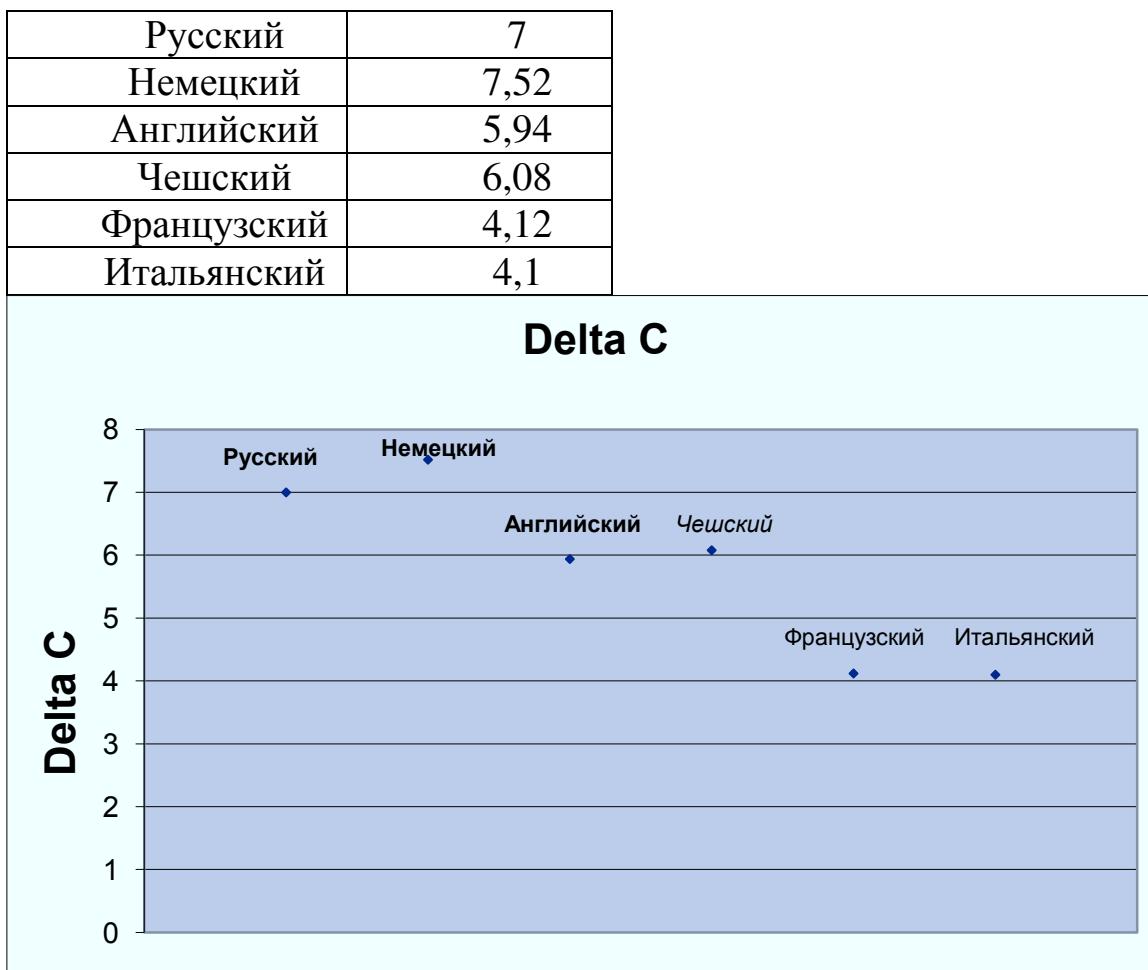

Схема 1: deltaC для языков из BonnTempoCorpus.
Неклассифицированные языки помечены курсивом,
тактосчитывающие жирным шрифтом, а слогосчитывающие
языки полужирным шрифтом.

- %V (интервал гласных в слове в процентном соотношении к длине целого слова) – составил в ходе проведенного автором эксперимента 32,58%, что указывает на принадлежность русского языка к тактосчитывающим языкам. %V равна в языках, взятых из BonnTempoCorpus следующим показателям.

Русский	32,58%
Немецкий	43,02%
Английский	43,10%
Чешский	47,56%
Французский	49,40%
Итальянский	51,69%

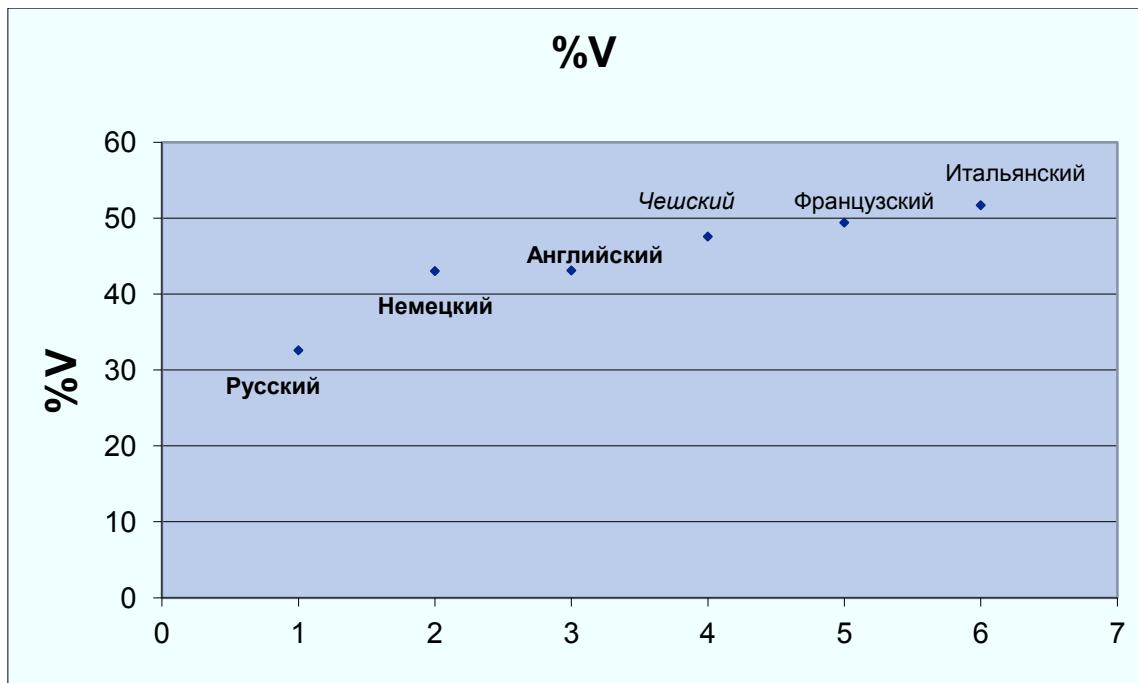

Схема 2: %V для языков из BonnTempoCorpus.
Неклассифицированные языки помечены курсивом, тактосчитывающие жирным шрифтом, а слогосчитывающие полужирным шрифтом.

- nPVI (промежутки гласных, отсчитываются от начала гласного звука до его завершения) и rPVI (отсчитываются от начала согласного звука до его завершения, или до завершения стечения согласных). в русском языке выше чем в слогосчитывающих языках, т.е. и по этим параметрам русский язык можно отнести к тактосчитывающим языкам.

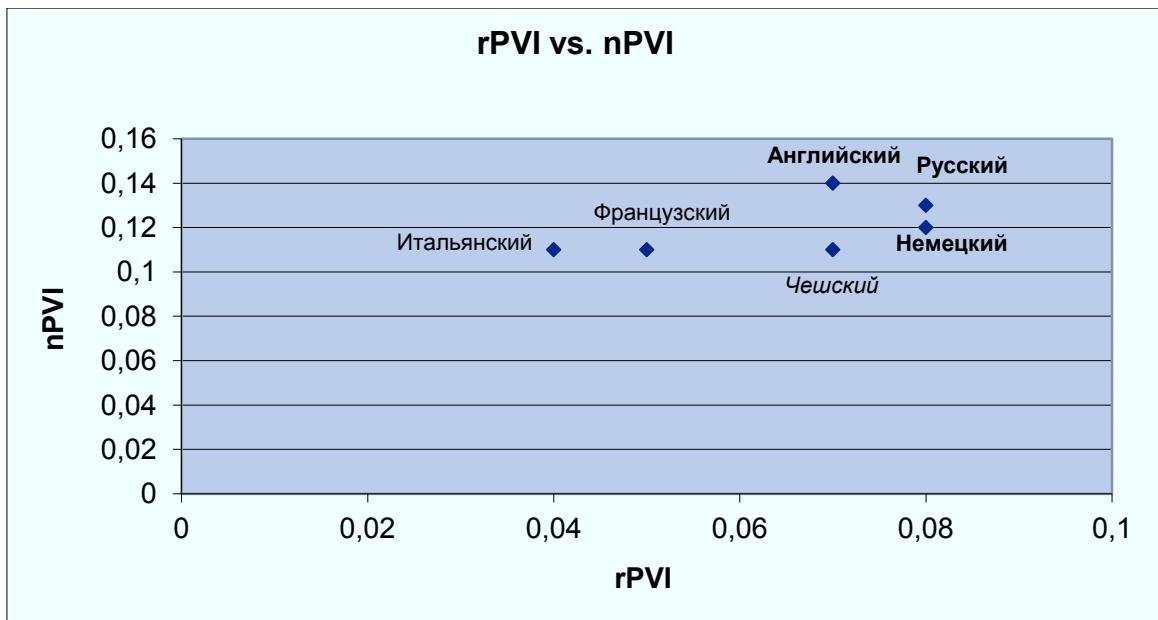

Схема 3: rPVI vs. nPVI для языков из BonnTempoCorpus.
Неклассифицированные языки помечены курсивом, тактосчитывающие жирным шрифтом, а слогосчитывающие языки полужирным шрифтом.

Области применения результатов исследования

- Исследования усвоения родного/первого языка. Имея на вооружении данные о ритме языка, можно определить с какого возраста ребенок начинает моделировать слова, фразы и предложения, ритм которых будет идентичен ритму взрослого человека.
- Усвоение/изучение иностранного языка. Влияние родного языка на изучаемый язык с учетом всех языковых уровней чрезвычайно велико. Правильная реализация в первую очередь речевого ритма ведет к лучшему восприятию иноязычной речи. Недостатки в его реализации являются барьером для понимания и говорения на изучаемом языке. Четкое понимание того, каким ритмом обладает изучаемый язык, способствует лучшему его воспроизведению.
- Интерфейс пользователя / коммуникация человека и компьютера

Просодия и языковой ритм играют большую роль в коммуникации человека и компьютера. Просодия имеет существенное значение в языковой коммуникации, которое можно разделить [Strom 1998: 5-11] на следующие группы:

- акцентуация,
- фразировка,
- построение формы предложения,

Благодаря просодии компьютер может распознать границы фраз или, например, различать минимальные пары при распознавании речи. И, наоборот, при синтезе языка необходимо смоделировать язык таким образом, чтобы просодические единицы были как можно более похожими на единицы естественного языка.

Литература

1. Pike, Kenneth L. *The Intonation of American English*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1945.
2. Abercrombie, David. *Elements of General Phonetics*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1967.
3. Corder, S. Pit. *Introducing Applied Linguistics*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books. 1973.
4. Catford, John. *Fundamental Problems in Phonetics*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1977.
5. Dellwo, Volker, Steiner, Igmar, Aschenberner, Bianca, Dankovičova, Jana, Wagner, Petra. Bonn-Tempo Corpus and Bonn-Tempo Tools: A database for the study of speech rhythm and rate. In: Proceedings of INTERSPEECH 2004 - ICSLP, 8th International Conference of Spoken Language Processing, Jeju Island, Korea. 2005.
6. V. Strom. *Automatische Erkennung von Satzmodus, Akzentuierung und Phrasengrenzen*. PhD thesis, University of Bonn. 1998.

Е.В. Коровина
ИВКА РГГУ, ИЯз РАН, Москва

Проблемы вычленения заимствований в майя¹

Статья посвящена описанию заимствований в различных языках майя из разных источников. Рассматривается возможность выявления заимствований в языках майя, а также между языками майя.

Ключевые слова: языки майя, заимствование, языковые контакты, сравнительно-историческое языкознание.

The paper focuses on the problem of describing of borrowing in Mayan from different languages. In particular, borrowings between different Mayan languages are examined.

Keywords: Mayan languages, borrowing, language contact, historical linguistics.

Целью этой работы является описание того, как выделяются заимствования из разных языков внутри языковой семьи майя. В работе не ставится цель описать адаптацию или привести исчерпывающий список заимствований в какой бы то ни было язык или какого бы то ни было периода. Работа в целом носит преимущественно обзорный характер.

Проблеме адаптации заимствований в языках майя посвящено огромное количество работ. В частности следует отметить следующие: [Campbell 1977] и [Brown, Wichmann 2002]. В первой работе анализируются в заимствования из языков других семей в языки кичеанской ветви семьи майя, а во второй – заимствования внутри языковой семьи майя.

Источниками заимствований в языки майя являются следующие языки и языковые группы: испанский язык, ацтекские языки, языки михе-соке, а также существуют заимствования из тотонакских и отомангских языков. Кроме того выделяется обширный пласт заимствований между языками майя.

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН Корпусная Лингвистика 4.2. «Создание корпусов языков майя, полинезийских и фула» (2012-2014), рук. чл.-корр. РАН В.М. Алпатов.

Рассмотрим каждую группу заимствований.

Заимствования из испанского присутствуют в каждом языке семьи, они далеко не всегда попадают в двуязычные словари, а также весьма различны по степени адаптации в связи с разным временем заимствования. Ниже некоторые примеры таких заимствований.

Тектитек: kamixh-j² ‘рубашка’ (n-kaamixh ‘моя рубашка’) < camisa, machit ‘мачете’ < machete, kaxh ‘гроб’ < caja ‘коробка’ [Simón Morales et al. 2007].

Хакальтек: kaua ‘улица’ < calle, kumpareh-al ‘кумовство’ < compadre, choris ‘вид колбасы’ < chorizo [Ramírez Pérez et al. 1996].

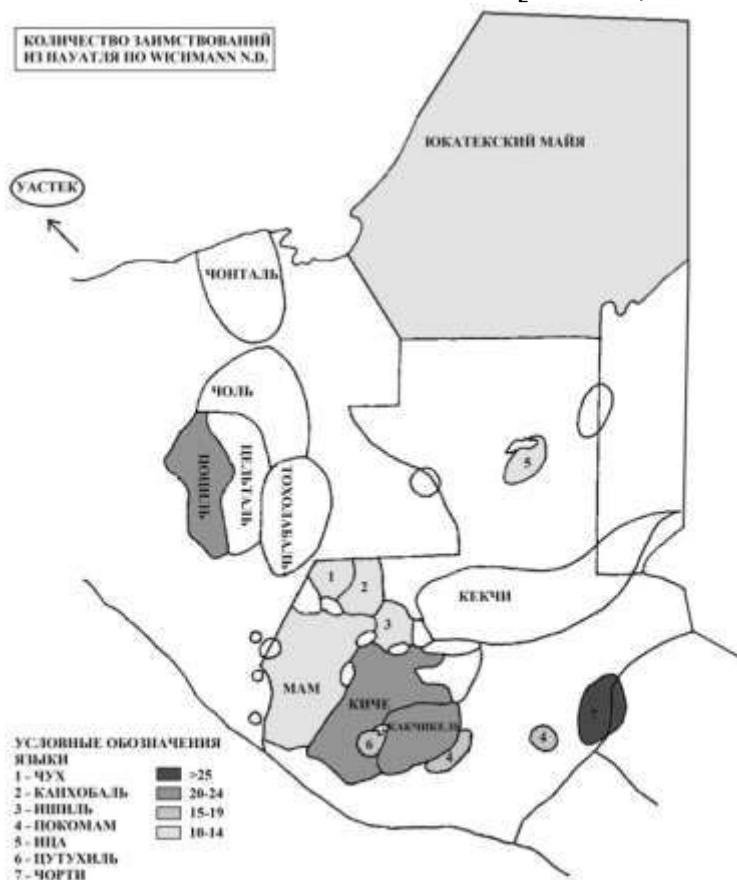
Цоциль (различные диалекты): Сан Андрес elumunix ~ Чамула elvenix ~ Ченало ermunix ~ Иштапа eramunix ~ Синакантан elamonix ‘лимон’ [Delgaty, Ruíz Sánchez 1978].

Видно, что заимствования из испанского в некоторых случаях при адаптации могут присоединять к себе суффикс, например, в тектитеке -j суффикс, который добавляется в непосессивной форме к предметам одежды. Также можно видеть, что в различных диалектах одного языка заимствование может быть адаптировано различно, ср. пример из языка цоциль.

Следующей группой заимствований являются заимствования из ацтекских языков. Ниже приводятся данные о количестве ацтекских заимствований в различные языки майя, данные взяты из [Brown, Wichmann n.d.].

² Здесь и далее языки майя даются в принятой орфографии для этих языков. Следует оговорить примерное произношение следующих знаков: ’ после согласного обозначает глottализацию, а после гласной гортанную смычку, x - [ʃ], ch - [χ], tz – [ts], j - [x], h - [h], удвоенная гласная обозначает ее долготу.

Рисунок 1. Количество заимствований из ацтекских языков по [Brown, Wichmann n.d.]

Большинство заимствований из ацтекских языков представлено в языках чорти, цоциль, киче и какчикель. Следует отметить, что часть ацтекских слов была заимствована более, чем одним языком майя. Однако обычно слова, заимствованные в цоциль не были заимствованы из ацтекских в другие языки майя. При этом, например, слова, заимствованные в чорти, были заимствованы в другие языки. Такая дистрибуция позволяет говорить о разных пластиах заимствований. Кроме того, только одно заимствование из ацтекских языков ('какао') представлено во всех языках майя. Примерами заимствований могут служить:

masaatl 'олень' > покомам maasaat, киче maasaat, какчикель maasaat, цутухиль masaat, мам masaat, авакатек masaat, ишиль masat, чорти masa' [Brown, Wichmann n.d.];

tenam-itl 'деревня, город' > кекчи tenamit, успантек tinmit, покомчи tinamit, покомам tinamit, киче tinamit, какчикель tinamit, цутухиль tinamit, сакапультек tinimit, сипакапа tinmit, мам taanma,

ишиль tenam, канхобаль tenam, акатек tenam, чух tenam, чорти chinam, участек tenaam [Brown, Wichmann n.d.];

tamal-li ‘тамаль (вид еды)’ > покомам tamal, киче tamal, какчикель takama'l, цутухиль katamal, сакапультек laktamal, мам laktamal, ишиль lakataama, цоциль tamali', чонталь tamal, чорти tamal, ица tamaal [Brown, Wichmann n.d.].

Следующая группа – заимствования из языков михе-соке. Примерами такого рода могут служить два обозначения для лисы в языках майя, восходящие, согласно [Kaufmann 2003], к двум различным михе-сокским источникам:

pOM *wa:hš ‘лиса’ > чоль wax, цельталь wax, чух wa⁷x, канхобаль wax, акатек waax [Wichmann 1995:506, Kaufmann 2003:568]

pChZ *wetu (Tc, Cp wetu, Oc wedu, Sm, Jt weru) > цоциль wet, тохолабаль wet, хакальтек wech, мотосинтлек we:ch, тусантек we:ch, тектитек we'ch, мам weech [Kaufmann 2003:567; Gómez Domínguez 2003:163]. Это слово отсутствует в списке слов реконструируемых С. Вихманом [Wichmann 1995], однако, по-видимому, может быть реконструировано на уровень чиапасского соке.

Наибольшее количество михе-сокских заимствований, а точнее заимствований из языков соке Чиапаса, имеется в языке чоль, например, в этот язык заимствованы следующие слова: ak'xi ‘санате (вид птицы)’, koya ‘томат’, ake ‘ящерица’ [Vázquez Álvarez 2011:9].

При этом следует отметить, что майя и михе-соке демонстрируют ряд пересечений, не выходящих, впрочем, за рамки возможного случайного совпадения, и в базисной лексике. Ниже приведены примеры, входящие в список Сводеша и имеющие значительное внешнее сходство.

‘черный’	pMZ *y <small>i</small> k(i <small>k</small>), pM *(q')eq'
‘кость’	pMZ *pak, pM*b'aahq
‘пить’	pMZ *'u: 'k, pM *'uk'
‘дать’	pMZ *yak, pM *aq'

Такие сходства есть и за пределами стословной лексики, что иногда считается свидетельством их дальнего родства (ср. например [Brown, Witkowski 1979, 1981]). Идея о существовании родственных связей между этими двумя группами впервые

высказана в работе Дж. Э. Скуайера в 1861 году [Fox 1978:28]³. При этом известно, что ближайшими родственниками языков михе-соке являются тотонакские языки [Brown et al. 2011]. Однако между майя и тотонакскими языками практически нет похожей лексики, которая бы ожидалась в этом случае. Это может говорить о том, что мы имеем дело не с родством, тем более, пока не было показано регулярных фонетических соответствий между майя и михе-соке, а лишь значительные контакты между этими двумя пражазыками.

Заемствования из ото-мангских языков, вероятно, немногочисленны или, по крайней мере, трудноопознаваемы из-за тонового характера последних. Можно привести следующую параллель между языком паме и участком: паме *bakēn* ‘вареная кукуруза’ [Soustelle 1937: 337], участок *bakan* ‘тортилья (вид лепешки)’ [Larsen 1955: 5] (однако, это вполне может быть случайным совпадением, кроме того, не ясно направление заимствования).

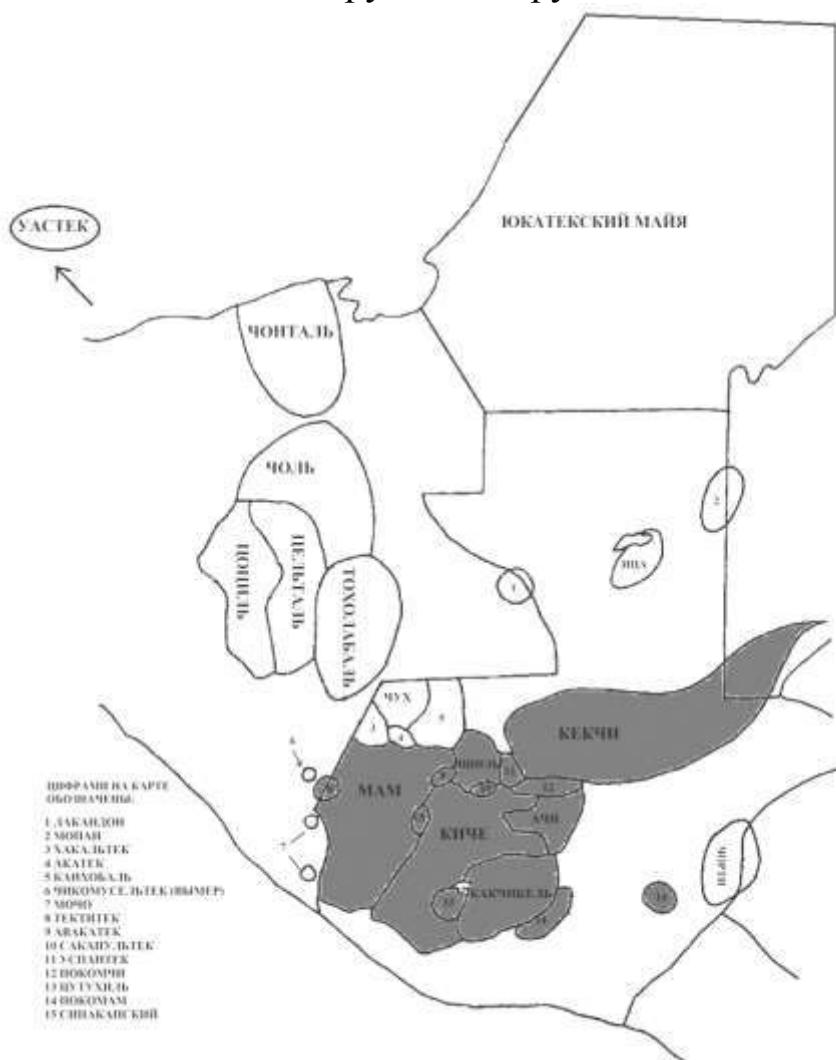
Теперь можно перейти к описанию заимствований внутри языковой семьи майя. Поскольку языки майя относятся к языкам с очень консервативной фонетикой, далеко не всегда заимствование между этими языками удается опознать благодаря тому, что нарушаются регулярные соответствия. Для решения этой проблемы в 2002 г. К. Брауном и С. Вихманом [Brown, Wichmann 2002] был предложен следующий метод: если слово имеет рефлексы только в одном из языков подгруппы, но хорошо представлено в другой подгруппе, то мы можем предполагать, что слово было заимствовано из той подгруппы, где слово хорошо представлено, в ту, где слово зафиксировано только в одном языке. В своей работе они продемонстрировали результаты применения метода для языков ишиль, чикомусельтек и кекчи, где таких слов больше всего.

Основным генетическим членением языков является разделение на восточные языки (языки групп киче и мам, всего 14 различных языков) и невосточные (языки всех остальных групп – юкатекской, большой центральной, большой

³ Вероятно это высказано в «Monograph of authors who have written on the languages of Central America, and collected vocabularies or composed works in the native dialects of that country». Однако сама работа не доступна автору статьи, а в работе Фокса и других, где утверждается, что он первым сделал это предположение, нет точной ссылки.

канхобальской и уастекской, всего 16 языков). Географическое распространение восточных и невосточных языков можно видеть на карте ниже. Более темным выделены языки восточных майя выделены языки групп мам и киче.

Поэтому, если принять методологию статьи [Brown, Wichmann 2002], если слово есть только в одном языке из восточной подгруппы и хорошо представлено остальных языках майя, мы можем предположить, что это слово было заимствовано из невосточных языков в этот восточный язык. И хотя в отношении конкретного слова это утверждение может быть неверным, при обнаружении большого количества слов с таким распределением, можно утверждать, что в этот язык был поток заимствований из языков майя других групп и даже потенциально установить более конкретный источник заимствования. При анализе данных обычно оказывается, что слово, имеющееся в одном языке одной подгруппы, имеется также не во всех языках другой подгруппы.

В результате такого анализа по данным [Brown, Wichmann n.d.] оказывается, что из невосточных языков больше всего изолированных пересечений с восточными языками имеется в языках чорти и мочо (под мочо понимаются два близкородственных языка – мотосинтлек и тусантек, поскольку в базе данных между ними не проводилось различия). А из восточных языков наибольшее количество таких пересечений встречается в языках кекчи, ишиль и мам. Соответственно, в 5 языках из 30 можно подозревать наличие многочисленных контактов с языками из соседних групп.

Рассмотрим теперь каждый язык в отдельности.

В языке мочо имеется 87 таких изолированных слов, из них 51 имеют параллели в языке киче, также много параллелей есть в языках цутухиль и какчикель. Достаточно много (более 30 параллелей) присутствуют в языках мам и ишиль.

В языке чорти таких изолированных слов всего 40. Они в основном имеют параллели в языках ишиль, кекчи, киче и какчикель (в этих языках имеется больше 15 пересечений).

В языке мам представлены 70 отсутствующих в других восточных языках слов. В основном эти слова имеют пересечения с языками канхобальской группы – канхобалем, акатеком и мочо. В них имеется свыше 20 пересечений.

В языке ишиль таких слов 158. Здесь картина значительно более разнообразна, хотя большинство пересечений – слова, представленные в канхобальских языках (канхобаль, акатек, хакальтек и чух), но также имеются пересечения и с языками других групп, прежде всего, большой цльталанской (тохолабаль, цоциль, чоль, чорти), а также с юкатекским языком. Во всех этих языках зафиксировано свыше 40 пересечений.

Другую картину демонстрирует язык кекчи, где зафиксировано почти столько же изолированных слов, как и в ишиль – 156. Но большинство пересечений этот язык имеет с языком чорти – 91. Также довольно много пересечений обнаруживается с другими языками большой цльталанской группы: цльталем и чолем, – а также с юкатекскими языками – юкатекским майя и мопаном. Во всех них присутствует свыше 50 пересечений с кекчи.

Следует отметить, что значительные контакты кекчи с языками низменности (прежде всего, чорти и его ближайших родственников) не вызывают сомнений, как видно из анализа

данных чорти и чольти, существовало и обратное влияние, хотя и менее значительное. Примером могут служить следующие слова:

majk'uy ‘келите (специально приготовленная трава)’: кекчи maak’uy, какчикель majk’uy, покомчи mahk’uy, покомам mehk’uy, чорти majk’uy [Brown, Wichmann n.d.];

rum ‘мексиканская слива’: кекчи rum, покомчи rum, покомам rum, чольти lum [Brown, Wichmann n.d.].

Следует отметить, что в первом примере можно видеть нарушение регулярных соответствий, восточному k’ соответствует ch’ в чорти. А во втором примере нет сегментов, которые могли бы измениться.

Помимо заимствований из языков, отделившихся друг от друга примерно во II тыс. до н.э., в майя известны случаи заимствования и из более близкородственных подгрупп. Самым известным примером таких контактов является взаимодействие чоланских и юкатекских языков (см. например [Justeson et al. 1985]). Это взаимодействие было столь сильным, что если посмотреть на небазисную лексику то, количество параллелей между чоланскими и юкатекскими языками будет больше, чем количество параллелей между чоланскими и цльталанскими согласно [Brown, Wichmann n.d.], которые, судя по базисной лексике, являются генетически наиболее близкими. Больше всего таких параллелей между языком чорти и юкатекскими, значительно меньше обратных изолированных параллелей между каким-либо юкатекским языком и чоланскими. Что, с одной стороны, может говорить о преимущественном направлении контакта, а с другой, может быть просто свидетельством того, что взаимодействие происходило между уже отдельными чоланскими языками и еще нерасчененным праюкатекским, который распался почти на тысячу лет позже прачоланского. Соответственно, в этом случае слово заимствовалось не в отдельный язык и не может быть выявлено согласно дистрибуции.

Примером такого взаимодействия могут служить следующие слова:

роу te’ ‘вид дерева, бальса’: кекчи royte’, цльталь роу, чоль роу, чонталь royte, мопан roouche’ [Brown, Wichmann n.d.];

k’as ‘плохой (человек)’: ица k’as, мопан k’as, юкатек k’àas, лакандон k’às, чорти k’as [Brown, Wichmann n.d.].

В заключение следует еще раз отметить, что работа с каждым этапом заимствований требует решения разных проблем. Кратко перечислим их здесь. Современные заимствования из испанского редко фиксируются в словарях, и сведения об их адаптации могут быть получены из анализа текстов. Заимствования и просто сходные слова между майя и михе-соке ставят вопрос о том, что они собой представляют – ранние контакты или родство. А заимствования между языками майя из-за консервативности этих языков трудны для обнаружения.

Сокращения

pOM – протомихе Оахаки
 pChZ – протосоке Чиапаса
 pM – протомайя
 pMZ – протомихе-соке
 Tp – соке Текпатан
 Co – соке Копайнала
 Oc – соке Окотепек
 Sm – соке Симоховел
 Jt – соке Хитотол

Литература

1. Brown C.H. et al. Totozoquean // International Journal of American Linguistics. 2011. № 3.
2. Brown C.H., Wichmann S. Contacto lingüístico dentro del área maya: Los casos de ixhil, q’eqchii’ y chikomuselteko // Pueblos y fronteras. 2002. № 4.
3. Brown C.H., Wichmann, S. N.d. Panchronic Mayan Dictionary.
4. Brown C.H., Witkowski S.R. Aspects of the phonological history of Mayan-Zoquean // International Journal of American Linguistics. 1979. № 1.
5. Brown C.H., Witkowski S.R. Mesoamerican historical linguistics and distant genetic relationship // American Anthropologist. 1981. № 4.
6. Campbell L. Quichean linguistic prehistory. Berkeley. 1977.
7. Delgaty A.H., Ruíz Sánchez, A. Diccionario Tzotzil de San Andrés con variaciones dialectales. México D.F. 1978.
8. Fox J.A. Proto-Mayan accent, morpheme structure conditions, and velar innovations. PhD thesis. University of Chicago. 1978.

9. Gómez Domínguez D. Un acercamiento a la dialectología zoque. Tuxtla Gutiérrez. 2003.
10. Justeson J.S. et al The foreign impact on Lowland Mayan language and script. Tulane University. 1985.
11. Kaufman T. A preliminary Mayan etymological dictionary. FAMSI. 2002. <http://www.famsi.org/reports/01051/pmed.pdf>
12. Larsen R. Vocabulario Huasteco. México D.F. 1955.
13. Ramírez Pérez et al. Diccionario Jacalteco. Antigua, Guatemala. 1996.
14. Simón Morales et al. Diccionario bilingüe tektiteko-español. Antigua, Guatemala. 2007.
15. Soustelle J. La Famille Otomi-Pame du Mexique Central. Paris. 1937.
16. Vázquez Álvarez J.J. A grammar of Chol, a Mayan language. PhD thesis. University of Texas at Austin. 2011.
17. Wichmann, S. 1995. The Relationship among the Mixe-Zoquean Languages of Mexico. Salt Lake City. 1995.

С.В. Краснощекова
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

Синтаксис ранних детских местоимений¹

Усвоение местоименной системы происходит параллельно с формированием синтаксической способности ребенка. Так, на этапе однословных высказываний возникают первые местоименные слова; на этапе двусловных высказываний местоимения регулярно занимают позиции опорного слова (pivot word). На этапе многословных высказываний местоимения начинают занимать типичные для полнозначных слов позиции, причем каждое местоимение имеет свой набор предпочтительных позиций. Важными точками в освоении синтаксиса местоимений является возникновение анафоры и появление сложных подчинительных конструкций.

Ключевые слова: *анафора, местоимения, освоение языка, онтолингвистика, синтаксис.*

The development of pronominal system is parallel to the acquisition of syntax. First pronouns appear at the one-word utterances stage; at the two-word utterances stage pronouns are regularly used in the pivot-position. At the multi-word utterances stage pronouns start being used in positions that are typical of full-meaning words, and each pronoun has its preferable position. The appearance of anaphora and the emergence of complex subordinating constructions are important points in the acquisition of pronominal syntax.

Keywords: *anaphora, pronouns, first language acquisition, syntax.*

1. Освоение синтаксической системы: периодизация

Синтаксическая способность ребенка формируется постепенно. Русскоязычный ребенок проходит путь от однословных высказываний (голофраз) до сложных предложений при нормальных условиях за 1,5–2 года и в возрасте 3 лет способен порождать относительно длинные высказывания. В

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

освоении языка вообще и синтаксической системы в частности традиционно принято выделять следующие периоды:

1. Период однословных высказываний (голофраз): до 1;4–1;5 лет; однако возрастные рамки индивидуальны — у некоторых детей этот период заканчивается раньше, у некоторых, напротив, продолжается до 1;7–1;9 лет. На этом этапе высказывания ребенка состоят из одного слова, которое описывает ситуацию целиком, гештальтно.

2. Период двухсловных высказываний: примерно от 1;5 до 2 лет. На этом этапе ребенок начинает сочетать слова в тема-рематические конструкции.

2а. Телеграфный период: ребенок использует только основы, без грамматических показателей. Этот и следующий периоды выделяются обычно на англоязычном материале [Brown 1973]

2б. Период трехсловных высказываний: в высказывании из двух полнозначных слов появляется третий, обычно служебный, элемент.

3. Период многословных высказываний: примерно с 2 лет. Основные точки, связанные с синтаксисом местоимений здесь, это (1) возникновение анафоры примерно в 2;0–2;2 и (2) возникновение сложных подчинительных конструкций примерно в 3 года [Цейтлин 2009; Кларк 1984; Лепская 1997].

Нашей задачей было проследить, как ведут себя при становлении синтаксической системы местоимения и близкие к ним наречия, то есть описать синтаксис местоимений на ранних этапах развития речи. В частности, предполагается ответить на вопросы, как осваиваются синтаксические свойства местоимений и как функционируют полнозначные местоимения на каждом этапе развития синтаксической системы, а также какие синтаксические процессы затрагивают местоимения на первом и на последующих этапах. Так, при описании усвоения английского языка обычно обращается внимание на такие связанные с местоимениями синтаксические явления, как структура вопросительного предложения, анафора, вложенные клаузы [Eisenbeiss 2014]. В русском языке, как уже упоминалось выше, сюда относятся анафорические и подчинительные отношения.

В онтолингвистике существует два противоположных подхода к описанию освоения грамматики. Первый (*morphology-first model* [Schlyter 2003]) предполагает, что морфологические

свойства слова осваиваются первыми, а синтаксические отношения выстраиваются на их основе. Второй (syntax-first model [Borer, Rohrbacher 2002]) формулируется следующим образом: первыми осваиваются синтаксические структуры, которые влияют на освоение морфологических показателей и развитие морфологической системы. В настоящее время принято считать, что оба подхода в определенной степени справедливы: для разных участков языковой системы действуют разные модели. Предположительно, на материале русских местоимений работает вторая модель (syntax-first model): гипотеза также подлежит проверке.

2. Материал

Поле данного исследования ограничено местоимениями, в той или иной степени связанными с областью дейктика (личные, притяжательные, указательные, возвратные, относительные); отрицательные, вопросительные и пр. местоимения здесь не рассматриваются. Кроме местоимений, учитываются также близкие к ним дейктические слова: указательные локативные наречия *там, здесь, тут* и их производные, указательное наречие времени *тогда*, указательное *так*; относительные *когда, где и как*; а также указательная частица *вот*. Всего было проанализировано 6500 контекстов с соответствующими местоимениями и местоименными наречиями.

Что касается материала, то использовались данные лонгитюдных наблюдений — родительские дневники и расшифровки аудио- и видеозаписей в формате CHILDES из Фонда данных детской речи РГПУ им. А.И. Герцена и Интернет-базы CHILDES. Анализировались записи речи 15 детей, из которых только у 5 детей (3 мальчика и 2 девочки) есть относительно полные корпусы, охватывающие возраст примерно с 1 до 4 лет; записи других детей велись на протяжении нескольких месяцев, в большинстве случаев в возрасте между 2 и 3 годами.

Нижней возрастной границей в нашем материале является возраст 1;3 — в этом возрасте у трех детей фиксируются первые местоименные слова (другие начинают использовать местоимения несколько позже); верхней возрастной границей — 4 года: примерно в этом возрасте местоименная система ребенка достигает равновесия.

3. Освоение местоимений: периодизация

Формирование системы местоимений также можно разделить на несколько этапов:

1. Этап «ранних» местоимений. Этап начинается с появлением первых местоименных слов и заканчивается в зависимости от индивидуальных особенностей ребенка в возрасте 2;0–2;4. На этом этапе возникают и регулярно употребляются семантически и функционально простые и легкие для запоминания и воспроизведения местоимения, обычно имеющие отношение к зоне персональной или пространственной близости: *я, мы, ты, мой, этот*, а также *он* и местоименные локативные наречия *там, здесь, тут*. В конце этапа появляется анафора.

2. Этап «местоименного взрыва» (по аналогии с лексическим взрывом). Этап продолжается несколько месяцев, примерно между 2;0–2;4 и 2;6–2;8, и характеризуется резким увеличением частотности местоимений в речи и освоением новых значений и функций. На этом этапе возникает и начинает регулярно употребляться указательное *такой*; растет число анафор; возникают, но употребляются спорадически притяжательные местоимения 3 лица, возвратные и относительные местоимения.

3. Этап «поздних» местоимений. Этап начинается в 2;6–2;8 и продолжается до полного становления местоименной системы. На этом этапе возникают и/или начинают регулярно употребляться местоимения, связанные с анафорическим связыванием и развитие синтаксических навыков — возвратные, относительные, притяжательные 3-го лица, а также указательное *тот* и личное *вы*.

Различные этапы усвоения синтаксической системы и усвоения местоимений, вероятно, накладываются друг на друга, и одной из задач является проследить, как именно.

4. Этап однословных высказываний (голофраз)

Известно, что на раннем этапе полнозначные слова (словавысказывания, голофразы), во-первых, описывают ситуацию целиком, гештальтно; во-вторых, могут не иметь никаких грамматических характеристик. Так, высказывание «Папа!», произнесенное ребенком, может относиться как к непосредственному референту, так и к принадлежащей ему вещи, указывать на ситуацию, в которой участвовал или участвует референт; выражать побуждение и т.д.

Первые местоименные слова на этом этапе уже присутствуют. Обычно это локативные наречия *там*, *здесь* или *тут*, частица *вот*, реже — местоимения *это*, *я* и *мой*. Локативные наречия используются в основном значении и всегда сочетаются с указательным жестом, равно как и *вот* и *этот*. Из всех местоимений на этом этапе только *я* и *мой* могут, подобно полнозначным словам, обозначать ситуацию целиком. Местоимения возникают обычно, когда ребенок отвечает на вопрос взрослого (1–3); используются при указании на предмет; реже, в маргинальных случаях, представляют собой простой повтор за взрослым (4).

(1) *Мама: Где киска? Где собачка?* — *Ребенок: Там* (показывает на дверь соседской квартиры) (Боря, 1;3;15).

(2) *Мама: Где папа?* — *Ребенок: Де («здесь»)* (показывает на фотографию) (Рома, 1;3;24).

(3) *Мама: Чего ты хочешь?* — *Ребенок: Эту* (показывает на фломастер) (Родя, 1;11;15).

(4) *Мама: Рома, скажи «я».* — *Ребенок: Я* (Рома, 1;8;12).

В целом голофразы-местоимения используются более ограниченно, чем полнозначные слова: менее выражен синкетизм при указании на ситуацию, не выражается побуждение к взрослому.

Сочетание с указательным жестом в некоторых случаях представляет собой предпосылки к переходу от однокомпонентных высказываний к двухкомпонентным: одна из синтаксических позиций занята вербальной единицей, другая замещается жестом и референтом — предметом реального мира, на который указывает ребенок. Постепенно вторая позиция также начинает вербализоваться.

5. Период двухсловных высказываний

На этапе двухсловных высказываний (1;5–2 года) для ребенка характерны так называемые опорные конструкции (*pivot constructions*), в которых один элемент — опорное слово (*pivot word*) — занимает фиксированное место и регулярно повторяется, а другой — выбирается из открытого класса слов [Braine 1963]. В [Tomasello 2006] делается более широкое утверждение: ребенок осваивает грамматические структуры через

конструкции, сначала «замороженные», но со временем всё более открытые. К опорным конструкциям в речи русскоязычного ребенка относятся, например, сочетания *дай X*, *вот X*, *X мое*, *X нет* и др.

Местоимения и местоименные слова могут занимать обе синтаксические позиции: как «опорную» позицию (конструкции типа *это X*, *вот X*, *там X*), так и открытую позицию (*этую дай*). Сочетания, в которых местоимение занимает «опорную» позицию, крайне частотны (5–7). В открытой позиции при этом обычно используется существительное или прилагательное, нередко личное имя. Подобные конструкции с местоимениями помогают осваивать синтаксический механизм предицирования.

- (5) *Даня! Там Даня!* (Света, 1;3;20).
- (6) *Это тетя* (Варя, 1;7;13).
- (7) *Это горячий* (Варя, 1;7;13).

Конструкции, в которых местоимение стоит в открытой позиции, используются реже, чем предыдущий тип. Обычно здесь употребляются изменяемые субстантивированные местоимения *этот*, *мой*, реже *я*, которые присоединяются к таким типичным опорным словам, как *дай*, *вот* и т.д. Иногда ребенок уже обладает достаточной грамматической компетенцией и способен приписывать форме местоимения правильный падеж (8).

- (8) (Ваня и бабушка рисуют машинки) *Еще эту* (Ваня, 2;1;28).

Теория опорных конструкций описывает не все двусловные высказывания ребенка: высказывания, в которых обе позиции замещаются словами из открытого списка, также частотны. Если говорить о местоимениях (9–10), то такие конструкции становятся регулярными ближе к концу этапа. Это шаг к возникновению полноценных многословных высказываний.

- (9) *Эту наденем. А эту снимем* (Варя, 1;7;13).

Итак, по первым двум этапам можно сделать следующий вывод: действительно, местоимения принимают синтаксические

свойства раньше, чем морфологические. Первые сочетания включают неизменяемые, или «замороженные» формы; местоимения в косвенных формах возникают позже, в уже отработанной позиции. Таким образом, для местоимений модель syntax-first справедлива.

6. Период многословных высказываний: основные синтаксические позиции

На этом этапе, с появлением более развернутых высказываний и с расширением словарного запаса, местоимения начинают занимать типичные для полнозначных слов позиции: актантов при глаголе (субъект, объект, косвенный объект), атрибутивные, предикативные и сирконстантные. Набор предпочтительных позиций зависит в том числе от семантики местоимения, то есть конкретное местоимение обычно тяготеет к конкретной позиции или их набору и редко используется в других позициях.

Для актантных позиций характерно следующее распределение: позицию субъекта при глагольном предикате обычно занимают личные местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица (10); субъекта при предикате-прилагательном — местоимение *он* (11), реже *этот*; субъекта при предикате-существительном или при предикате-ситуации (12) — наоборот, местоимение *это(m)*, реже *он*. В позиции прямого объекта используются *он* и *этот* и практически никогда не появляются личные местоимения 1-го и 2-го лица (13). С другой стороны, в позиции косвенного объекта (роль адресата) употребляются местоимения 1-го лица и возвратное *себя*.

(10) *Платье намочила я.* (Аня, 2;1;20)

(11) *Почему они холодные?* (Аня, 2;4;22)

(12) *Это мышка в сеточку залезла* (засовывает руку в сетку).
(Лиза, 3;6;2).

(13) *А детки меня на санках катали, а я говорю, что не хочу, еще в садике.* (Саша, 2;6;12)

Таким образом, в конструкциях с глагольными предикатами чаще всего встречаются личные местоимения; *он* фигурирует при прилагательных, *этот* — при существительных и указании на ситуацию. Для личных местоимений 1-го и 2-го лица не

характерна позиция прямого объекта, которая, напротив, частотна для местоимений *он* (в основном при указании на одушевленные референты) и *этот* (при указании на неодушевленные референты).

В атрибутивных и предикативных позициях наблюдается следующее распределение: предикативная позиция характерна в основном для притяжательных местоимений (*X мое*), атрибутивная — для притяжательных местоимений, а также для *этот*, *тот* и *такой*. Притяжательные местоимения начинают использоваться в роли предикатов (14), затем — как атрибуты, причем первые местоимения-атрибуты стоят в постпозиции (15); препозиция возникает обычно позже. *Этот* и *тот* начинают использоваться субстантивированно, в актантных позициях (16), позже — как атрибуты (17). *Такой* — первое местоимение, для которого атрибутивная позиция первична.

(14) *Мама — моя* (Аня, 1;9;26).

(15) *Забыла зонтик наши* (Лиза, 1;10;10).

(16) *Открой Мите эту, буду конфеточку, открой* (Дима, 1;11;30).

(17) *Вот этот медведь встретил медведя* (Ваня, 2;5;8).

Для сирконстантной позиции традиционны формы с локативным значением. Центральное положение здесь занимают местоименные наречия *там*, *здесь* и т.д. (88% от всех локативных употреблений), которые выражают собственно локативные значения. На периферии лежат сочетания с предлогами типа *в этом*, *в том*, *в нем* (6% для *этот* и *тот* и 6% для *он*), причем к конкретно-локативному значению добавляются дополнительные значения (19).

(19) *Трактор. Дядя на нем ехает* (Аня, 2;6;28).

7. Анафора

Местоимения начинают использоваться как средства связности текста, и у ребенка появляется необходимость в анафорических местоимениях. Освоение анафоры — тема, которая в настоящее время исследуется достаточно активно [Baylin 1992; Аврутин 2002]. Так, известно, что первые анафоры возникают с появлением местоимения *он* примерно в возрасте

2;0; *он* на протяжении всего рассматриваемого периода остается дефолтным анафорическим местоимением (0). Указательные местоименные слова редко используются анафорически, причем из них локативные наречия (21) — чаще (отсылка к антецедентам с локативным значением), местоимения *этот, том, такой* — реже (22).

(20) *Мою шарик. Грязный он, грязный* (Аня, 2;0;1).

(21) *Ехал он мимо болота, и там аист захотел поехать, и он сказал, можно* (Лиза, 3;7;4).

(22) *Жвачка у меня была. В ларьке купили. Это такая шоколадка* (Аня, 2;6;7).

Что касается возвратных местоимений, то, активно используясь в речи ребенка позже, они принимают уже освоенные анафорические свойства (23, 24). В [Аврутин 1996] приводится свидетельство того, что отношения связывания, при которых анафорическое слово занимает позицию объекта, осваиваются на возвратных, а не на личных местоимениях, однако в целом при возникновении возвратных местоимений анафорические свойства уже освоены на личных в позиции субъекта, поэтому ребенок не испытывает затруднений. При употреблении возвратных местоимений дети, как показывает наш материал, не допускают анафорических ошибок и ошибок, вызванных неверным употреблением местоимений.

(23) *Не хочу себе клипсы надевать* (Аня, 2;7;10).

(24) *Львенок сейчас оторвет себе хвост* (Ваня, 2;8;17).

8. Подчинительные конструкции

Подчинительные конструкции с относительными местоимениями возникают в 2;5–3 года, однако используются ограниченно. Основным поддерживающим местоимением является указательное *такой*, которое образует сочетания с относительными словами: *такой... как, такой... где, такой... который* и т.д. (25–27). Местоимение *том*, частотное в подобных конструкциях у взрослых, используется детьми редко. Основное полнозначное слово, присоединяющее придаточную часть, — существительное; прилагательные и наречия используются редко и имеют местоименный оттенок значения (28).

- (25) *Такой зеленый, как телефон* (Аня, 2;6;13).
- (26) *Такая знак, что у него нету колес* (Ваня, 3;3;18).
- (27) *Откуда мы взяли отворот такой, который сломался?*
(Витя, 4;0;3).
- (28) *Я только умею чинить, по-другому чинить разные, которые чинятся хорошо* (Витя, 3;6;25).

Ошибки не связаны с анафорой (29, 30).

- (29) *Когда оденешь, когда увидишь злых котов* (Ваня, 3;6;20).
- (30) *А, а там говорил крокодил, какой читал книгу* (Ваня, 3;5;27).

9. Выводы

На этапе однословных высказываний возникают и используются относительно регулярно местоимения *я, мой, этот* и близкие к ним наречия *там, здесь*. На этапе двухсловных высказываний местоимения используются в основном в позиции «оси», реже — в свободной позиции; на основе pivot-конструкций осваиваются синтаксические свойства предикативных высказываний. На ранних этапах для местоимений характерна модель syntax-first.

На этапе многословных высказываний каждое местоимение тяготеет к своим предпочтительным позициям.

С развитием синтаксической системы и появлением длинных связных нарративов возникает необходимость в анафорическом связывании. Анафора возникает около 2 лет, осваивается на местоимении *он*; к 3 годам анафорические свойства распространяются на возвратные, относительные и (в меньшей степени) указательные местоимения. Дети не допускают ошибок в использовании «поздних» анафорических местоимений. Подчинительные конструкции с относительными местоимениями возникают в возрасте 2;5–3 лет, однако используются ограниченно.

Литература

1. Аврутин С. Понимание детьми местоимений в свете взаимодействия синтаксиса и дискурса // Проблемы детской речи-1996: материалы межвузовской конференции. СПб., 1996.

2. Аврутин С. Усвоение языка // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2002.
3. Кларк Е.В. Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и о значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика. М., 1984.
4. Лепская Н.И. Язык ребенка (онтогенез языковой коммуникации). М., 1997.
5. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
6. Baylin J.F. LF Movement of Anaphors and the Acquisition of Embedded Clauses in Russian // Language Acquisition. 1992. № 2(4).
7. Borer H., Rohrbacher B. Minding the Absent: Arguments for the Full Competence Hypothesis // Language Acquisition. 2002. 10. № 2.
8. Braine M. The ontogeny of English phrase structure // Language. 1963.
9. Brown R. A first language: The early stages. Cambridge, MA, 1973.
10. Eisenbeiss S. Syntax and Language Acquisition // Syntax: an international handbook. 2nd edition. Berlin, 2014 (to appear).
11. Schlyter S. Development of Verb Morphology and Finiteness in Children and Adults acquiring French // Information Structure and the Dynamics of Language acquisition. Amsterdam/Philadelphia, 2003.
12. Tomasello M. Acquiring linguistic constructions // Handbook of child psychology: cognitive development. New York, 2006.

А.С. Крылова, Е.М. Князева
РГГУ, ИЯз РАН, Москва

Некоторые проблемы подготовки тезауруса для документирования языка куллуи (западный пахари)¹

В статье очерчивается круг проблем (как технического, так и лингвистического характера), возникших в ходе подготовки тезауруса для сбора лексики языка куллуи. На основе критического анализа доступных описаний этого языка, выдвигаются гипотезы о его фонетике, просодии, морфологии и синтаксисе и предлагаются возможные пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: язык куллуи, тезаурус, лексема, фонетика, просодия, морфология, синтаксис, западный пахари, индоарийские языки, полевая лингвистика.

The paper outlines the range of problems (both of technical and linguistic nature) encountered while preparing a thesaurus for collecting Kullui vocabulary. Hypotheses concerning the phonetics, prosody, morphology and syntax of this language as well as possible solutions to mentioned problems are offered based on a critical analysis of the available works describing the language.

Keywords: Kullui, thesaurus, lexeme, phonetics, prosody, morphology, syntax, Western Pahari, Indo-Aryan languages, field linguistics.

Введение

Одной из задач лингвистической экспедиции на север Индии (штат Химачал-Прадеш, район Куллу, д. Наггар) с целью документирования языка куллуи является сбор лексики объемом 1000 лексических единиц. Для ее осуществления в рамках подготовки к экспедиции ведется работа по составлению тезауруса, на основе которого будет собран лексический материал. Цель данной статьи — осветить некоторые проблемы (как технического, так и содержательного плана) подготовки этого тезауруса.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований в рамках проекта А-12 «Документирование языка куллуи (западный пахари)» (2014-2015 гг.).

Язык куллуи принадлежит к группе языков западного пахари² индоарийской ветви индоевропейской семьи. Традиционно языки пахари подразделяются на 3 подгруппы [Grierson 1903]: *восточные* (группа языков непали, а также палпа, джумли и раджбанши); *центральные* (языки кумаони и гархвали, на которых говорят в Кумаоне и Гархвали, районах индийского штата Уттаракханд) и *западные* — группа языков, на которых говорят в Джоунсар-Бавар (штат Уттаракханд), в некоторых районах индийского штата Химачал-Прадеш (Шимла, Куллу, Манди, Чамба), а также штате Уттар-Прадеш и Западном Кашмире [Цоллер 2011].

Куллуи распространен в штате Химачал-Прадеш, главным образом, в округе Куллу. Согласно современным исследованиям языковой ситуации в Индии, проводимым в рамках проекта People's Linguistic Survey of India, количество языков, на которых говорят в Индии, составляет около 780³. По данным переписи населения за 1961 год, к группе языков пахари относятся около 90 языков. Из них около 62 языков принадлежат к группе языков западного пахари, к которым относится и куллуи. По данным переписи Индии за 2001 год, количество говорящих на языке куллуи составило 170 700 человек. Официального статуса язык куллуи не имеет, в письменной форме в наше время практически не используется и ненормирован. До середины XX века использовалось письмо такри (близкое панджабскому гурмукухи), в наше время используется преимущественно деванагари.

Прежде чем очертить проблемы подготовки тезауруса, опишем кратко его вид. Работа над тезаурусом ведется в формате таблицы Excel. За основу взят тезаурус объемом более 4000 лексических единиц из книги [Языки гэлао, 2011], включающий в себя 15 разделов: 1. Человек; 2. Природа; 3. Пространство; 4. Время; 5. Фауна; 6. Флора; 7. Общество; 8. Материальная культура; 9. Духовная культура; 10. Действия, процессы и состояния; 11. Признаки; 12. Количество; 13. Меры; 14. Дейктические и анафорические элементы; 15. Служебные

² Pahāṛī в переводе с хинди означает «горный», и языки пахари правильнее считать не генеалогическим, а географическим объединением. В случае с куллуи следует говорить именно о группе «западный пахари».

³ См. статью: 780 languages spoken in India; 250 died out in last 50 years // Indian Express. 16th July. Kolkata, 2013. См. также сайт проекта People's Linguistic Survey of India: www.peopleslinguisticsurvey.org

элементы. Каждый из 15 разделов делится, в свою очередь, на подразделы. В процессе работы над тезаурусом стояла задача учесть специфику региона. С этой целью некоторые его подразделы (например, флора, фауна, одежда, материальная культура и др.) были расширены за счет понятий, выявленных при анализе этнографического материала.

При подготовке тезауруса мы столкнулись с трудностями как технического, так и содержательного характера. Представим в общих чертах некоторые из них.

1. Проблемы технического характера.

А) Большой объем списка слов.

Поскольку объем тезауруса довольно велик для первого этапа сбора материала, перед нами всталас задача тщательного отбора наиболее значимых лексем.

В качестве решения была введена система обозначений, устанавливающая очередность запроса слов у информантов. В специальном столбце отмечается наличие слова в стословном (***), двухсоловом (**) списках или в словаре Комри (*). Все остальные слова оставлены без помет. Такая система позволяет установить степень очередности запроса слов у информантов и сделать планирование объема и времени работы в полевых условиях более эффективным.

Б) Большой объем дополнительной информации по каждой лексеме.

Тезаурус в форме таблицы Excel включает довольно много дополнительной информации по каждой лексеме (например, наличие эквивалента на хинди и его транслитерация, этимология, грамматическая характеристика и т. п.). Это значительно увеличивает таблицу и делает ее не вполне удобной для заполнения и последующей обработки в полевых условиях. К тому же в таблице тезауруса необходимо также предусмотреть и колонку для примеров, охватывающих грамматические явления, что делает таблицу еще больше. Решение было найдено в создании тезауруса в виде базы данных Access, которая, с одной стороны, позволяет создавать лексическую карточку, задавая для нее необходимое количество полей (параметров), не перегружая рабочее поле. С другой стороны, дает возможность легко переходить от лексической карточки к сводной таблице, отражающей все заданные поля карточек в виде столбцов.

В) Проблема фонетико-фонологического инвентаря для записи лексики.

В цели нашей экспедиции, помимо сбора лексики, входит также и описание фонологической системы языка. Но это отдельная задача, решение которой требует анализа большего объема звукового материала, чем тот, которым мы располагаем на данный момент. Поскольку задачи по сбору лексики и описанию фонологической системы будут решаться параллельно, к началу экспедиции полной картины по фонологической системе куллуи у нас не будет. Тем не менее, для записи лексики нам необходимо понимать (хотя бы приблизительно), какой инвентарь средств мы можем использовать. С этой целью мы проработали имеющийся у нас небольшой объем звукового материала по куллуи и обратились к теоретическим наработкам исследователей-предшественников, которые нам удалось найти.

Для первичного знакомства с фонетикой куллуи мы располагали базовыми стословными списками, записанными Е.М. Князевой в 2013 году в Наггаре от пяти информантов. Фонетический материал был исследован на слух с привлечением программы Speech Analyzer. Это дало нам некоторое представление о фонетическом составе языка. Анализ небольшого по объему материала показал, что для куллуи характерна большая вариативность форм. Так, ‘маленький’ на этом языке у разных информантов звучит как [kot̪a], [hot̪a:], [ot̪ha:], [got̪a:].

Затем мы проанализировали имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные труды лингвистов, предпринявших попытку описания фонетики куллуи. Нам удалось найти лишь несколько общих описаний этого языка, выполненных с разной степенью краткости. Тем не менее, с их помощью мы смогли получить ответы на некоторые появившиеся в ходе работы с материалом вопросы.

2. Проблемы содержательного характера.

Мы располагаем четырьмя описаниями языка куллуи. Это две работы британского периода — краткий очерк Т. Г. Бейли [Bailey 1908] и основанный по большей части на этом очерке раздел о куллуи Дж. А. Гриersona в [Grierson 1916], а также два более современных и обширных источника, ставших для нас основными, — вторая часть книги М.Р. Ранганатхи [Ranganatha 1981], представляющая собой описание куллуи в рамках

программы переписи населения Индии 1971 г. (на основании данных, полученных от единственного информанта), и работа М. Тхакура [Thakur 1975], составленная носителем языка (самая подробная из имеющихся в наличии). Из сопоставления этих источников удалось получить приблизительное представление о фонетике и морфологии языка, позволяющее приступить к записи лексики.

А) Фонетика и просодия⁴.

Вопрос о фонетическом инвентаре осложняется тем, что в очерках Т. Г. Бейли и Дж. А. Грирсона нет фонетических разделов, а два подробных описания М. Р. Ранганатхи и М. Тхакура затемнены невысоким качеством индийской полиграфии с многочисленными опечатками. При том, что М. Тхакур уделяет фонетике куда больше места, чем М. Р. Ранганатха, в его грамматике нет словаря, поэтому проверить на достаточном количестве слов гипотезы о фонетических правилах невозможно.

Гласные

Описание вокализма из работ [Ranganatha 1981] и [Thakur 1975] представлено в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Система гласных куллуи по [Ranganatha 1981]

	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i i:</i>		<i>u u:</i>
Верхне-средний	<i>e e:</i>	<i>ə</i>	<i>o o:</i>
Нижне-средний	<i>ɛ</i>		<i>ɔ ɔ:</i>
Нижний		<i>a a:</i>	

⁴ Система транскрипции Ранганатхи, основанная на традиционной индологической, оставлена без изменений. М. Тхакур пользуется транскрипцией на основе письменности деванагари, здесь мы транслитерируем её латиницей. Обычные знаки деванагари передаются традиционной индологической транслитерацией. Дужка над гласной – не знак краткости, а передача используемой М. Тхакуром в разных значениях диакритики деванагари «чандра», циркумфлекс – передача символа «аваграха»; дифтонги, вероятно, обозначают долгие варианты открытых гласных. М. Тхакур, по всей видимости, выбирает эти символы вне связи с их обычным значением, а лишь для того, чтобы, используя ограниченные средства полиграфии, указать на отличия систем куллуи и хинди. Для отсутствующих в санскрите и хинди фарингалов, ларингалов и дентальных аффрикат введены символы МФА. В прочих случаях используются символы, традиционно принятые в индологии.

Таблица 2. Система гласных куллуи по [Thakur 1975]

	Передний	Средний	Задний
Закрытый	ī		ū
	i		u
	ī		ū
Полузакрытый	e		o
	ē		au
Полуоткрытый	ai	a	ō
Открытый	ā	ă	ă

Систему гласных можно считать характерной для индоарийских языков данного ареала. Противопоставление долгих и кратких i — ī, a — ā, u — ū довольно распространено в языках западной и центральной Индии. Также, судя по примерам М. Р. Ранганатхи и по описанию фонотактики у М. Тхакура, в куллуи, как и в других языках региона, произошло падение кратких гласных на конце слова, и противопоставление по признаку «долгий/краткий» в конечной позиции отсутствует (исключения у М. Тхакура: *ghugu* ‘голубь’, *kutu* / *kutū* ‘собачка’ — вероятно, случаи спорадического сокращения ū на конце слова).

Гласные ī, ū у М. Тхакура, средние по долготе, требуют отдельного исследования. Судя по примерам (*tījī* < скр. *trītya* ‘третий’, *għiū* < скр. *ghṛta* ‘топлёное масло’), ī может быть связано с рефлексами санскритских слоговых сонантов, а также сочетаний сонантов с гласными в позиции после начального согласного.

Различие e — ē и o — ō в описании М. Р. Ранганатхи, вероятно, не следует считать фонологическим противопоставлением. Более вероятно фонетическое сокращение фонологически долгих в закрытом слоге. Так, o встречается почти исключительно в закрытом слоге. Исключения: *noi* ‘река’ (скорее всего, ошибка вместо *nøy* < скр. *nadī*, рефлекс a, огубленный в первом слоге, см. ниже), *loha:r* ‘кузнец’ (но *lo:ha* ‘железо’) и *khokha* ‘верхняя одежда’, этимология неясна. Также и e встречается почти исключительно в закрытом слоге или в конечной позиции, где противопоставление по долготе отсутствует.

Согласно М.Р. Ранганатхе, гласный ē встречается в середине и конце слова, причём в конце слова e и ē дают дублетные формы. У М. Тхакура в середине слова встречаются закрытое e и

открытое *aɪ*, а в конце – открытое *ě*. Таким образом, фонетически открытое *ě* у М. Тхакура и *ɛ* в конечной позиции у М. Р. Ранганатхи можно фонологически объединить с закрытым *e*. Однако в середине слова, судя по примерам, *aɪ* и *ɛ* имеют иную этимологию, чем *e/eː*. При этом немногочисленные примеры на *ɛ* у М. Р. Ранганатхи и *aɪ* у М. Тхакура не пересекаются, поэтому вопрос об их отождествлении остаётся открытым.

Главный вопрос в области вокализма, остающийся нерешённым, – это лабиализация *a*, а также его редукция. Для рефлексов скр. *a* краткого М. Р. Ранганатха использует четыре символа – *a*, *ə*, *ɔ* и *ɔː*; Т. Г. Бейли и Дж. А. Грирсон – два: *a*, *ő*. Символ *a* у М. Р. Ранганатхи встречается только в первом слоге, за исключением нескольких заимствований; *ɔ* встречается в первом слоге и двух наречиях *kɔhɔ* ‘когда’ и *tɔhɔ* ‘тогда’ (вероятно, ассимиляция по первому огубленному слогу) и нередко имеет дублеты с *ə* (*rɔẉtu* ~ *rəẉtu* ‘плед’). Такую систему можно свести к двум фонемам, одна из которых в первом слоге лабиализуется, а другая – нет.

М. Тхакур выделяет на месте исторического *a* пять звуков (отделить аллофоны от фонем по его описанию не всегда возможно) – для первого слога *ő*, *au* и *ā*, для последующих – *a* и *ă* (результат редукции во втором слоге трёхсложного слова с окончанием на *-ā*).

Чтобы проиллюстрировать различие в первом слоге фонем *ő* и *au*, М. Тхакур приводит минимальные пары: *aukhē* ‘с трудом’ — *őkhē* ‘здесь’, *audz* ‘нечистота’ — *ődz* ‘сегодня’. Но в других случаях встречается дублетное написание: *aug*, *őg* ‘огонь’.

Если бы не противопоставление *ő* — *au* в первом слоге, такую систему можно было бы свести к двум фонемам, как и в описании М. Р. Ранганатхи. Одна из них в первом слоге лабиализуется, другая нет.

У М. Р. Ранганатхи в первом слоге различаются *ɔ* и *ɔː* (приблизительно соответствуют *a* и *ā* в хинди). Однако исторически оба они скорее соответствуют санскритскому *a*. Возможно, различие *ɔ* — *ɔː* у М. Р. Ранганатхи соотносится с различием *ő* — *au* у М. Тхакура, но по примерам эту гипотезу проверить сложно.

Согласные

Ниже приведены таблицы консонантизма, данные в описаниях М. Р. Ранганатхи (табл. 3) и М. Тхакура (табл. 4). Таблица 4 приведена в соответствие с текстовым описанием М. Тхакура.

Таблица 3. Система согласных куллуи по [Ranganatha 1981]

	Губ.	Альв.	Зуб.	Ретрофл.	Нёб.	Задн.	Горт.
Смычные	Гл. непр.	p		t	t̪	c	k
	Гл. прид.	ph		th	ʈh	ch	kh
	Зв. непр.	b		d	ɖ	j	g
	Зв. прид.	bh		dh	ɖh	jh	gh
Носов.	m		n	ɳ			
Фрик.		s			ʂ		h
Бок.		l		ɻ			
Дрож.		r					
Полугласные	w						

Таблица 4. Система согласных куллуи по [Thakur 1975]

Бок.	Носов.	Аффрикат	Взрывные				Губ.	Альв.	Зуб.	Ретр.	Нёб.	Задн.	Фаринг.	Ларинг.
			ГЛ.	ЗВ.	ГЛ.	ЗВ.								
пр. неп.	пр. неп.	пр. неп.	p	b	t	d			t̪	ɖ			k	?
			ph	bh	th	dh			ʈh	ɖh			kh	gh
					tʂ	dʐ					c	j		
					tʂh	dʐh					ch	jh		
			m		n				ɳ			ɳ		ɳ
			mh		nh				ɳh					
					l				ɻ					
					lh				ɻh					

							r					
Одноудар.	Дрож.	неп.					rh					
		пр.					!					
		неп.					!h					
Фрик.				s				ś		ħ	h	
Полугласные								y				

Проблемными остаются следующие моменты.

1) В отличие от Т. Г. Бейли, Дж. А. Грирсона и М.Р. Ранганатхи, М. Тхакур выделяет два ряда аффрикат. Остальные считают, что палатальные звучат как зубные при беглом произношении. Однако М. Тхакур приводит список минимальных пар, из чего следует, что аффрикаты следует различать.

cor ‘разновидность тутового дерева’	tɔr ‘вор’
cāmbadā ‘котёл’	tsāmbadā ‘шкура, кожа’
kacēdā ‘дрожжи’	katsedā ‘злодеяния’
dācī ‘серп’	dātsī ‘взял пробу’
caukhiṇā ‘прокиснуть, сгнить’	tsaukhiṇā ‘поднять’
chār ‘вынимай из воды’	tsħār ‘соль’
mauchī ‘муха’	mauħħī ‘рыба’
choṇ ‘миг, время’	tħoṇ ‘крыть крышу’
jodī ‘пара’	džodī ‘листва для овец’
juk ‘ниже, под’	džuk ‘ударь’
rūjā ‘достигли’	rūdžā ‘пуджа’
jhauq ‘узкое длинное поле’	džhauq ‘упади’
jhād ‘собирай, копи’	džhād ‘брось’

2) *d* — *r*, *dh* — *rh*. В хинди эти фонемы различаются лишь условно, в реальном произношении они могут и не различаться. М. Тхакур описывает одноударные отдельно, приводит на них примеры, но не минимальные пары, и пишет, что они не

встречаются в начале слова. Вероятно, различать их в нашей записи не придётся.

3) Кроме ларингального *h*, обычного для индоарабской системы, М. Тхакур пишет о фарингальном *ħ* – он может встречаться:

а) на месте конечного *s* в хинди: *sās* — *śāħ* ‘дыхание’, *ghās* — *ghāħ* ‘трава’, *bīs* — *bīħ* ‘двадцать’, *innpīs* — *nīħ* ‘девятнадцать’;

б) в качестве придыхания после сонантов и носовых *māħħu*, *mħīn*, *nħūs*, *kolħ*, *selħ*, *thaulħī*;

в) в словах, где он дублируется *h*: *riyħānā-riyħānā* ‘показывать’, *niyħānā-niyħānā* ‘купать, мыть’, *niyħālanā-niyħālanā* ‘ждать’.

Кроме того, М. Тхакур пишет о гортанной смычке, которая соответствует в хинди сочетанию *ha* в позиции перед сонорным: *tauħ* ‘уход, присмотр’, *bāħnā* ‘пахать, вести плуг’. Для ? М. Тхакур приводит минимальные пары с нулём звука и с придыханием последующего сонорного:

<i>sonh</i> ‘вечер, сумерки’	<i>soħn</i> ‘знак, жест’
<i>taulħ</i> ‘ткань’	<i>tauħ</i> ‘присмотр, уход’ хинди <i>taħal</i>
<i>pārh</i> ‘по ту сторону’, хинди <i>pār</i>	<i>pāħr</i> ‘расчёсывать, причёсывать(ся)’
<i>bāħnā</i> ‘движение, скорость’	<i>bāħnā</i> ‘пахать, вести плуг’
<i>jālā</i> ‘он уйдёт’, хинди <i>jāegā</i>	<i>jāħlā</i> ‘слабый’
<i>kāl</i> ‘преждевременный’, хинди <i>akāl</i>	<i>kāħl</i> ‘рожок, горн’
<i>ched</i> ‘тронь’, хинди <i>cheṛ</i>	<i>cheħd</i> ‘голос’
<i>ān</i> ‘принеси’	<i>āħn</i> ‘вид ядовитого растения’
<i>śānā</i> ‘замок’	<i>śāħnā</i> ‘снег, лёд’
<i>rīħt</i> ‘шерстяное волокно’, хинди <i>rīħt</i>	<i>rīħnī</i> ‘книга расходов и доходов у землевладельца’
<i>śilħī</i> ‘тенистое место’	<i>śiħlħī</i> ‘скалы’, хинди <i>sil</i>

Принять решение о фонемном статусе *h*, *ħ* и ? можно будет только после сбора нового материала.

Просодия

Из четырёх описаний только в работе М. Тхакура есть раздел, посвящённый просодии. В нём говорится о правилах несмылоразличительного силового ударения и о наличии смылоразличительных тонов в слове. Для тонов приводится список минимальных пар:

	ровный	высокий	падающий	низкий падающий	высокий падающий
<i>hū</i>	‘да!’	‘хорошо!’	‘не делай так!’	‘это не так!’	
<i>nī</i>	нет			‘простой’	‘милость, благодаяние’
<i>pūlā</i>	‘тюк, охапка’			‘тапочки из сена’	
<i>ghaḍin</i>	‘вонь’			‘большой ком земли’	
<i>seu</i>	‘лапша’			‘мост’	

Особенности таких северо-западных языков, как панджаби и догри, говорят в пользу описания М. Тхакура – тоны в куллуи вполне вероятны. Кроме того, перечисленные выше неясности и несоответствия в описании вокализма куллуи, а также изобилие у М. Р. Ранганатхи дублетов с заменой долгого гласного на краткий и одиночного последующего согласного на геминату (*be:ta* ~ *beṭṭa* ‘сын, мальчик’), тоже могут быть связаны с особенностями просодии. Однако подробное изучение тонов станет возможным лишь после записи нового материала в экспедиции. С этой целью мы планируем составить отдельный опросник по тоновым явлениям.

Б) Морфология и синтаксис

Существительные и прилагательные в куллуи, равно как в хинди и других индоарийских языках региона, можно разделить на тематические и атематические (см. [Зограф 1977: 53]). Категория рода — словоизменительная для прилагательных и словообразовательная для существительных, включает мужской и женский род.

Тематические существительные мужского рода в прямом падеже единственного числа оканчиваются на *ā*, женского — на *ī*. Соответственно, тематические прилагательные в прямом падеже единственного числа мужского рода оканчиваются на *ā*, в прямом падеже единственного числа женского рода — на *ī*. Атематическая группа состоит в основном из слов, которые, после отпадения кратких гласных на конце слова, стали оканчиваться на согласный (*rāt* ‘ночь’) и заимствований (*admī* ‘человек’ из перс.). Таким образом, род не выводится однозначно из внешнего вида слова. Поэтому для тезауруса существительные

надо спрашивать в сочетании с тематическим прилагательным, например, *merā* ‘мой’ или *baddā* ‘большой’.

М. Ранганатха, Т. Г. Бейли (Дж. А. Гирсон следует за ним в этом вопросе) и М. Тхакур по-разному описывают образование Pl у слов женского рода. Согласно Т. Г. Бейли, у тематических слов женского рода единственное и множественное число совпадают (*beṭī* ‘дочь’ – *beṭī* ‘дочери’), а у атематических множественное число принимает аффикс *-ī* (*beḥṇī* ‘сестра’ – *beḥṇī* ‘сёстры’). М. Тхакур даёт для атематических имён женского рода два варианта окончания – *-ī*, *-ā*. Тогда как Ранганатха даёт иную систему: тематические основы женского рода имеют во множественном числе *-īyā*: (что сходно с системой хинди), атематические не различают единственное и множественное число. Возможно, мы имеем дело с перестройкой парадигмы под влиянием хинди, возможно — с неточностью описания или с различием говоров. Чтобы прояснить этот вопрос, слова женского рода при сборе лексики для тезауруса надо записывать и в форме множественного числа.

Глаголы в куллуи необходимо давать в контекстах, позволяющих выявить модель управления. Кроме того, в хинди не все глаголы, требующие прямого дополнения, требуют также эргативной конструкции в перфекте. Например, глагол *lānā* ‘нести’: *naukar* (прямой падеж, единственное число, мужской род) *cīṭhī* (прямой падеж, единственное число, женский род) *lāyā* (причастие совершенного вида, прямой падеж, единственное число, мужской род) ‘слуга принёс письмо’. Поэтому для переходных глаголов в тезаурусе требуются ещё и примеры предложений в перфекте.

И, наконец, для всех глаголов нужна информация о каузативах первой и второй степени, так как модель их образования может быть разной. Кроме того, английские лабильные глаголы следует подавать в тезаурусе в качестве стимула таким образом, чтобы дать информанту понятие о диатезе. Поэтому необходимы примеры такого типа, в которых явно прописаны все актанты:

- (1) The wall broke ‘Стена сломалась’.
- (2) Raju broke the wall ‘Раджу сломал стену’.
- (3) Raju made the workers break the wall ‘Раджу нанял рабочих сломать столб’.

То есть, в первом случае у нас один актант, во втором – два, в третьем – три. Это решение работает лишь тогда, когда первая и вторая степень каузатива семантически различаются. Иначе мы можем их обнаружить только случайно.

Заключение

А.Е. Кибрик писал: «Как это ни парадоксально звучит, большая часть полевой работы должна быть сделана дома» [Кибрик 1972: 68]. В этой статье мы описываем технические и лингвистические проблемы, с которыми столкнулись на этапе подготовки к экспедиции, и предлагаем пути их решения. Надеемся, что пример критического анализа существующих описаний фонетики и морфологии языка может оказаться полезным как начинающему полевому лингвисту, так и исследователю, собирающему сведения о диалектах западного пахари.

Литература

1. Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков. Москва, 1977.
2. Кибрик А.Е. Методика полевого исследования (к постановке проблемы). Москва, 1972.
3. Цоллер К.П. Языки пахари // Языки мира: Новые индоарийские языки. Москва, 2011.
4. Языки гэлао: Материалы к сопоставительному словарю кадайских языков / И.В. Самарина, О.М. Мазо, Нгуен Ван Лой, Нгуен Хыу Хоань и др. / Под общей ред. И.В. Самариной. М.: Academia, 2011.
5. Thakur M. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Dehli, 1975. (Язык пахари с приложением описания куллуи)
6. Bailey T.G. The Languages of the northern Himalayas, being studied in the grammar of twenty-six Himalayan dialects. Royal Asiatic Society. London, 1908.
7. Grierson G.A. Linguistic Survey of India. Vol.I. Part I. Calcutta, 1903.
8. Grierson G.A. Kulu group. // The Linguistic Survey of India. Calcutta, 1904-1928. Volume IX, part IV.
9. Ranganatha M.R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. 1981.

10. 780 languages spoken in India; 250 died out in last 50 years // Indian Express. 16th July. Kolkata, 2013.

Электронные ресурсы:
www.peopleslinguisticsurvey.org

И.С. Левин
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

Реализация ударного этимологического *ê между мягкими согласными в говоре Устьянского района Архангельской области¹

Говор Устьянского района Архангельской области относится к вологодской группе говоров русского языка, для которой отмечена реализация рефлексов *ê как [и] под ударением между мягкими согласными. В настоящее время в Устьянском районе *ê в указанном контексте может реализовываться как [и] (диалектный вариант) и как [е] (литературный вариант). Не наблюдается носителей (даже среди самых пожилых информантов), у которых рассматриваемая переменная имела бы диалектную реализацию абсолютно во всех случаях. В данной статье рассматривается, как возраст носителей и конкретные формы связаны с выбором диалектного или литературного варианта.

Ключевые слова: *диалектология, фонетика, социофонетика, северорусские говоры, вологодские говоры, вариативность, ударный вокализм.*

The Ustja dialect belongs to the Vologda dialect group. The latter has a well documented realization of the etymological *ê as [i] between palatalized consonants, under stress. Among contemporary speakers, *ê in this context may be realized either as [i] (the dialectal variant) or as [e] (standard Russian). No speaker who only uses the dialectal variant has been recorded. The paper focuses on how particular wordforms and the speaker's age correlate with the variation between the dialectal vs. standard realization.

Keywords: dialectology, phonetics, sociophonetics, northern Russian dialects, Vologda dialect, variability, stressed vowels.

Введение

В древнерусском языке существовала гласная фонема переднего ряда <ê> (ѣ), реализовавшаяся обычно как закрытый

¹ Данное научное исследование (номер гранта: 14-05-0034) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

[ê] или как дифтонг [îê] [Борковский, Кузнецов 2006: 135]. В современном русском литературном языке (СРЛЯ) рефлексы ять (<ê>) во многих позициях, в том числе под ударением между мягкими согласными, совпали с рефлексами <e>.

Говор Устьянского района Архангельской области относится к вологодской группе говоров, для которой отмечена реализация рефлексов *ê как [и] под ударением между мягкими согласными, в то время как перед твёрдыми согласными на месте *ê реализуется [е] [Пожарицкая 2005: 218]. Таким образом, в рассматриваемом говоре в определённом контексте совпали рефлексы *ê и *и. Так фонетически различные в СРЛЯ словоформы *peli* (*nêli) и *pili* в говоре представлены как [п'йл'и]. При этом считается, что в диалектах, в которых *ê перешло в [и], фонема <ê> раньше реализовывалась как [îê] [Галинская 2009: 142]. Следует отметить, что в говорах Ладого-Тихвинской группы рефлексы *ê и *и совпали во всех позициях, а не только между мягкими согласными.

В данной статье описывается реализация гласного под ударением на месте этимологического *ê в позиции между мягкими согласными в говоре деревни Михалевская Устьянского района Архангельской области, которая возможна в двух вариантах: [и] и [е]. Также есть случаи, когда реализация переменной ощущается немного выше литературного [е] или немного ниже литературного [и]. Такие случаи трактовались при написании этой статьи как [е] и [и] соответственно.

В настоящее время в Устьянском районе не наблюдается носителей (даже среди самых пожилых информантов), у которых рассматриваемая переменная имела бы диалектную реализацию [и] абсолютно во всех случаях. В то же время есть информанты, у которых переменная во всех случаях имеет литературную реализацию (нап1974)².

Материал статьи основан на данных Корпуса северо-русской диалектной речи (<http://www.slavist.de/Pushkino>), содержащего записи, сделанные во время двух экспедиций в 2013 и 2014 годах в деревню Михалёвская Устьянского района Архангельской области.

² В этой статье при ссылке на конкретных информантов используются уникальные коды вида авм1922, в которых числовая часть указывает на год рождения информанта.

Методологические замечания

Для получения необходимых высказываний в поиске корпуса запрашивались все имеющиеся в корпусе словоформы с *ê в рассматриваемой позиции. Так как корпус аннотирован в стандартной русской орфографии [von Waldenfels et al. 2014: 720], не требовалось задавать отдельные запросы для диалектных и литературных реализаций. Всего было рассмотрено 1019 вхождений.

В обрабатываемом материале также рассматриваются словоформы *хлебцем*, *хлебца*, *крепче* и *хлевчик*, так как *ê в них ведёт себя так же, как в основной рассматриваемой позиции (имеет диалектную реализацию [и]). Интересно отметить, что во всех этих словах твёрдый согласный между *ê и последующим мягким согласным является губным.

[и] на месте *ê у информантов старшего поколения

В этом разделе подробно рассматривается система четырёх пожилых информантов (женщин): авм1922, анс1925, пфп1928, егп1928. В Таблице 1 приведены слова, в формах которых есть этимологическое *ê в позиции между мягкими согласными³, имеющие не менее 15 вхождений в корпусе. Для каждого слова показана доля произношений с [и]. В скобках указано количество вхождений.

Таблица 1.

Лемма ⁴	авм1922	анс1925	егп1928	пфп1928	Общая доля перехода
вместе	100% (8)	88% (8)	100% (2)	100% (3)	95%
ездить	94% (32)	100% (14)	33% (33)	100% (10)	90%
есть	80% (5)		100% (1)	100% (5)	91%
ехать	92% (12)	57% (7)	100% (2)	73% (11)	78%
копейка	0% (3)				0%
медведь, медведи- ца	100% (4)	100% (6)	40% (5)		80%
место	100% (3)		0% (4)	100% (3)	60%

³ Полный список рассматриваемых словоформ приведён в приложении.

⁴ Данные по приставочным глаголам считаются вместе с данными по соответствующим неприставочным глаголам.

месяц	100% (3)		0% (1)	100% (2)	83%
неделя, неделька	100% (8)		33% (3)		82%
отдельно	0% (1)	0% (5)		0% (5)	0%
песня	100% (2)		33% (6)	100% (1)	56%
речка	60% (5)		67% (3)	80% (5)	69%
сеять	100% (1)			94% (16)	94%
Общий итог	78% (140)	80% (74)	44% (54)	84% (97)	75%

Из таблицы видно, что у 3 из 4 информантов в большей части случаев (78-84%) переменная реализуется как [и]. Однако нет информантов, у которых переменная реализовывалась как [и] во всех случаях. У егп1928 доля перехода значительно ниже: отмечено около половины [и]-реализаций. Наибольшая сохранность рассматриваемой диалектной черты наблюдается у пфп1928.

Среди старших информантов почти во всех случаях *ê имеет диалектную реализацию в словоформах *месте*, *вместе* и формах слов *есть*, *месяц* и *сеять*. Это можно объяснить тем, что в этих словах, кроме *месте*, во всех или почти во всех формах *ê находится в позиции, предполагающей переход. Следовательно, можно говорить, что переход стремится к лексикализации в этих словах и формах.

Следующие слова устойчиво не имеют перехода (указаны и слова, отсутствующие в Таблице 1 из-за небольшого количества вхождений в корпусе): встреча (у авм1922), копейка (у авм1922), неделя (у анс1925), место (у егп1928), отдельно (у анс1925 и егп1928).

Рассмотрим отдельно случаи перехода *ê в [и] у глаголов с тематическим гласным, восходящим к *ê. В Таблице 2 приводится доля диалектных реализаций у четырех глаголов с тематическим *ê, имеющих не менее 15 вхождений в корпусе, распределённая по информантам. В скобках указано количество вхождений. Из таблицы видно, что наименьшая сохранность перехода наблюдается в тематическом *ê в лексеме *болеть*. В последнем столбце указана доля диалектных реализаций у всех встретившихся глаголов, включая четыре наиболее частотных.

Таблица 2

Информант	болеть	жалеть	смотреть	уметь	Все глаголы с тематическим *ê
авм1922	20% (5)	100% (3)	86% (7)		68% (25)
анс1925		100% (3)		100% (1)	75% (8)
егп1928	0% (1)		0% (2)		43% (7)
пфп1928			88% (8)	100% (1)	93% (15)
Все информанты	25% (16)	48% (21)	56% (36)	28% (18)	44% (147)

Для сравнения в таблице 3 представлена доля реализаций корневого *ê в глаголах *петь*, *греть*, *сметь*. Хотя данных в таблице довольно мало, видно, что корневой *ê ведёт себя примерно схоже с тематическим *ê.

Таблица 3

Информант	Количество вхождений	Доля диалектных реализаций
авм1922	2	100%
анс1925	12	75%
егп1928	7	29%

Таким образом, видно, что уже у информантов старшей возрастной группы диалектная система подвергается частичному разрушению под влиянием литературного языка. В различных лексемах переход к литературному варианту происходит с разной интенсивностью.

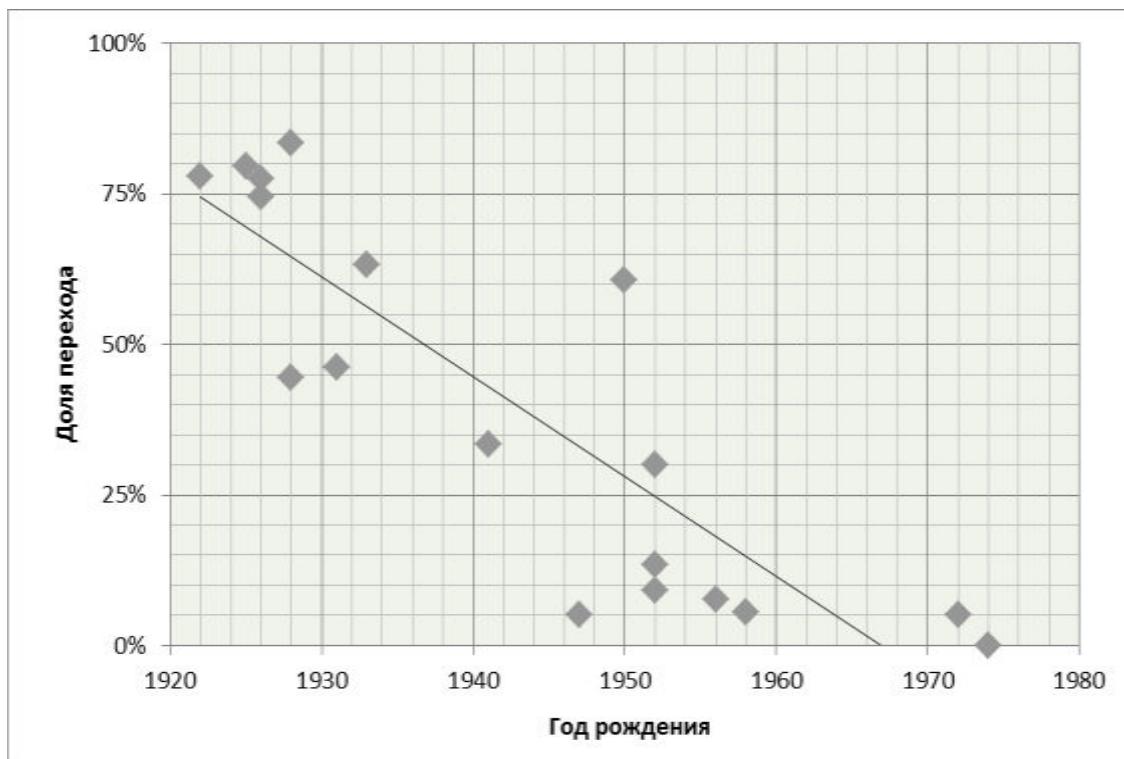
Переход *ê в [и] в речи разных поколений

Основная закономерность, выявленная при изучении переменной, – уменьшение доли [и]-реализаций с уменьшением возраста. В Таблице 4 представлены данные о доле перехода у информантов, у которых обработано не менее 15 вхождений. В подсчёте учитывались вхождения как с корневым, так и с тематическим *ê. Среди информантов старшего возраста (1920-1930-е годы рождения) относительно низкой долей перехода отличаются егп1928 и кип1931. Среди более молодых информантов еве1950 отличается относительно высокой долей перехода.

Таблица 4

Информант	Всего вхождений	Доля перехода
авм1922	140	78%
анс1925	74	80%
епл1926	126	75%
мит1926	31	77%
егп1928	54	44%
пфп1928	97	84%
кип1931	39	46%
мдн1933	19	63%
лсо1941	15	33%
лгп1947	60	5%
еве1950	28	61%
нвт1952	83	30%
няе1952	15	13%
офф1952	33	9%
ипм1956	26	8%
ндо1958	18	6%
ннп1972	20	5%
нап1974	24	0%

ГРАФИК1

На Графике 1 каждому из этих информантов соответствует точка. Прямая диагональная линия (линейная регрессия) построена так, чтобы отражать рассеянные точки лучшим образом. Под лучшим образом понимается наименьшее возможное отклонение прямой от всех точек. Линейная регрессия предсказывает ожидаемые значения доли диалектных реализаций относительно возраста носителей [Gries 2009: 141].

Таким образом, ожидаемая средняя доля перехода для самых старших носителей оказывается около 75%. Нулевая доля перехода ожидается примерно после 1967 года рождения. Можно также предположить, что в районе 1900–1910 годов рождения были информанты, во всех случаях использующие диалектный вариант рассматриваемой переменной.

Переход *ê в [и] в тематическом гласном в речи разных поколений

Рассмотрим отдельно переход *ê в [и] в тематическом гласном глагола по разным формам: нет ли корреляции между сохранностью перехода и глагольной формой? В Таблице 5 представлена доля диалектных реализаций тематического *ê. В скобках указано количество вхождений. В таблице отражены данные по информантам с семью и более вхождений с тематическим *ê. Данные отсортированы по грамматическим контекстам (формам).

Таблица 5

Инфор-мант	Настоящее время	Импера-тив	Инфини-тив	Прошедшее время, множес-твенное число	Всего
авм1922	38% (8)	100% (1)	86% (7)	78% (9)	68% (25)
анс1925	50% (2)	100% (3)		67% (3)	75% (8)
епл1926	25% (4)		0% (1)	64% (14)	53% (19)
пфп1928	100% (2)		100% (4)	89% (9)	93% (15)
егп1928	33% (3)		0% (1)	67% (3)	43% (7)
лгп1947	0% (2)		0% (3)	0% (4)	0% (9)
офш1952	11% (11)		0% (2)	0% (3)	7% (16)
ннп1972	25% (4)		0% (2)	0% (2)	13% (8)
нап1974	0% (6)			0% (1)	0% (7)
Общий итог	28% (53)	80% (5)	41% (32)	58% (57)	44% (147)

Императивных форм слишком мало, чтобы делать о них выводы. Три другие формы ведут себя по-разному. Наименьшая доля перехода наблюдается в настоящем времени, причём она невелика и у старших информантов (например, *бол[é]ет* у авм1922, епл1926 и егп1928). Наибольшая доля перехода наблюдается в прошедшем времени (например, *лет[ý]ли* у епл1926). Однако такие данные получаются за счёт информантов 1922–1928 годов рождения. У более молодых информантов зафиксирован переход в настоящем времени (например, *забол[é]ли, посид[é]ть, но жал[é]ю и жал[ý]ю* у офш1952). Хотя диалектные формы встречаются у них достаточно стабильно, их доля ниже, чем у пожилых информантов. Другие формы в младшей возрастной группе представлены недостаточно широко, чтобы можно было делать достоверные выводы.

Частотность перехода *ê в [и] и пол говорящего

Для сравнения доли реализации переменной в зависимости от пола информанта была выбрана возрастная группа 1950–1958 г.р., так как только в этой группе количество данных от информантов мужского пола сопоставимо с количеством данных от информантов женского пола.

В этой рассматриваемой группе представлены следующие информанты (в скобках указана доля диалектных реализаций и количество вхождений):

- Женский пол: еве1950 (61%, 28), офш1952 (9%, 33), аит1954 (45%, 11), ндо1958 (6%, 18);
- Мужской пол: нвт1952 (30%, 83), няе1952 (13%, 15), иpm1956 (8%, 26).

Средняя доля перехода у информантов женского пола (среднее арифметического от доли перехода у каждого из информантов) – 30%. Средняя доля перехода у информантов мужского пола – 17%. На первый взгляд видно заметное различие в сохранности диалекта у информантов женского и мужского пола. Однако эти данные, по-видимому, не репрезентативны, т.к. выборка слишком мала. К тому же особенно ярко на примере информантов женского пола видно, что доля диалектных реализаций сильно колеблется от информанта к информанту (от 6% до 61%) и обусловлена, видимо, другими факторами.

Можно отметить, что у информантов мужского пола разброс в сохранности диалекта значительно меньше, чем у информантов

женского пола, что может свидетельствовать о меньшей подверженности информантов мужского пола дополнительным факторам. Однако данных недостаточно, чтобы делать точные выводы.

Выводы

В настоящее время в говоре деревни Михалевская Устьянского района Архангельской области реализация *é как [и] под ударением между мягкими согласными имеет тенденцию к замещению литературным вариантом. Для пожилых носителей характерна лучшая сохранность диалектного варианта, но и среди них нет носителей, всегда использующих диалектные формы. Так, для носителя с наибольшей сохранностью диалекта отмечено 84% диалектных реализаций.

Некоторые лексемы имеют тенденцию к более устойчивому сохранению диалектного варианта (явление лексикализации). Формы инфинитива и прошедшего времени глаголов с тематическим *é имеют диалектные реализации только у наиболее пожилых носителей. Формы настоящего времени, напротив, сохраняют определённую долю диалектных реализаций у носителей, не перешедших полностью на литературный вариант.

Литература

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С., Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
2. Галинская Е.А. Историческая фонетика русского языка. М., 2009.
3. Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М., 2005.
4. Даниэль М.А., Добрушина Н.Р., Вальденфельс Р. фон. Корпус северо-русской диалектной речи. Берн, Москва, 2013-2014. Электронный ресурс: <http://www.slavist.de/Pushkino>
5. Gries S.T. Statistics for Linguistics with R: A Practical Introduction. Berlin, 2009.
6. Waldenfels R. von, Daniel M., Dobrushina N.. Why standard orthography? Building the Ustya River Basin Corpus, an online corpus of a Russian dialect // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» Т. 1. М., 2014.

Приложение. Список рассматриваемых словоформ

болеет	жалейте	месяца	посеян	смотреть
болезнь	жалели	месяце	посеять	соседи
болею	жалаю	месяцев	посидели	соседями
веке	жалеют	наедет	посидеть	съедена
верила	заболей	налетели	посмотрели	съедены
верит	заболели	невесте	посмотреть	съездил
верить	загорели	неделе	поспеет	съездила
веришь	заедешь	недели	поспеть	съездили
вместе	захотели	недельку	приедем	съездим
всеми	звери	неделю	приедет	създит
встретил	зверь	неделя	приедете	създите
встретила	имеешь	неделями	приедешь	създить
встретили	иметь	одеть	приедут	създишь
встрече	имею	отдельно	прилетели	съели
встречу	копеек	отдельную	проедет	теми
глядеть	копеечке	отдельные	проедешь	уедет
греет	копеечки	переедешь	ревели	уедете
деле	копеечку	песен	речка	улетели
дельно	копейка	песенку	речке	умеем
дельные	копейками	песней	речки	умеет
доедешь	копейки	песни	речку	умеете
доездил	крепкие	песню	самодельные	умеешь
едем	крепче	песня	свете	умели
едет	лесе	песня	сеет	умею
едете	лестница	песнями	сели	умеют
едешь	лестнице	плечи	сельсовете	хлебец
едьте	лестницей	поедем	семя	хлебцем
ездил	лестницы	поедет	сене	хлевчик
ездила	летели	поедете	сесть	хотели
ездили	лечится	поедешь	сеют	человечка
ездим	медведей	поездил	сяял	
ездит	медведи	поели	сяяли	
ездите	медведица	поесть	сяялка	
ездить	медведицу	пожалею	сяялками	
ездишь	медведь	полетели	сяялки	
ездят	медведя	понедельник	сяялку	
ели	медведями	попейте	сидели	
есть	месте	посеешь	сидеть	
жалеешь	месяц	посеют	смотрели	

Ю.В. Мазурова
ИЯз РАН, Москва

Система превербов осетинского языка¹

В осетинском языке имеется система продуктивных превербов, выражающих ориентационные, дейктические и аспектуальные значения. В других иранских языках это явление не встречается. Мы поддерживаем точку зрения некоторых исследователей [Исаев 1987; Thordarson 2009], что эта система сложилась в результате картвельского влияния. В осетинском языке представлен интересный пример аспектуальной системы славянского типа (см. [Плунгян 2012: 25]), которая развилаась на основе сильно отличающихся от славянских языков пространственных значений. В статье подробно сравниваются пространственные и аспектуальные значения двух превербов (*ær-* и *ны-*), обозначающих движение вниз.

Ключевые слова: осетинский язык, превербы, аспектуальная система, семантика.

In Ossetic, there is a productive system of preverbs denoting motional, deictic and aspectual meanings. This phenomenon cannot be found in any other Iranian language. I agree with [Isaev 1987; Thordarson 2009] that this system is a result of Kartvelian influence. Thus, Ossetic possesses an aspectual system that is similar to the Slavic type (see [Plungyan 2012: 25]) but based on a completely different set of spatial concepts. This paper compares the semantics of two preverbs (*ær-* and *nə-*) that denote downward motion.

Keywords: Ossetic, preverbs, aspectual system, semantics.

1. Введение

Осетинский язык принадлежит к северовосточной, скифо-сарматской, ветви иранских языков. В начале нашей эры одно из скифо-сарматских племен, аланы, продвинулось на Северный Кавказ и обосновалось там. В результате длительного контакта с местными кавказскими племенами в языке осетин возникли черты, не характерные для других иранских языков [Абаев 1949;

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 13-04-00342 и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

Исаев 1987; Thordarson 2009; Левитская 2004]. Одно из таких явлений — продуктивная система превербов, выражающих ориентационные, дейктические и аспектуальные значения.

2. Происхождение превербов в осетинском

В иронском диалекте восемь продуктивных превербов, см. табл. 1 (в дигорском отсутствует преверб *a-*). Наше исследование проводилось на иронском материале. Все превербы являются многозначными, выражают как пространственные, так и аспектуальные значения. В семантике превербов (кроме *c-*) имеется также указание на положение наблюдателя по отношению к движущемуся объекту.

Таблица 1. Продуктивные превербы в осетинском
(иронский диалект)

	К говорящему	От говорящего
Внутрь	<i>ærba-</i>	<i>ba-</i>
Изнутри	<i>ra-</i>	<i>a-</i>
Вверх		<i>c-</i>
Вниз	<i>æp-</i>	<i>ny-</i>
Прочь	—	<i>φæ-</i>

Для иранских языков в целом несвойственны продуктивные превербы. В основном то, что можно наблюдать в современных иранских языках — это в большей или меньшей степени сохранившиеся следы древнеиранской системы превербов. Это, как правило, лексикализованные формы — в одних языках они совсем не вычленяются с синхронной точки зрения, в других они имеются, но соединяются с ограниченным числом глаголов и имеют сильную степень идиоматизации, см. подробнее [Исаев 1987]. В осетинском же языке префиксация является основным способом перфективации, и в случае необходимости к любому глаголу можно присоединить преверб. Выбор же преверба в каждом конкретном случае определяется сочетанием грамматических и семантических факторов.

Несмотря на длительные и глубокие контакты с языками другой структуры, в осетинском языке довольно мало чужеродных элементов: характерной чертой осетинского языка является развитие заимствованных значений на основе собственных (иранских) элементов. Это структурное заимствование (“PAT-borrowing”) в терминологии [Matras, Sakel

2007]. Такой род заимствований затрудняет определение источника влияния: требуется сравнение не на уровне отдельных элементов, а сравнение системы в целом на структурном и семантическом уровне. Мы поддерживаем точку зрения некоторых исследователей [Исаев 1987; Thordarson 2009], что осетинская система превербов, вероятнее всего, является результатом влияния картвельских языков. Однако тщательное сравнение систем превербов осетинского языка и наиболее тесно связанного с ним языка картвельской группы – грузинского [Tomelleri 2009, Ростовцев-Попель 2012] показывает, что несмотря на внешнее структурное сходство, превербы осетинского языка развили целый ряд новых свойств.

3. Грамматические свойства превербов

Превербы в осетинском языке выполняют важную грамматическую функцию: в прошедшем и будущем времени они являются перфективизаторами, другими словами все глаголы с превербами в прошедшем и будущем времени относятся к совершенному виду. В настоящем времени превербные глаголы имеют хабитуальное значение. Исключением являются приставочные дериваты от глаголов движения, которые могут в настоящем времени иметь актуально-длительную интерпретацию [Стойнова 2006].

Еще одной важной функцией осетинских превербов является выражение способов действия. Превербы помимо пространственных значений могут добавлять к значению глагола способ действия, т.е. каким образом осуществляется действие (быстро, постепенно, неожиданно, тщательно, полностью, частично), а также дополнительные аспектуальные значения — инхоативное, результивное, дуративное, делимитативное и др.

4. Семантика превербов

4.1. Теоретические предпосылки и термины

Мы исходим из того, что выбор преверба, который образует совершенный вид глагола, не случаен: между семантикой преверба и семантикой глагола должна существовать некоторая связь, хотя, безусловно, бывают случаи, когда эта связь потеряна в результате развития значения приставочного глагола и на синхронном уровне не восстанавливается. Глагольные лексемы

разбиваются на относительно небольшое число классов, каждый из которых имеет общий семантический компонент с одной из приставок и в соответствии с этим компонентом выбирает приставку для образования предельных перфективных коррелятов с минимальным лексическим отличием [Плунгян 2012: 22-23]. В свою очередь все глаголы с одной и той же приставкой могут быть разделены на отдельные семантические ряды, где приставка придает исходному глаголу одно и то же значение. Семантический ряд составляет подзначание преверба, которое может объединяться с другими подзначаниями в подзначание более высокого уровня. [Кронгауз 1998: 101-102] Цель описания семантики — составить из всех подзначений семантическую сеть, как цепь перехода от одного подзначения к другому с помощью трансформаций некоторых элементов исходной картины.

При описании пространственной ситуации мы будем пользоваться терминами когнитивной грамматики [Langacker 1987]: ориентир (landmark (LM), или локализатор в терминах [ТФГ 1996, 8]), относительно которого локализуется траектор (trajectory (TR), или локализуемый объект в терминах [ТФГ 1996, 8], [Плунгян, Рахилина 2000]). Для иллюстрации мы будем использовать пространственные конфигурации (образные схемы) из работы [Янда 1997]. Важным понятием для описания семантики осетинских превербов является дейктический центр или наблюдатель [Апресян 1986].

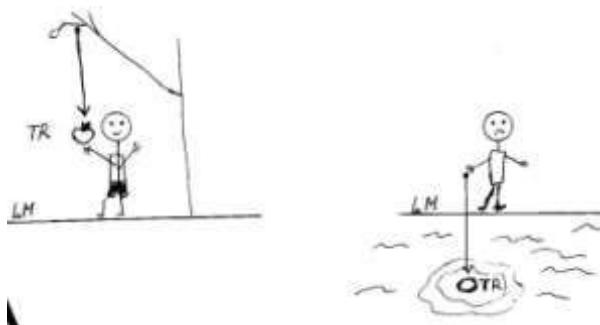
4.2. Превербы движения вниз

Рассмотрим пару превербов со значением движения вниз и противоположным дейктическим значением:

ны- ‘движение вниз от говорящего’

аер- ‘движение вниз к говорящему’

На рис. 1 в виде образной схемы изображены прототипические пространственные значения этих превербов. Пространственная конфигурация состоит из ориентира (в случае движения вниз это уровень земли), локализуемого объекта и дейктического центра (говорящего или наблюдателя, по отношению к которому разворачивается действие).

Рисунок 1. Прототипическое значение *аер-* Прототипическое значение *ны-*

Прототипическое значение представлено у обоих превербов в сочетании с глаголами движения и каузации движения. Если сравнить значения одного и того же глагола с разными превербами, то отличаются они, очевидно, положением наблюдателя: *нырвитын* ‘послать вниз’ — *аерәрвитын* ‘прислать (сверху)’, *ныббырын* ‘спуститься (в подвал, погреб)’ — *аербырын* ‘сползти, приползти (сверху вниз)’, *ныггәпп кәнүн* ‘спрыгнуть (вниз)’ — *аергәпп кәнүн* ‘спрыгнуть, соскочить’, *ныддаёттын* ‘подать (вниз)’ — *аердәёттын* ‘подать (сверху вниз)’.

Аналогичное значение можно встретить и при глаголах обозначающих метафорическое движение взгляда или направление звука голоса, как в *аerkәссын* ‘посмотреть, взглянуть (сверху)’ — *ныккәссын* ‘взглянуть, посмотреть (вниз)’, *аерәвидисын* ‘выставить напоказ, показать (сверху вниз)’ — *нывидисын* ‘показать, указать вниз’.

К этому же ряду примыкают многочисленные глаголы позиции, ориентированной вниз, которые также встречаются с обоими превербами: *аерзәбул кәнүн* ‘свесить’ — *ныззәбул уын* ‘повиснуть’, *аергубыр уын* ‘наклониться, сгорбиться’ — *ныггубыр уын* ‘нагнуться, согнуться, сгорбиться’, *аертасын* ‘согнуться, покориться’ — *ныттасын* ‘согнуться, сгорбиться’, *аерцауындзын* ‘подвесить’, *аертындзын* ‘навесить’, *аерзылын* *кәнүн* ‘согнуть, скривить; накренить’, *аеркъадз кәнүн* ‘согнуть, пригнуть’, *аеркув-аеркув* *кәнүн* ‘клевать носом, дремать; кивать головой’, *аеривәзын* ‘потянуться, свиснуть, спуститься’ — *ныйивәзын* ‘сильно растянуться, вытянуться’.

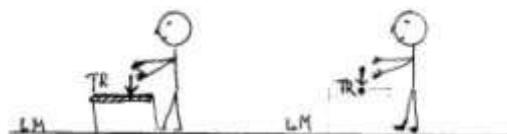
Частным случаем являются глаголы позиции, где в качестве траектора выступает сам субъект, помещающийся на поверхности: *аерәңцайын* ‘опереться, усесться’, *ныддаелгом уын* ‘лечь ничком’, *аербадын* ‘присесть’ — *ныббадын* ‘сесть, засесть; сидеть в ожидании’, *аерхуыссын* ‘прилечь’ — *ныххуыссын*

‘заснуть; лечь спать’, *аерсәйын* ‘слечь в постель, заболеть’ — *ныссәйын* ‘лечь; заболеть, захворать’.

Близкий по значению ряд составляют глаголы, которые обозначают естественное движение вниз веществ и предметов под влиянием силы тяжести, например, жидкостей: *аерлаәдәрсын* ‘стечь медленно, капля за каплей’, *аерлаәмарын* ‘выжать, выдавить’, *аертәәдзын* ‘капнуть’, *аерхъарын* ‘просочиться; потечь’, *аеруарын* ‘выпасть (об осадках)’; *ныттадзын* ‘капнуть, накапать (напр. лекарство)’, *ныффәрсүдзын* ‘процедить (напр. молоко)’.

Значение ‘вниз’ может сохраняться, а значение ‘к наблюдателю’ уходить на периферию или совсем исчезать в случаях, когда речь идёт о манипуляциях предметами. В этом случае всё движение проходит в ближайшей окрестности агента и дейктическое значение, а с ним и различие между превербами, исчезает.

Рисунок 2. *аер-* / *ны-* с глаголами манипуляции

Обширный ряд глаголов манипуляции и воздействия на поверхность не подразумевает движения к наблюдателю, и, кроме того, фокус внимания с движения вниз переходит на конечную точку движения, а именно, на поверхность на которую воздействуют или помещают что-то: *аераән қәнүн* ‘привести между, границу’, *аерарт қәнүн* ‘разжечь костёр’, *аерарф қәнүн* ‘углубить’, *аерәвдисын* ‘выставить напоказ’. Поскольку ситуация воздействия на поверхность легко можно помыслить как направленную вниз, многие глаголы этой группы принимают оба преверба. Полученные таким образом превербные глаголы не являются полными синонимами, они могут обозначать одно и то же действие, но с разными оттенками значения: *аернәэмүн* ‘затоптать, примять, утрамбовать’ — *ныннәэмүн* ‘вытоптать, утрамбовать; избить’, *аерәлхъивын* ‘прижать, прищемить’ — *нылхъивын* ‘стиснуть, сдавить’, *аерәвәрын* ‘положить, возложить’ — *нывәрын* ‘положить, сложить, вложить’, *аерфыссын* ‘приписать’ — *ныффыссын* ‘написать, записать’.

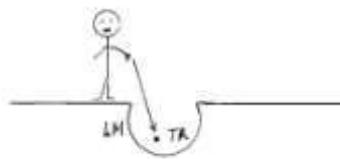
Кроме положения наблюдателя, различия в превербных глаголах движения и каузации движения с превербами *аер-* и *ны-*

могут заключаться в дополнительной пространственной конфигурации, а также в способе действия и оценочной характеристике действия, которую придает преверб.

4.3. Дополнительная пространственная конфигурация:

В ряду приставочных глаголов с *ны-* выделяется семантический ряд глаголов со значением движения и каузации движения вниз и внутрь или просто внутрь: *ныссәдзын* ‘застрять, увязнуть; вонзиться’, *ныссадзын* ‘посадить растения; вкопать’, *нытътыссын* ‘вложить; вдеть с трудом; втиснуть’, *ныууләфын* ‘вздохнуть’, *ныммара кәнүн* ‘сделать дупло’. Для превербных глаголов с *әр-* такие значения нехарактерны. В этом случае преобразование прототипического пространственного значения можно описать так: удаляясь от наблюдателя, траектор уходит из зоны видимости, помещаясь в некоторое закрытое пространство, вместилище. При этом ориентация движения вниз уходит на второй план, см. рис. 3.

Рисунок 3. Трансформация прототипического движения *ны-* (движение внутрь)

Данное отличие между *әр-* и *ны-* можно проиллюстрировать следующими примерами:

- (1) *хадизәт къәрта-т-ә* зәехх-ыл *әр-әвәрд-т-а*
Хадиза ведро-Pl-Nom земля-Super Pref-класть.Pst-Tr-3Sg
'Хадиза ведра на землю опустила' (поверхность)

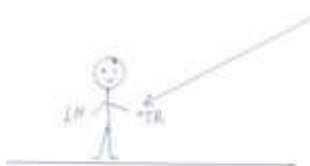
- (2) *чызг үә хәрдоджытә үә дзыпп-ы* *ны-вәрд-т-а*
девушка Poss.3Sg бусы Poss.3Sg карман-Iness Pref-класть.Pst-Tr-3Sg
'Девушка свои бусы положила в карман' (вместилище)

Интересно, что среди превербных глаголов с *әр-* выделяется два семантических ряда с противоположным ориентационным значением — приближения (в том числе метафорического) к ориентиру и удаления от ориентира. Приближение: *әрәвдүзын* ‘привинтить’, *әрәмбырд кәнүн* собрать (в одно место), *әрәфснайын* ‘свезти в одно место’, *әриу кәнүн* ‘соединить, объединить’, *әрныхасын* ‘наклеить, приклеить’, *әрәвваҳс кәнүн* ‘приблизить, сократить (напр. срок)’, *әрхәстәг кәнүн* ‘приблизить’. Удаление: *әрәвзийын* выпасть (о волосах),

аерәвзилын ‘скинуть, сбросить’, *аерәхсәдын* ‘очистить дерево от сухих веток; обтесать’, *аериrvæзын* ‘спастись, вырваться’, *аерәфтауын* ‘снести яйцо’. Иногда эти значения могут выражаться даже в одном глаголе и проявляются в разных контекстах: *аерыссонын* ‘придвинуть; столкнуть; сбросить’.

Такое сочетание противоположных значений в одном превербе объясняется тем, что составляющие его значения также отчасти противоречат друг другу: движение вниз гораздо чаще бывает направленным от наблюдателя и с когнитивной точки зрения теснее связано с удалением, нежели с приближением. Таким образом, в зависимости от семантики исходного глагола на первый план может выходить либо дейктическое, либо пространственное значение.

Рисунок 4. Трансформация прототипического значения *аер-* (приближение)

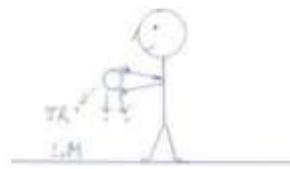
При сочетании с глаголами соединения, приближения, прикрепления и т.п. проявляется аллативное значение преверба, а значение ‘сверху’, может преобразовываться в более абстрактное значение ‘издалека’, ‘откуда-то’, см. рис. 4 (в некоторых случаях возможны обе интерпретации):

(3) <i>бæх мын</i>	<i>аер- кæн-ут</i>
лошадь 1Sg.Dat	Pref-делать-Imp
'Приведите мне коня'.	

(4) <i>Mæ хо</i>	<i>горæт-æй</i>	<i>аер-цыд-и</i>
Poss.3Sg сестра	город-Abl	Pref-идти.Pst-3Sg
'Моя сестра приехала из города' (город не обязательно находится выше дейктического центра, хотя такое понимание тоже возможно)		

При сочетании с глаголами имеющим компонент ‘удаление’, ‘удаление с поверхности’, на первый план выходит значение движения вниз: удаляемое с поверхности под действием силы тяжести естественным образом движется вниз, см. рис. 5. Этот семантический ряд похож на ряд глаголов манипуляции, но отличается тем, что само действие, обозначаемое глаголом, не направлено вниз.

Рисунок 5. Трансформация прототипического значения *аер-* (удаление)

Для глаголов с превербом *ны-* нехарактерны оба эти значения. Аллативное значение не заложено в семантике преверба (не считая семантической трансформации значения с глаголами манипуляции, см. выше). Аблативное значение, для выражения которого в иронском диалекте есть ещё три других преверба (*а-*, *ра-*, *фæ-*), при употреблении *ны-* всегда сочетается с дополнительными пространственными конфигурациями (вниз или внутрь).

4.4. Способ действия

Основное значение способа действия, которое придает преверб *ны-* — это чрезмерное, интенсивное действие, зачастую оцениваемое говорящим как негативное или грубое. При этом пространственный компонент значения отходит на второй план:

- (5) *лæппу бæлас-æй бираэгъ-ы аер-гæрах кодт-а*
 парень дерево-Abl волк-Gen Pref-выстрел делать.Pst-3Sg
 ‘Парень застрелил волка с дерева’ (пространственная
 интерпретация)

- (6) *лæппу кудз-ы ны-ггæрах кодт-а*
 парень собака-Gen Pref-выстрел делать.Pst-3Sg
 ‘Парень пристрелил собаку’ (оценочная характеристика)

- (7) *мæ хъæциул-ы цъар а-иვæз-т-он*
 Poss.1Sg одеяло-Gen покрывало Pref-тянуть.Pst-Tr-1Sg
 ‘Я растянул пододеяльник’ (чтобы вдеть в него одеяло —
 функциональное значение)

- (8) *мæ къаба ны-ийивыз-т-он*
 Poss.1Sg платье Pref-тянуть.Pst-1Sg
 ‘Я растянула платье’ (ткань вытянулась, стала негодной —
 значение чрезмерности действия)

Этот преверб, обозначая интенсивный, чрезмерный способ действия, придает следующие аспектуальные значения при сочетании с глаголами разных семантических рядов. С глаголами, обозначающими речь, звуки и другими эволютивными

и статальными глаголами — инцептивное, либо пунктивное значение: *ныхъхъыллист кодта* ‘завизжала’, *ныххудтысты* ‘засмеялась (громко, от всей души)’, *ныззәлланг кодта* ‘громко зазвенело’, *ныхъхъәрза* ‘(громко) застонал’, *ныллағъстәе кодта* ‘взмолился’, *ныууләфыди* ‘глубоко вздохнул’, *ныхъхъәр кодта* ‘громко крикнул’, *ныхъхъәр* *кодта* ‘глубоко вздохнул’ [Левитская 2007, 99]

С глаголами предельной семантики (со значением воздействия на объект, разрушения, порчи объекта) он придает результативное значение и интенсивный, чрезмерный способ действия: *ныллағарын* ‘выжать (с силой)’, *ныххурх қәнин* ‘задушить (насмерть)’, *нынныхсын* ‘застрять (глубоко)’, *нынәмымын* ‘утрамбовать (основательно)’, *ныссәттын* ‘сломать (грубо, совсем)’, *ныссәлын* ‘замерзнуть (основательно)’, *ныззывывыттыә қәнин* ‘бросить, швырнуть’, *нытътъанг уын* ‘растянуться (чрезмерно)’, *ныйирд қәнин* ‘озарить’, *ныхгәнин* ‘закрыть, закупорить’, *ныддәрән қәнин* ‘разгромить’, *ныңағъдын* ‘истребить’.

Что интересно, элемент интенсивности, тщательности есть и в семантике *әр-*, однако с другими коннотациями: в некоторых случаях глаголам, обозначающим процессы, преверб *әр-* придает значение особой тщательности, старательности действия: *әруығътой* ‘долго, тщательно выбирали’, *әркәсдзыстәм* ‘внимательно приглядимся со всех сторон’, *әрлыг кодта* ‘выдавил (вырезал) старательно’ [Багаев 1965, 287; Левитская 2007, 102], ср. также следующие примеры:

- (9) *ны-фысс* *ма* *мын* *иу* *фыстәг*
Pref-писать.Imp Part 1Sg.Dat один письмо
‘Напиши мне письмо’ (пространственная интерпретация)

- (10) *әр-фысс* *ма* *хъуыддәг-т-ә*
Pref-писать.Imp Part событие-Pl-Nom
‘Распиши все события’ (от начала до конца).

С другой стороны, глаголам предельной семантики *әр-* может придавать противоположное — аттенуативное или смягчительное значение, т.е. значение неполноты, частичности действия: *әрбадын* ‘присесть’, *әрталынг уын* ‘слегка сгуститься (о сумерках)’, глаголам, обозначающим непредельные процессы (например действиям, связанным с ненаправленным движением) — делимитативное аспектуальное значение:

аерцагурын ‘поискать’, *аерсимын* ‘протанцевать симд’, *аерсирын* ‘пуститься, проехать верхом’. Кроме того, эволютивным или статальным глаголам (значения пространственной локализации, ментального состояния и др.) *аер-* может придавать инцептивное значение: *аерцэрын* ‘поселиться, водвориться’, *аерцагъта* ‘заиграл’, *аерфæндыд* ‘захотел’ [Левитская 2007, 93]

Как и в случае с пространственными расширениями значения, мы наблюдаем сочетание противоположных значений в одном превербе. В виде гипотезы, требующей дополнительной проверки, можно объяснить их наличие метафорическими расширениями разных компонентов значения преверба: можно предположить, что значение интенсивности является метафорическим расширением пространственного значения ‘движение вниз’, а дейктическое значение развивается в оценочную характеристику и способ действия.

В обеих приставках со значением ‘вниз’ есть элемент интенсивности (тщательности, основательности). Такой же элемент значения имеется у преверба *ба-* (‘внутрь от наблюдателя’), который придает значение полноты, основательности действия, однако без явных отрицательных коннотаций, как *ны-*. Оба преверба, *ны-* и *ба-* подразумевают удаление и помещение в некую конечную точку (внутри или внизу), поэтому здесь акцент ставится на результате, полном завершении действия. Понятие завершенности тесным образом связано с полнотой действия, а следовательно, и с тщательностью, интенсивностью. Возможно, у *аер-* значение тщательности выполнения действия развилось под влиянием смежного с *ны-* значения ‘вниз’.

То, что направление к говорящему может быть метафорически оцениваться положительно (как в превербе *аер-* в значении ‘тщательно’), а направления вниз и от говорящего — отрицательно (как в превербе *ны-* в значении ‘чрезмерно’), отмечается во многих работах функционально-когнитивной направленности. Так что развитие именно оценочной характеристики у этих первербов вполне естественно.

Что касается аспектуальных значений превербов, то можно сделать вывод, что приближение к говорящему связано в осетинском языке с началом действия (наблюдатель может воспринимать возникновение какого-либо процесса, состояния и его протекание), удаление — с результатом действия, его

завершением (действие уходит из сферы наблюдения и мыслиться завершенным). Таким образом, аллативное значение *аер-* метафорически понимается как начальная часть процесса, его незавершенность, неполнота или начало состояния, а ablativное значение *ны-* превращается в результативное значение. Такая трактовка подтверждается и грамматическими свойствами превербов [Левитская 2007: 105]

5. Выводы

Поскольку осетинские превербы не потеряли тесной связи с пространственным значением, данные осетинского языка важны для грамматики пространства: они дают интересный типологический материал о возможных путях расширения дейктических и ориентационных значений на сферу аспектуальности.

Данные осетинского языка интересны с точки зрения ареальной лингвистики как результат развития заимствованных (кавказских) концептов на основе унаследованных (иранских) элементов.

Кроме того, материал осетинского языка важен с точки зрения изучения когнитивных процессов: он показывает, каким образом аналогичные аспектуальные понятия могут развиваться на основе разных пространственных концептов.

Литература

1. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
2. Апресян Ю.Д., Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5-33.
3. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. I. Орджоникидзе, 1965.
4. Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966.
5. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. Языки русской культуры, 1998.
6. Левитская А.А. Аспектуальность в осетинском языке: Генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое шодство // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 29–41.
7. Левитская А.А. О видовой несоотносительности в современном осетинском языке (влияние универсальных и

- идиоэтнических факторов) // Вопросы языкоznания. 2007. № 5. С. 89–107.
8. Плунгян В.А. Предисловие // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, том VIII, часть 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий / Отв. ред.: В. А. Плунгян; под общ. ред.: Е.В. Головко, М.А. Даниэль, К.П.Семенова. СПб., 2012.
9. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. По поводу “локалистской” концепции значения: предлог *под* // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. М., 2000.
10. Ростовцев-Попель А. Становление категории аспекта в грузинском языке // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий / Отв. ред. В. А. Плунгян: СПб., 2012.
11. Стойнова Н.М. Аспектуальная система осетинского языка и семантический класс глаголов движения // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб., 2006.
12. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Ред. А.В. Бондарко. СПб., 1996.
13. Янда Л. Русские глагольные приставки. Семантика и грамматика // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
14. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol.1: Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.
15. Matras Y., Sakel J. (2007) (eds.) Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective. Berlin: Mouton de Gruyter.
16. Thordarson F. Ossetic Studies, Vienna, 2009.
17. Tomelleri V. The Category of Aspect in Georgian, Ossetic and Russian. Some Areal and Typological Observations // Faits de langues, 1, 2009.

Е.А. Макуни
МГЛУ, Москва

Фикциональный комментарий как средство коммуникации автора и читателя

Статья посвящена проблеме фикционального комментария в современной художественной литературе. Такого рода комментарии рассматриваются как средство коммуникации между автором и читателем, превращая читателя в непосредственного участника происходящего в произведении. Анализируются виды таких комментариев и их влияние.

Ключевые слова: *фикциональность, фикциональный комментарий, фикциональное примечание.*

The article deals with the problem of fictional notes in modern fiction. We consider such notes as a medium of communication between the author and the reader, and this literary device helps readers to become direct participants of the action in the plot. Also, the article analyzes types of fictional notes and their influence on the reader.

Keywords: *fictionality, fictional note, fictional footnote.*

Сегодня многие ученые-лингвисты рассматривают текст как акт коммуникации между автором и читателем, а иногда между автором, переводчиком и читателем. По замечанию Н.С. Валгиной, таким образом возникает «взаимосвязанная триада»: автор-текст-читатель, где текст оказывается «результатом деятельности (автора) и материалом для деятельности (читателя-интерпретатора)» [Валгина 1998: 4]. При этом, по словам В.А. Пищальниковой, читатель выступает «активным субъектом коммуникации» [Пищальникова и др. 1993: 6].

Несмотря на то, что читатель и так уже активно участвует в процессе текстопорождения, авторы часто сознательно расширяют коммуникационный канал таким образом, чтобы читатель ощущал непосредственное присутствие автора. Часто мы можем это встретить в учебной литературе, когда автор адресует что-то непосредственно читателю: «Дорогие ребята!» или «Обратите внимание!».

Подобного рода общение часто встречается и в научной литературе, ср. такие конструкции, как «*Мы хотели бы обсудить*», «*Как вы могли заметить*». Читатель вовлекается непосредственно в процесс порождения информации, переходит с автором от одного значимого пункта к другому. Но совсем по-другому дело обстоит с художественной литературой. Конечно, автор и там может обращаться напрямую к читателю, но обычно автор старается облачить такие обращения в какую-то конкретную художественную форму, применив определенный литературный прием.

Мы бы хотели рассмотреть такой авторский прием, как слияние комментария (или примечания) с художественным текстом. Если раньше комментарий являлся «частью аппарата издания, в которой дается широкое толкование текста произведения в целом со стороны историко-литературной, историко-текстологической, издательской либо отдельных его фрагментов, когда необходимо помочь читателю понять текст во всем объеме и со всей глубиной, скрытой от обычного взгляда и требующей дополнительных знаний эпохи, исторических и литературных событий, литературы того времени» [Мильчин 2006], то теперь он может выступать непосредственной частью художественного текста; если раньше комментарий являлся только источником фактической информации в сознании читателя, то теперь он отступает от фактической информации, что привносит некое смешение фикционального и фактуального повествования.

В результате возникают так называемые фикциональное примечание или фикциональный комментарий, т.е. такие примечание или комментарий, которые созданы автором, но могут быть им же приписаны кому-либо из героев, в результате чего «статьи комментария, по определению непосредственно связанные с основным текстом и только посредством его – т.е. не сюжетно – связанные и между собой, теперь, изменившись, становятся способны формировать сюжет текста» [Беляева 2009: 178].

Такого рода примечание может быть обращено как непосредственно к читателю, так и к другим героям произведения. Важным результатом использования этого литературного приема является разрушение так называемой «пятой стены», то есть невидимой стены между читателем

(критиком) и вымышленным миром, созданным автором [Hunte 2005: 1].

Таким образом, автор делает читателя не просто интерпретатором, а в некотором смысле непосредственным участником действия произведения.

Необходимо отметить, что большинство подобных примечаний или комментариев было найдено нами в фантастических и фентезийных произведениях, хотя функциональные комментарии были характерны и для некоторых произведений эпохи постмодернизма. Но мы будем рассматривать их использование именно в такого рода работах, так как именно там их применение дает возможность наиболее ярко проиллюстрировать авторскую коммуникацию с читателем. В наши задачи входит рассмотреть некоторые виды таких комментариев, мотивацию их применения и проиллюстрировать их наглядным примером.

Одним из видов такого рода примечаний является непосредственное комментирование автором или авторами каких-то моментов своего произведения. В некотором смысле это крайняя степень проявления авторской модальности в тексте. По определению Н.С. Валгиной, «модальность текста – это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю» [Валгина 1998: 59].

Но здесь подобный прием выступает не просто как передача мыслей автора читателю: он дает возможность привлечь внимание читателя к определенному месту в тексте и, в некоторых случаях, обратиться к нему напрямую. Во многом это делается ради комедийного эффекта, но в некоторых случаях такой литературный прием служит, в особенности во всевозможных фантастических произведениях, для придания тексту достоверности. Читатель прекрасно осведомлен, что мир, созданный автором, выдуман, но такого рода примечания и комментарии втягивают читателя в своего рода литературную игру, когда читателя убеждают в реальности происходящего в художественном произведении, добавляют тексту правдоподобности, потому что обычно примечания поясняют слова или выражения в тексте, прилагают перевод или определения терминов или же дают справки и перекрестные

ссылки. Фикциональное же примечание или примечание самого автора, выражающее некое отношение к предмету, содержат похожую информацию, но с тем условием, что читатель прекрасно осведомлен о ее явно не техническом содержании.

Автор может обращаться сам непосредственно к читателю. Вот пример непосредственного обращения к читателю в книге А.Уланова и О. Громыко «Космобиолухи» [Громыко и др. 2011: 228]:

«У девушки от избытка чувств перехватило дыхание, пришлось показывать “синхрофазотропный аннигилятор” и “ферромагнитный параколлайдер” жестами.⁷²

⁷² *А вам слабо?!*»

Приведем еще пример из этой же книги [там же: 45]:

— «...in nomine et virtute Domini Nostri Jesu. Amen!³² — С последними словами экзорцизма Олаф обрушил топор на голову беса, и том, противно взвизгнув, разлетелся вдребезги».

³² ...через Христа, Господа нашего. Аминь! (лат.). Экзорцизм самый что ни есть настоящий, можете попробовать зачитать его теще или свекрови».

Здесь примечание не только играет и свою основную роль, давая перевод, но и передает шутливый совет авторов читателю.

Автор может обращаться к читателю косвенно, как например, это делает Терри Пратчетт в своем цикле о Плоском мире [Пратчетт 2014: 52]:

“— О боги, юристы над этим повеселятся, — сказала Сахарисса, у нее в руке как по волшебству появился блокнот. — И это не шутка.¹⁴ Он может кончить в долговой тюрьме.

¹⁴ Странность веселящихся юристов в том, что большие никто никогда не понимает, в чем соль».

Еще один пример [Пратчетт 2014: 66]:

«За исключением Водопадов⁷⁵, единственным более-менее знакомым местом в Земфисе было Сокращенное Аббатство.

⁷⁵ *Мокрист видел Водопады и прежде, и всё, что он мог о них сказать, – они... падают. Весьма неплохо падают по всем стандартам падения, но если вы смотрите на них в течение нескольких минут, кто-нибудь обязательно спросит: «А где здесь можно выпить чашечку кофе?»*

Автор раскрывает читателю – и знак примечания это подчеркивает – то, что осталось за границами романа, дает ему лично, напрямую будто бы сохраненную для него информацию.

Примером могут также служить примечания в книге «Космобиолухи» [Громыко и др. 2011: 3]:

«Вирта – виртуальной, голограммической (косм. сленг). Поскольку у одного из авторов этой книги не было опыта в написании Настоящей Научной Фантастики, второму пришлось разъяснять ей все непонятные слова. В результате оба автора открыли для себя много нового и интересного».

Примечания используются не только для пояснения некоторых терминов, характерных для реальности далекого будущего, но и для выражения отношения к происходящему в романе непосредственно авторов.

Такого рода литературный прием может использоваться автором для того, чтобы как можно ярче раскрыть личность персонажа перед читателем и привлечь внимание к определенным фактам его биографии. Таким образом, автор сознательно усиливает интроспекцию персонажа, что играет порой существенную роль для читателя. Вымышенный персонаж может сам обращаться к читателю в фикциональном примечании или комментарии. Например, это мы можем увидеть в книге В. Брайта «Королевства, проигранные в карты» [Брайт 2004: 8]:

«Когда читаешь в желтой прессе, что из хорошо информированных источников¹⁸ стало известно, что коварные русские ведут переговоры о продаже Луны негуманоидным чудовищам с третьей планеты Альфы Центавра¹⁹ в обмен на саморазмножающуюся плесень-убийцу, способную за двадцать четыре часа очистить планету от всех злодеев, не впитавших в

себя с молоком матери светлые идеи коммунизма²⁰, становится смешно.

¹⁸*Почему-то, когда дело касается подобных вещей, у этих ребят источники всегда неиссякаемые и хорошо информированы.*

¹⁹*О, эти бесчеловечные русские! Что станет с желтой прессой, если они куда-нибудь денутся?*

²⁰*А русские-то, оказывается, не такие уж дураки – махнуть Луну, которая и даром никому не нужна! Какой рациональный, можно даже сказать, политически зрелый ход! Согласитесь, для этого нужен талант».*

Автор не только передает личную точку зрения персонажа, но и создает комедийный эффект, подчеркивая обращением к читателю абсурдность написанного.

Конечно, такого рода прием может быть использован не только для комедийного эффекта, как в книге Дж. Страуда «Глаз голема» [Страуд 2007: 4]:

«А по земле двигались призрачные полчища: хорлы со своими костяными трезубцами. Они обшаривали все дома и хижины, построенные снаружи городских стен, ища добычи.¹

¹*И разумеется, никого не находили, о чем свидетельствовали их разочарованные завывания. Пригороды стояли пустые. Как только британская армия пересекла Ла-Мани, чешские власти принялись готовиться к неизбежному нападению на Прагу. Они практически с самого начала спрятали всё население в стенах города – которые, кстати сказать, представляли собой подлинное чудо магической инженерной мысли и являлись мощнейшими в Европе. Я уже упоминал о том, что приложил руку к их постройке?»*

Крайне интересным использованием такого рода примечаний может служить обращение вымышленного же автора к вымышленному читателю или самого персонажа к другому персонажу. Это добавляет произведению как бы третье измерение – читатель читает книгу, которую по сути уже читают другие персонажи между собой.

Примером первого мы можем назвать цикл Сэнди Митчелла о комиссаре Кайафасе Каине, где сама книга оформлена как его воспоминания, с комментариями и примечаниями инквизитора

Эмберли Вейл, которая отредактировала эту автобиографию для других инквизиторов [Митчелл 2006: 12]:

«...Вспоминая о том, что большинство техножрецов, с которыми мне довелось быть знакомым, совершенно не заботились о вкусе еды, рассматривая ее только как топливо для организма (что, полагаю, в данном случае было преимуществом), я решил рассматривать устроенный Янбелем импровизированный перекус как подтверждение давно сложившемуся впечатлению, что некоторая доля эксцентричности является необходимым условием для включения в свиту Эмберли.²⁰

²⁰Сама по себе эксцентричность – нет. Но, как согласятся, несомненно, многие мои собратья-инквизиторы, наша работа сводит нас с людьми, взгляд которых на окружающую Галактику идет в некоторой мере вразрез с общепринятым».

Примером второго может служить «комментофон» в цикле Джаспера Ффорде о Четверг Нонетот, где комментарии служат для общения главной героини с другими персонажами.

«Немо встал и, не сказав ни слова, отправился вниз. Я думала, он вернется, но через двадцать минут решила идти домой. Когда я уже неторопливо шла к дому по тропке вдоль берега озера, мне по комментофону позвонила Хэвишем.¹²

— Как всегда, мисс Хэвишем.¹³

— Перкинс наверняка вне себя, — сказала я, думая, что жизнь в бестиарии со всеми этими грамматитами, Минотавром,¹⁴ йеху и парой миллионов кроликов — это что-то с чем-то.

— Иду.

¹²— Мисс Нонетот, это вы?

¹³— Отлично. Встречаемся в штабе беллетриции как можно скорее. Дело касается Перкинса: Минотавр сбежал.

¹⁴— Дело не в том. Понимаете, Перкинс не отвечает по комментофону. Мы опасаемся, что с ним что-то случилось» [Ффорде 2010: 36].

Если подвести краткий итог рассмотренным примерам, то можно увидеть следующие тенденции в развитии фикционального дискурса – примечания и комментарии, которые

изначально не несли какой-либо художественной функции, в настоящее время превращаются в литературный прием. Происходит стирание границ между техническим аппаратом издательства и художественным текстом, поскольку в книге обычные примечания и комментарии сосуществуют наравне с примечаниями от автора или фикциональными.

Такие примечания и комментарии могут быть написаны от лица как непосредственно самого автора, так и от лица вымышленного персонажа, они могут быть обращены к читателю напрямую или косвенно, могут служить для обращения одних персонажей к другим.

Этот прием позволяет автору сделать читателя непосредственным участником происходящего в художественном произведении – обратиться к нему напрямую, раскрыть некоторые особенности вымышленного мира или характера персонажа. Он может быть также использован для создания комедийного эффекта или выражений интенций самого автора.

Основной задачей данного приема является приданье достоверности происходящему в романе за счет непосредственного обращения к читателю, привлечения его внимания к определенным местам произведения, читатель становится как бы участником событий, то есть автор сознательно разрушает «пятую стену» между ним и читателем.

Литература

1. Беляева И.С. Фикциональный комментарий в литературе постмодернизма // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 90. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fiktsionalnyy-komentariy-v-literature-postmodernizma> (дата обращения: 24.09.2014).
2. Брайт В. Королевства, проигранные в карты: роман. М., 2004.
3. Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. М., 1998.
4. Громыко О.Н., Уланов А.А. Космобиолухи: роман. М., 2011.
5. Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник [электронное издание]. 3-е изд., испр. и доп. М., 2006.
6. Митчелл С. Зов долга: роман. М., 2006.
7. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. Барнаул, 1993.

8. Пратчетт Т. Делай деньги: роман [электронное издание]. М., 2008. Режим доступа: <http://www.flibusta.net/b/156114> (дата обращения: 17.10.2014).
9. Пратчетт Т. На всех парах: роман [электронное издание]. М., 2013. Режим доступа: <http://www.flibusta.net/b/353974> (дата обращения 24.09.2014).
10. Стraud Дж. Глаз Голема. Книга 2. Трилогия Бартимеуса: роман. М.; СПб., 2007.
11. Ффорде Дж. Кладезь погибших сюжетов или Марш генераторов: роман. М., 2010.
12. Hunte L., Lichtenfels P. *Shakespeare, Language, and the Stage*. London, 2005.

Е.А. Миронова
ОГПУ, Оренбург

Анализ челобитных царю Алексею Михайловичу протопопа Аввакума и дьякона Игнатия Соловецкого

В статье рассматриваются жанровые и языковые особенности челобитных идеологов старообрядчества – протопопа Аввакума и дьякона Игнатия Соловецкого; эти особенности наглядно показывают значительные различия в отборе языковых средств при воплощении сходных мыслей и идей.

Ключевые слова: *раскол русской православной церкви, протопоп Аввакум, дьякон Игнатий Соловецкий, жанр, стиль.*

Genre and linguistic features of petitions of ideologists of old belief are considered in the paper. The archpriest Avvakum and the deacon Ignatiy Solovetsky evidently demonstrate considerable the differences in the selection of linguistic tools for expression of similar thoughts and ideas.

Keywords: the schism of the Russian Orthodox Church, the archpriest Avvakum, the deacon Ignatiy Solovetsky, genre, style.

Система русского литературного языка складывалась под мощным влиянием экстралингвистических факторов, под которыми принято понимать факторы, влияющие на эволюцию языка и относящиеся к той реальной действительности, в которой функционирует язык. Следует отметить, что социальные или экстралингвистические факторы действуют на язык исключительно через его носителей; тем не менее, мощное влияние на развитие литературного языка оказывают история и культура народа, его обычаи и традиции, заимствованная лексика и уровень развития науки, а так же взаимосвязь с социальными институтами, в том числе и церковью, которая в Средние века имела колossalное влияние на социум. Исходя из этого, церковнославянский язык как язык Русской православной церкви оказал значительное влияние на становление и развитие русского литературного языка. В этой связи особо следует отметить период правки богослужебных текстов, составляющей ядро церковной реформы сер. XVII в. Именно эта реформа среди всех выдающихся событий «бунтшного» века стоит особняком, она

крайне неоднозначна, а потому приковывает к себе взгляды всех слоев русского общества на протяжении трех с половиной веков. Принятие христианства от Византии, обрекло Русь на роль «преемницы» после её падения и провозглашение себя «первым» и «последним Римом». Следует отметить, что такая идея божественной избранности народа не была чужда русским людям, а в XVII в. рост религиозного напряжения достиг своего апогея и ознаменовался трагическим кризисом раскола русской церкви, который невозможно было предотвратить. Алексей Михайлович прибегает к церковной реформе как к средству укрепления монархии, патриарх Никон – с целью обретения власти не только в кругах церковных, но и светских; помимо «правящей верхушки» реформа привлекла к себе внимание мошенников, жаждущих легкой наживы [Бекасова 2001: 117-120; Бекасова 2011: 219].

Первым этапом церковной реформы стала правка богослужебных текстов и обрядов, которая не была конечной целью патриарха Никона, но стала камнем преткновения между преемниками «старой» и «новой» веры.

Пытаясь убедить самодержца всея Руси в несостоительности церковной реформы, дьякон Игнатий Соловецкий прибегает к языковому анализу древнейших артефактов на примере печатания и изготовления четырехконечного креста вместо старорусского восьмиконечного, и, как следствие, изменения написания «единолитерно И.Н.Ц.И.» на титле, доказывая тем самым, ошибочный, заведомо неверный путь русской церкви. Четко разграничивая пресветлого царя и реформаторов, проводивших правку, Игнатий Соловецкий пишет:

(1) «*Они, власти, ныне на честных крестах написали надписание, подражая Ария еретика ереси, проста человека быти Царя Христа, пишущее единолитерно И.Н.Ц.И.*» [Игнатий Соловецкий 1998: 39]. Так дьякон Игнатий подчеркивает склонность реформаторов к арианству и утверждению сотворенной природы Христа. При этом Игнатий считает необходимым досконально объяснить различия в написаниях

(2) («*Исус – гречески, Назарянин – еврейски, Царь Иудейский – римски*»), отмечая то, что никониане идут вслед за Пилатом, который сделал это надписание «на своего царя восставшего» [Игнатий Соловецкий 1998: 39].

В то же время Игнатий Соловецкий не находит другого объяснения использованию надписания «И.Н.Ц.И.», кроме как простого арифметического счета:

(3) «*В сем ничего не скажет, ни аллегорического, ни омиического не скажет падежа, разве арехме[ти]ческого щета 968 лет, начало римского зачатия падения*» [Игнатий Соловецкий 1998: 40]. Таким образом, по мнению дьякона Игнатия аббревиатура «И.Н.Ц.И.» не несет ни иносказательной, ни художественной нагрузки, но значение суммы литер, равной 968, а при прочтении справа налево 869 соответствует году раскола православной церкви на западную и восточную [Бубнов 1998: 100]. Следует отметить, что в 869-870 гг. состоялся Четвертый Константинопольский собор, урегулировавший отношения между Восточной и Западной церквями, а аббревиатура «И.Н.Ц.И.» относится к Римско-Католическому вероисповеданию, так как православное богословие фиксирует написание «Царь Славы Иисус Христос Сын Божий». Доказывая этот факт, Игнатий Соловецкий обращается к артефактам, первым из которых является крест царя Константина, присланный из Царьграда Михаилу Федоровичу, на котором написано на греческом диалекте: ««Царь Славы Иисус Христос Сын Божий», а не царь жидовский». На Корсунском кресте в Успенской церкви по-гречески написано «Иисус Христос Царь Славы». В Благовещенском соборе кресты Антония Римлянина имеют полное надписание «Царь Славы Иисус Христос Сын Божий». В соборе Успения Пресвятой Богородицы есть крест, написанный Лукой и имеющий надписание: «Царь Славы Иисус Христос Сын Божий» по-еврейски. Таким образом, с надписаний на честных крестах исчезает свидетельство божественного происхождения Иисуса «Сын Божий», а «Царь Славы» изменяется реформаторами на «Царь Июдейский», в результате чего никониане нововведениями, связанными с титлом, провозглашают и исповедуют Христа обычным человеком, согласно еретическим учениям.

Игнатий Соловецкий также ссылается на труды Матфея Стриковского, по мнению которого необходимо писать:

(4) «*Богословне имя Сына Божия на крестах трехлитерно Ись или двема литеры Ис, а не тако, яко латыне на крестах пишут единолитерно И.Н.Ц.И.*» [Игнатий Соловецкий 1998: 42]. При этом Игнатий отмечает, что в Грамматике имя Иисуса

Христа пишется тремялитерно под титлою: «Ісъ» или «Іс» (Игнатий Соловецкий обращается к «Грамматике Словенской совершенного искусства осми частей слова и иных нужных новоставлений» (1596) Лаврентия Зизания), а в истории Луки евангелиста *«имя пречистое пишемо «Іс Хс»»*, поэтому в своём обращении к пресветлому царю, Игнатий Соловецкий подчеркивает то, что никогда надписание И.Н.Ц.И. *«прежде нигде пишиши не было, кроме отпадших латынь»*, и поэтому молит царя:

(5) *«Сего надписания новоявлюшаося лишити, надписывать чрез церковная предания, чтобы не подпасти под клятвы вечныя»* [Игнатий Соловецкий 1998: 42]. Здесь же Игнатий Соловецкий обращается к трудам Кирилла Иерусалимского, цитируя «Кириллову книгу», которая

(6) *«Сказует о явлении в день судный: «Крест Господень явится». Титлу бывшую от Пилата написанную скажают – «была», а не «будет»»* [Игнатий Соловецкий 1998: 42]. Эти слова являются для Игната доказательством того, что реформаторов и всех, идущих вслед за ними, как отступников от истинной православной веры непременно ожидает наказание. Игнатий приводит этот аргумент в назидание приверженцам «старой веры», многие из которых приняли исправление титлы.

Игнатий Соловецкий, пытаясь убедить в своей правоте Алексея Михайловича, анализирует точные цитаты, указывая первоисточник вплоть до листа. Так дьякон Игнатий ссылается на Сборник 1647 года лист 769:

(7) *«Даждь мне тело онаго Иисуса, Его же Сыном Божиим нарицают книжницы и царем скажают фарисеев, Ему же ты повеле над главою дыку прибити, имущее написание сице: «се есть Сын Божий, Царь Израилев»»* [Игнатий Соловецкий 1998: 43], заключая, что И.Н.Ц.И. – ругательно. Ссылаясь на тот же Сборник, лист 600, дьякон приводит следующую цитату:

(8) *«Царь укоряем небесный титлою? точию замлю Его написует Пилат царя, а не Небеси богословит, аще и вопиет иудеом: «Иисус Назарянин Царь Иудейский»»* [Игнатий Соловецкий 1998: 43]. Здесь же Игнатий Соловецкий пишет о том, что он написания знает и чтит, но не надписание И.Н.Ц.И., потому как оно отрицает двойную природу Христа.

В своём стремлении к теологической точности Игнатий Соловецкий обращается к трудам Григория Богослова,

истолкованным Никитой Ираклийским, к слову второму на Крещение Господне, к стиху пятьдесят третьему: «*зле написа Пилат титлу, яко вину убо, а не яко истину*». [Игнатий Соловецкий 1998: 43].

Помимо изменения написания на титле Игнтия Соловецкого также интересуют исправления в обрядах, укоренявшихся на Руси веками и исправленным никонианами вследствие теологически и исторически не обоснованной церковной реформы. Так, ссылаясь на Потребник 1652 года, лист 323, Дьякон Игнатий говорит об изменении двуперстного крестного знамения на трехперстное:

(9) «*Иже кто не крестится двема персты, якоже и Христос, да будет проклят*» [Игнатий Соловецкий 1998: 45].

Таким образом, Игнатий Соловецкий на примере написания «единолитерно И.Н.Ц.И.» на кресте и исправления двуперстного крестного знамения на трехперстное в религиозном и филологическом аспекте доказывает заведомо неверный путь русской церкви, избранный никонианами. Пытаясь убедить адресата в правильности своей точки зрения, дьякон Игнатий выходит за рамки заявленного им жанра члобитной. Анализ многочисленных источников христианской литературы с точными цитатами и анализ артефактов свидетельствуют о том, что перед нами не просто сдержаный теологический анализ, но и неоконченный фрагмент богословского трактата (полный текст Члобитной не обнаружен), к тому же сходные мысли и идеи связывают Члобитную царю Алексею Михайловичу и «Книгу о титле на кресте Христове Писание священнодиякона Соловецкаго Игнатия, преждебывшаго отца и страдалца, на отступники никонияны обличително о написании титлы И.Н.Ц.И. на кресте Господне», представляющую фундаментальный научный труд Игнтия Соловецкого.

Протопоп Аввакум также, обращаясь к Алексею Михайловичу и возлагая на него надежды по спасению России, взвывал к религиозным чувствам великого князя, называя самодержца православным христолюбивым царем, светом и надеждою. В расколе русской церкви, по мнению протопопа, есть только один виновный – патриарх Никона, который

(10) «*начат раздоры творити церкви, и в тиснении печатном портить книги на всю Россию гнев Божий наведе*», а согласно посланию Иоанна Златоуста «*ничтоже тако не*

прогневает Бога, якоже раздор церковный, и ничтоже тако раскол творит в церквах, якоже любоначалие во властех» [Аввакум 1864: 27]. К тому же патриарх Никон и протопоп Аввакум были знакомы лично: «*патриарх Никон мучил мене на Москве, был по ногам, на правежде три недели по вся дни без милости, от первого часа до девятого*» [Аввакум 1864: 29]., так что у Аввакума были все основания называть Никона бесчеловечным. Здесь же протопоп задается вопросом: «*не ужто, Государь свет, им так Бог попустил?*» [Аввакум 1864: 29].

Пытаясь донести до Алексея Михайловича множественные бесчинства никониан, протопоп Аввакум в Челобитной переходит к собственному жизнеописанию: ссылке в Тобольск, а затем в Даурсскую землю, подробно описанным в «Житие протопопа Аввакума, им самим написанным».

Протопоп Аввакум в Челобитной проводит многочисленные параллели и сравнения, характеризующие вероотступников. Так патриарха Никона он уподобляет Юлиану, Феофилу, Арию и прочим еретикам, отступникам и убийцам: «*се бо им врагом Божиим и дело, еже христиан погубляти*» [Аввакум 1864: 32].

Протопоп Аввакум, как и Игнатий Соловецкий, обвиняет патриарха Никона и его последователей в еретичестве, основываясь на изменении церковных обрядов и исправлении богослужебных текстов:

(11) «...*Никониане яко древние Ариане. Христа он Никон не исповедует <...> и воскресение его, <...> скрывает; Духа же святаго, <...> истинно глаголати не хощет; и в сложении перст крестнаго знамения разрушает <...>; и многих ересей люди Божия и твои наполнил. И инде в его мудрованиях, в книгах напечатано — духу лукавому молится; и непостижимых небесных сил имена своим бешеным черичишкам, ругательства ради, дал: херувим и серафим, на претыкание и соблазн верным*» [Аввакум 1864: 32].

В заключении Челобитной протопоп Аввакум молит Алексея Михайловича:

(12) «*От смущения свободи святую церковь и скорбящих чад ея от раздоров тоя ущедри, ныне и в день века, аминь*». [Аввакум 1864: 33]. Этими словами заканчивает Аввакум свою Челобитную, больше напоминающую собственное

жизнеописание великомуученика, изобилующее ярко выраженными чертами публицистического текста.

Анализ Челобитных царю Алексею Михайловичу двух выдающихся идеологов старообрядчества позволяет нам сделать вывод о различных авторских манерах в рамках единого жанра к одному и тому же адресату. Сдержаный теологический анализ смены надписей на кресте Игнатием Соловецким, сопровождающийся многочисленными точными цитатами церковной литературы, диаметрально противоположен фону эмоционально негодующего текста протопопа Аввакума, наполненного перечнем бесчинств и нарушений никонианами заповедей христианских и напоминающего мученическое Житие самого протопопа. И если Челобитная Игнения Соловецкого, по сути являющаяся фрагментом богословского трактата, не вписывается в жанр челобитной, то Челобитная Аввакума, наоборот, выходит из жанра письменного обращения с просьбой и переходит от обличений вероотступников древнего благочестия к собственному жизнеописанию с элементами публицистического текста, тем самым, расширяя границы жанра челобитной. Значительные различия в стилистической и языковой манере двух челобитных вполне закономерны: они были подготовлены всем ходом исторического взаимодействия русского и церковнославянского языка в многовековой рукописной традиции через многочисленные наслоения и разнотечения, которые жёстко отчёркивала в печатных текстах церковная реформа.

Литература

1. Аввакум протопоп. Челобитная протопопа Аввакума // Русский архив, 1864. – Вып.1.
2. Бекасова Е.Н. Синдром «единий аз» и творчество старообрядцев // V Житниковые чтения. Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте. Челябинск, 2001.
3. Бекасова Е.Н. Генетический фон древнерусского текста. Оренбург, 2010.
4. Бекасова Е.Н. Уроки истории: «Великий раздор» как результат книжно-обрядовых исправлений в XVII веке // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве. Оренбург, 2011.

5. Бубнов Н.Ю. Комментарии к Челобитной царю Алексею Михайловичу // Памятники старообрядческой письменности, СПб., 1998.

6. Игнатьй Соловецкий дьякон. Челобитная царю Алексею Михайловичу // Памятники старообрядческой письменности, СПб., 1998.

Д.Ф. Мищенко
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

Универсальные кванторы в башкирском языке¹

В статье рассматриваются некоторые аспекты функционирования универсальных кванторов в башкирском языке. Универсальные кванторы, входящие в состав ИГ, способны выполнять 3 синтаксические функции, однако в качестве вершины ИГ большинство из них может употребляться только в особой форме с посессивным показателем 3 л. ед. ч., часто образующейся нерегулярно. Результаты анализа семантических функций универсальных кванторов представлены в виде семантической карты. Хотя функции некоторых кванторов пересекаются, для каждого из значений существует наиболее типичный способ выражения. Кванторы, навязывающие дистрибутивную интерпретацию, по своим свойствам являются слабыми дистрибутивными кванторами. Показано, что в целом дистрибутивные кванторы ассоциированы с ед. ч., а недистрибутивные — со мн. ч. В конце статьи представлен анализ взаимоотношения сферы действия кванторов со сферой действия отрицания. Продемонстрировано, что интерпретация с узкой сферой действия отрицания в башкирском языке допустима только для квантифицируемых ИГ, входящих в тему высказывания.

Ключевые слова: башкирский язык, универсальный квантор (квантор всеобщности), D-квантификация, дистрибутивная интерпретация, коллективная интерпретация, дистрибутивный квантор, недистрибутивный квантор, отрицание.

The article deals with some semantic and morphosyntactic aspects of universal quantifiers in Bashkir. Universal quantifiers functioning as a part of a NP can fulfill 3 syntactic functions, though most of them can be used as a head of a NP in a specific form with a possessive marker of the 3rd person singular which is often irregular. Results of the semantic analysis of the universal quantifiers are

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>) и гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю.С. Маслова» НШ-1778.2014.6.

represented by means of a semantic map. Though functions of some quantifiers overlap, every meaning has its own typical means of expression. The quantifiers which impose the distributive interpretation should be classified, according to their properties, as weak distributive quantifiers. It is demonstrated that generally distributive quantifiers are associated with the singular, while non-distributive quantifiers are associated with the plural. At the end of the article, the analysis of the interaction of the scope of quantifiers with the scope of negation is presented. It is demonstrated that the interpretation of the narrow scope of negation in Bashkir is available for the quantified NPs forming part of the topic of the sentence.

Keywords: Bashkir, universal quantifier, D-quantification, distributive interpretation, collective interpretation, distributive quantifier, non-distributive quantifier, negation.

1. Введение

Согласно одному из наиболее распространённых, хоть и несколько упрощённых определений, **универсальными кванторами, или кванторами всеобщности** в лингвистике называют языковые выражения, соответствующие кванторам всеобщности в логике, ср. следующие примеры из русского:

- (1) $(\forall x)$ (Петя съел x)
Петя съел всё.
- (2) $(\forall x)$ (x любит, когда его хвалят)
Каждый любит, когда его хвалят.

При помощи кванторов может производиться квантификация индивидов, как в (1)–(2), и квантификация событий, как в предложении *Я всегда пью кофе по утрам*. Квантификация индивидов и событий, в зависимости от синтаксических свойств осуществляющих её кванторов, делится на 2 типа. О **D-квантификации** (от determiner) говорят в том случае, если кванторные слова являются составляющими именной группы (ИГ). Если кванторные слова являются составляющими клаузы, говорят об **A-квантификации** (от adverb) [Татевосов 2002: 16, 51]. Чаще всего квантификация индивидов производится составляющими ИГ, а квантификация событий — составляющими клаузы. К примеру, в предложении *Все девочки любят вертеться перед зеркалом* квантификация индивидов, обозначаемых словом *девочки*, производится при помощи квантора *все*, входящего в состав ИГ *все девочки*. В предложении

же *Девочки всегда вертятся перед зеркалом* квантификация ситуаций производится за счёт квантора *всегда* — составляющей клаузы².

Данная статья посвящена анализу универсальных кванторов башкирского языка, осуществляющих Д-квантификацию. К таким кванторам относятся 8 языковых выражений: *bar* ‘весь, всё’, *barləq* ‘весь, всё, все’, *barsa* ‘весь’³, *bötä* ‘весь, все’, *bötön* ‘целый, весь, все’, *här* ‘каждый’, *här törlö* ‘разный’, *totoş* ‘весь, всё’. Некоторые из них являются производными: квантор *barləq* образован при помощи суффикса номинализации *-ləq*, *barsa* — при помощи адвербализатора *-sa*, а *här törlö* представляет собой словосочетание, второй элемент которого является дериватом, образованным при помощи адъективизатора *-la* в одном из своих сингармонических вариантов. Статья основана на полевых материалах, собранных в лингвистических экспедициях в д. Рахметово Абзелиловского р-на респ. Башкортостан в 2013–2014 гг. Особое внимание в статье будет уделено синтаксическим свойствам кванторов, особенностям их взаимодействия с некоторыми грамматическими категориями, а также семантически и грамматически обусловленным ограничениям на их употребление.

2. Синтаксические функции

Универсальные кванторы в башкирском языке могут выполнять следующие синтаксические функции. Во-первых, они могут быть зависимым в составе ИГ:

- (3) [Bötä qunaq-tar=ða] nımä-ler es-ä.
 весь гость-PL=же что-наверное пить-PRS
 ‘Все гости что-нибудь пьют: кто чай, кто кофе’.

Во-вторых, они могут представлять собой самостоятельную ИГ:

- (4) [Bötä-he=lä] šat.
 весь-Р.3=же весёлый
 ‘Все рады’.

Наконец, кванторы могут выступать в качестве вершины т.н. элективной конструкции вида N-GEN — Q-P(n)-Locus:

² Возможно и более редкое соотношение, при котором А-квантификации подвергаются не события, а индивиды [Татевосов 2002: 53–54].

³ Необходимо отметить, что квантор *barsa* ‘весь’ признают не все информанты.

(5) Kärim [[arbuð-dəŋ] bötä-he-n=dä] aša-p
 Карим арбуз-GEN весь-Р.3-ACC=же есть-CV
 böt-tö.
 кончаться-PST

‘Карим съел все арбузы’.

Как видно из (4)–(5), употребление в функции самостоятельной ИГ и вершины элективной конструкции требует присоединения к квантору посессивного маркера 3 л. ед. ч. У некоторых кванторов такие формы образуются нерегулярным образом: формально в составе форм *barəhə* и *bötönöhö* выделяется 2 посессивных показателя (*bar-ə-hə*, *bötön-ö-hö*). Подобные нерегулярные формы есть и у неопределённых местоимений и у некоторых числительных башкирского языка. Такие формы тоже употребляются в функции самостоятельной ИГ и в функции вершины элективной конструкции:

(6) [[Mineŋ klastaš-tar-əm-dəŋ] qajhə
 я.GEN одноклассник-PL-1SG-GEN который
 ber-e-he] kanikul-da Öfö-gä bar-ər-ya
 один-Р.3-Р.3 каникулы-LOC Уфа-DAT идти-POT-DAT
 jəj-ən-a.
 собирать-REFL-PRS

‘Некоторые мои одноклассники собираются поехать на каникулы в Уфу’.

По-видимому, формы универсальных кванторов с посессивным маркером 3 л. ед. ч. можно рассматривать как самостоятельные кванторы, во-первых, в силу наблюдающейся нерегулярности образования, а во-вторых благодаря семантическим различиям, фиксируемым для некоторых пар кванторов с посессивным маркером 3 л. ед. ч. и без него. Далее все формальные свойства и семантика будут описываться для таких кванторов отдельно.

В случае D-квантификации над индивидами кванторные слова могут иметь ограничения на позицию в составе ИГ. В то время как некоторые кванторы, такие, как русские *всякий* или *каждый*, могут употребляться как в качестве вершины, так и в качестве зависимого ИГ, другие кванторы могут выступать только в одной функции: например, английское *everything* может использоваться только в качестве вершины ИГ, а *every* — только в качестве зависимого [Татевосов 2002: 52–53].

В башкирском языке подобные ограничения характерны для большинства кванторов всеобщности: в функции вершины и в функции зависимого без изменения формы (т. е. без показателя посессивности) могут употребляться только кванторы *barləq* и *totoš*:

- (7) *Totoš kil-gän-där.*
 весь приходить-PC.PST-PL
 ‘Все пришли’.
- (8) *Totoš yailä-he mījä kil-gän-där.*
 весь семья-Р.3 я.DAT приходить-PC.PST-PL
 ‘Вся его семья ко мне приехала’.

Хотя квантор *barləq* ‘весь, всё, все’ может выполнять обе функции, в позиции вершины ИГ он имеет ограничения на тип квантифицируемых существ. В то время как в позиции зависимого он может относиться как к одушевлённым, так и к неодушевлённым и даже абстрактным объектам (9)–(10), в позиции вершины ИГ референтом квантора не может быть человек. Так, (11) допустимо в ситуации, при которой *barləq* относится к животным, но не допустимо в ситуации, при которой он бы относился к людям:

- (9) *Bar-ləq mineȳ malaj-đar-əm*
 весь-NMLZ я.GEN мальчик-PL-P.1SG
 uqə-w-a kit-te.
 читать-NMLZ-DAT уходить-PST
 ‘Все мои сыновья ушли в школу’.
- (10) *Bar-ləq jarata-w-ə bööt-kän.*
 весь-NMLZ любить-NMLZ-P.3 кончаться-PC.PST
 ‘Вся его любовь прошла’.
- (11) *Bar-ləq-tar-ə es-ä-lär.*
 весь-NMLZ-PL-P.3 пить-PRS-PL
 OK (Овцы пришли к озеру.) ‘Все пьют’.
 *(Гости сидят за столом.) ‘Все пьют’.

Кванторы *barsa* ‘весь’ и *häř* ‘каждый’ употребляются только в функции модификатора ИГ; в случае, если говорящий не может назвать или не хочет называть конкретные квантифицируемые объекты, вершиной ИГ становится семантически пустое существительное *näätä* ‘вещь’, *keše* ‘человек’ и т. д.:

- (12) **Häř kil-de.*
 каждый приходить-PST
 Ожид.: ‘Каждый пришёл’.

(13) *Här kem kil-de.*

каждый кто приходить-PST

‘Каждый пришёл’.

Прочие кванторы в функции вершины ИГ не употребляются:

(14) *Bar yailä eš-kä kit-te.*

весь семья работа-DAT уходить-PST

‘Вся семья ушла на работу’.

(15) *Bar eš-kä kit-te.*

весь работа-DAT уходить-PST

*‘Все ушли на работу’.

Вместо них употребляются соответствующие формы с посессивным маркером 3 л. ед. ч.:

(16) *Beð öj-đö tōđō-nö-q.*

мы дом-ACC строить-PST-1PL

Bar-ə-hə(=la) jan-gan.

весь-Р.3-Р.3=же гореть-РС.PST

‘Мы построили дом. Он весь сгорел’.

Таблица 1. Позиция квантора в составе ИГ

Квантор	Позиция вершины	Позиция модификатора
<i>bar</i>	—	+
<i>barəhə</i>	+	—
<i>barləq</i>	+ (неодуш., жив., собир.)	+
<i>barsa</i>	—	+
<i>bötä</i>	—	+
<i>bötähe</i>	+	—
<i>bötön</i>	—	+
<i>bötönöhö</i>	+	—
<i>här</i>	—	+
<i>här törlö</i>	—	+
<i>här törlöhö</i>	+	—
<i>totoš</i>	+	+

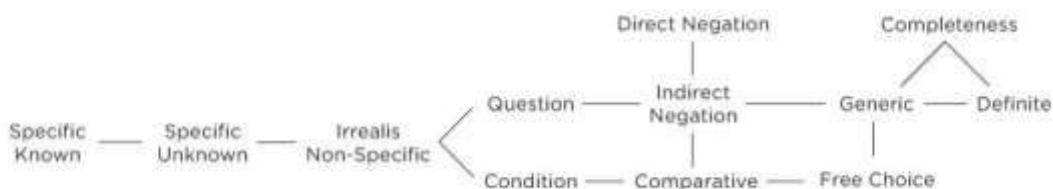
Напротив, в позиции зависимого ИГ такие формы не употребляются.

Сведения о синтаксических свойствах кванторов всеобщности в башкирском языке обобщены в Таблице 1.

3. Основные семантические функции

Как было показано в [Татевосов 2002], функционально-семантические зоны кванторов всеобщности частично пересекаются с функционально-семантическими зонами кванторов существования, т. е. неопределённых местоимений. Это позволило С. Г. Татевосову расширить семантическую карту функций неопределённых местоимений, предложенную М. Хаспельматом в [Haspelmath 1997], дополнив её специфическими значениями кванторов всеобщности:

Схема 1. Расширенная семантическая карта кванторов всеобщности и существования (по [Татевосов 2002: 167])

Каждый узел на карте представляет собой отдельную функцию (значение и/или контекст употребления), которую может выполнять квантор. Коротко их можно охарактеризовать следующим образом:

Specific Known — референтный объект, известный говорящему (*Тебе кое-кто звонил, угадай, кто*);

Specific Unknown — референтный объект, неизвестный говорящему (*Я что-то слышал, но не понял, что это было*);

Irrealis Non-Specific — нереферентный объект в ирреальном контексте⁴ (*Пожалуйста, попробуй что-нибудь ещё*);

Question — общий вопрос (*Тебе кто-нибудь что-нибудь говорил об этом?*);

Condition — протазис условия (*Если увидишь что-нибудь, скажи*);

⁴ К таким контекстам Хаспельмат относит будущее время, косвенные наклонения, эпистемическую модальность, предикаты типа ‘мочь’ или ‘хотеть’ и некоторые другие [Haspelmath 1997: 37–45].

Indirect Negation — непрямое отрицание, т. е. отрицание при лексическом отрицании (*отрицать, отказывать, без*) или при подъёме отрицания (*Я не думаю, что кто-нибудь знает ответ*);

Direct Negation — прямое отрицание (*Никто не знает ответа*);

Comparative — стандарт сравнения (*Лучше, чем где-либо ещё*);

Free Choice — свободный выбор (*Любой решит такую простую задачу*);

Generic — универсальная квантификация генерического множества (*Все тигры — хищники*);

Definite — универсальная квантификация референтных определённых множеств (*Все ученики хорошо написали сочинение*);

Completeness — универсальная квантификация целостных объектов (*Весь дом сгорел*).

Семантическая карта обладает предсказательной силой: предположительно в языках мира не существует таких кванторов, которые бы обслуживали функции, расположенные дистантно (не соединённые на карте линией), но при этом не употреблялись бы в функциях, расположенных на карте между ними; если же известно, что квантор используется в двух некоторых функциях, это даёт основания предполагать, что он употребляется и во всех функциях, располагающихся между ними.

Анализ универсальных кванторов в башкирском языке подтверждает типологические ожидания: в самом деле, как видно из Таблицы 2, на семантической карте для башкирского языка нет разрывных зон.

Таблица 2. Функции универсальных кванторов в башкирском языке

Квантор	Функция						
bar ‘весь, все’		INDIR NEG	CMPR?	DEF	CMP	GEN?	FREE CHOICE???
barlaq ‘весь, все, все’		INDIR NEG	CMPR	DEF	CMP	GEN?	
barsa ‘весь’				DEF	CMP	GEN	
bötä ‘весь, все’	DIR NEG	INDIR NEG	CMPR	DEF	CMP	GEN	

Квантор	Функция					
bötön 'целый, все'		INDIR NEG	CMPR	DEF?	CMP	GEN?
här 'каждый'			CMPR?	DEF		GEN FREE CHOICE???
här törlö 'разный'				DEF?		GEN FREE CHOICE
totoš 'весь, все'				DEF	CMP	

Однако семантическая карта отражает потенциальную способность квантора использоваться в той или иной функции, ничего не сообщая о реальной частотности употребления конкретного квантора в данном значении. Между тем, несмотря на пересечение функций кванторов во многих зонах, для некоторых функций существуют наиболее типичные способы выражения. Так, основным способом выражения квантификации определённых множеств является *bötä* 'весь, все' (17), а основным способом квантификации единичных объектов — *bötön* 'целый, весь, все' (18):

- (17) *Bötä bul-yan keše-lär=ðä qatnaš-tə.*
 весь быть-PC.PST человек-PL=же смеиваться-PST
 'Все присутствовавшие люди участвовали'.

- (18) *Bötön arbuð serek.*
 целый арбуз гнилой
 'Весь арбуз гнилой'.

Показателен запрет на употребление (или, по крайней мере, нежелательность употребления) в нереферентных контекстах (универсальная квантификация генерических множеств, и свободный выбор) квантора *bar* и производных от него. Можно предположить, что эта особенность обусловлена семантикой копулы *bar*, к которой они восходят. Эта копула используется в экзистенциальных предложениях и в предложениях обладания, т. е. выражает наличие объекта, в частности, в чьей-либо собственности⁵:

⁵ По данным этимологической базы данных Старлинг, восстанавливаетсяprotoалтайский корень *bára 'обладать, имущество' (http://starling.rinet.ru/cgi-bin/etymology.cgi?single=1&basename=%2fdata%2falt%2falt&text_number=+108&root=config).

- (19) *Aš-həw-nda öθtäl bar.*
 еда-вода-LOC стол имеется
 ‘На кухне есть стол’.

Унаследованная от копулы семантика наличия в распоряжении определяет преимущественное употребление квантора *bar* и его дериватов в функции квантификации определённых множеств и целостных объектов. Ср. перевод, предложенный информантом:

- (20) *Räjdä bar keše-lär-đän häjbät järla-j.*
 Райда весь человек-PL-ABL хороший петь-PRS
 ‘Райда поёт лучше, чем все здесь’.

4. Дистрибутивная vs. коллективная интерпретация

В силу различных причин, семантическая карта отражает не все смысловые противопоставления, свойственные кванторным словам. Важнейшей из таких не отражённых на карте оппозиций является противопоставление коллективной и дистрибутивной интерпретаций. При **дистрибутивной интерпретации** в рассмотрение вводится подмножество, соответствующее одному элементу множества. При **коллективной интерпретации** выделяемое подмножество совпадает со всем множеством. Кванторы, которые предполагают дистрибутивную интерпретацию, называют **дистрибутивными**. **Недистрибутивные** кванторы допускают оба типа интерпретации [Татевосов 2002: 69–70]. Так, местоимения типа русск. *все* являются недистрибутивными, а местоимения типа русск. *каждый* — дистрибутивными, поскольку предложения типа *Все яблоки стоят сто рублей* могут иметь 2 интерпретации: 1) ‘за одно яблоко нужно заплатить 100 рублей’ и 2) ‘все яблоки можно приобрести за 100 рублей’, а предложения типа *Каждое яблоко стоит сто рублей* имеет лишь одну интерпретацию 1) ‘за одно яблоко нужно заплатить 100 рублей’⁶. Способность квантора навязывать дистрибутивную интерпретацию не связана с его семантическими функциями, любая функция допускает использование как дистрибутивных, так и недистрибутивных

⁶ В большинстве языков мира отношения между дистрибутивными и недистрибутивными кванторами именно таковы: недистрибутивный квантор в определённых условиях способен иметь и дистрибутивную интерпретацию, хотя известны и немногочисленные исключения [Татевосов 2002: 87].

кванторов. Именно поэтому отразить это противопоставление на двумерной семантической карте невозможно.

К дистрибутивным кванторам в башкирском языке относятся *häř*, *häř törlö* и *häř törlöhö*. Коллективная интерпретация при них недопустима:

- (21) *Här qarbiđ jöđ hum tor-a.*

весь арбуз сто рубль стоять-PRS

*‘Все арбузы (в сумме) стоят 100 рублей’.

‘Каждый арбуз (в отдельности) стоит 100 рублей’.

Остальные кванторы не навязывают дистрибутивную интерпретацию, при этом одни, такие, как *bötä*, допускают обе интерпретации в равной степени (22), другие же, такие, как *bar*, практически исключают дистрибутивную интерпретацию (23):

- (22) *Bötä qarbiđ-dar jöđ hum tor-a.*

весь арбуз-PL сто рубль стоять-PRS

‘Все арбузы (в сумме) стоят 100 рублей’.

‘Каждый арбуз (в отдельности) стоит 100 рублей’.

- (23) *Bar qarbiđ-dar jöđ hum tor-a.*

весь арбуз-PL сто рубль стоять-PRS

‘Все арбузы (в сумме) стоят 100 рублей’.

*‘Каждый арбуз (в отдельности) стоит 100 рублей’.

Доступность обеих интерпретаций отражена в Таблице 3.

Таблица 3. Возможность дистрибутивной интерпретации кванторов всеобщности

Квантор	Коллективная интерпретация	Дистрибутивная интерпретация
<i>totoš</i>	+	-
<i>bar</i>	+	-
<i>barəħə</i>	+	+
<i>barləq</i>	+	+
<i>barsa</i>	+	+
<i>bötä</i>	+	+
<i>bötähe</i>	+	+
<i>bötön</i>	+	+
<i>bötönħö</i>	+	+

<i>här</i>	—	+
<i>här törlö</i>	—	+
<i>här törlöhö</i>	—	+

Как указывает С.Г. Татевосов [2002: 80–84], в ряде контекстов употребление дистрибутивных кванторов в языках мира регулярно оказывается невозможным. Употребление дистрибутивных кванторов может быть ограничено:

- с собирательными предикатами (с валентностью на множественные термы) типа ‘быть похожим’, ‘собираться’ или ‘встречаться’;
- с лексемами типа *вместе* или *одновременно*;
- с конкретно-референтными распределяемыми ИГ;
- с видо-временными формами глагола, выражающими значение прогрессива;
- для языков без специализированного прогрессива — с лексемами типа *сейчас* или с придаточными, однозначно задающими единственный временной референт.

При этом разные дистрибутивные кванторы, даже в пределах одного языка, могут иметь различные ограничения: **сильно дистрибутивные кванторы** в названных контекстах не употребляются, в то время как **слабо дистрибутивные кванторы** допустимы и в названных контекстах [Татевосов 2002: 93]. Таким образом, «дистрибутивность» оказывается не абсолютной, а градуальной характеристикой квантора, и каждый дистрибутивный квантор оказывается размещённым в определённой точке шкалы дистрибутивной силы:

Рассмотрим чувствительность дистрибутивных кванторов башкирского языка к перечисленным ограничениям на примере квантора *här*.

С предикатами, обладающими валентностью на множественные термы, *här* в основном не употребляется:

(24) *Här qəd qosaqla-ś-ər səq-tə.

каждый девочка обнимать-RECP-CV выходить-PST

Ожид.: (Подруги при встрече всегда обнимаются. Сейчас они встретились) ‘Каждая девушка обнялась’.

- (25) *Här qunaq öj-öböð-ðä jæj-əl-əš-tə.
 каждый гость дом-P.1PL-LOC собирать-PASS-RECP-PST
 Ожид.: (Мы позвали много гостей.) ‘Каждый гость собрался в нашем доме’.

Однако, вопреки ожиданиям, сочетание с предикатом ‘быть похожим’ оказывается допустимым:

- (26) ^{OK}Här besäj oqšaš.
 каждый кот похожий

‘Каждая кошка похожа’ (на других кошек, т. е. ‘Все кошки похожи’).

Вероятно, в целях типологического исследования имеет смысл более чётко определить круг «собирательных предикатов», в сочетании с которыми употребление сильного дистрибутивного квантора предполагается невозможным. По-видимому, предикат ‘быть похожим’ по крайней мере в некоторых языках к ним не относится.

Här свободно сочетается с обстоятельством ber waqətta ‘одновременно’:

- (27) ^{OK}Här malaj ber waqət-ta jærla-nə.
 каждый мальчик один время-LOC петь-PST
 ‘Каждый мальчик пел одновременно’.

Адекватность сочетаний с обстоятельством *xäder* ‘сейчас’ и с временными придаточными, задающими единичную ситуацию, разные информанты оценивают по-разному, хотя сочетания с *xäder* чаще оказываются приемлемыми:

- (28) ^{??/OK}Här malaj xäder joqla-j.
 каждый мальчик сейчас спать-PRS
 (У меня три сына.) ‘Сейчас каждый мальчик спит’.

- (29) ^{?/OK}Qunaq-tar kit-käs, här ul-əm
 гость-PL уходить-CV.ANT каждый сын-P.1SG
 iqə-r-ya ultər-ðə.
 читать-POT-DAT садиться-PST

(У меня три сына.) ‘Когда гости ушли, каждый мой сын сел заниматься’.

Таким образом, на шкале дистрибутивной силы квантор *här* окажется расположенным ближе к полюсу слабых дистрибутивных кванторов, что неудивительно, поскольку слабая дистрибутивность вообще типологически более распространена, нежели сильная. Дистрибутивные свойства квантора *här* в

сравнении со свойствами некоторых других кванторов в языках мира продемонстрированы в Таблице 4.

Таблица 4. Ограничения на дистрибутивность
(на основании [Татевосов 2002: 92])

Универсальный квантор	Язык	собирательный предикат	‘одновременно’	‘сейчас’	временное придаточное
minden	венгерский	+	+	+	+
every	английский	–	+	+	+
här	башкирский	– / +	+	+ / –	+
<i>каждый</i>	русский	–	–	+ / –	+
chaque	французский	–	–	–	+
each	английский	–	–	–	–

5. Взаимодействие с грамматическими категориями

Универсальные кванторы в различных языках периодически обнаруживают интересные свойства, проявляющиеся во взаимодействии с некоторыми грамматическими категориями. Наиболее важные особенности связаны с категорией множественности и с отрицанием.

5.1. Кванторы и множественность

Данные различных языков показывают, что выбор числовой формы квантифицируемой ИГ не случаен и зависит от допустимости дистрибутивной интерпретации предложения. Встречаются отношения следующих типов:

- дистрибутивное кванторное слово ассоциировано с ед. ч., а недистрибутивное — с мн. ч. (русский);
- дистрибутивное и недистрибутивное кванторные слова ассоциированы с ед. ч. (венгерский);
- дистрибутивное и недистрибутивное кванторные слова ассоциированы с мн. ч. (тагальский)⁷ [Gil 1991: 13; Татевосов 2002: 78–80].

В целом в башкирском языке дистрибутивное кванторное слово ассоциировано с ед. ч. (форма, не оформленная показателем мн. ч.), а недистрибутивное — со мн. ч.⁸:

⁷ Появление показателя мн. ч. у вершины ИГ с дистрибутивным квантором не зафиксировано ни в одном языке; в тагальском речь идёт о мн. ч. у анафорических элементов.

- (30) Bar *keše-lär* / *bar *keše beräj* qasan
 весь человек-PL весь человек какой-нибудь когда
üл-ä-säk.
 умирать-PRS
 ‘Все люди когда-нибудь умрут’.
- (31) Här duθ-əm / *här duθ-tar-əm bəl
 каждый друг-Р.1SG каждый друг-PL-Р.1SG этот
mäsälä-ne eślä-j al-a.
 задача-ACC работать-CV.IPFV брать-PRS
 ‘Каждый мой друг может решить эту задачу’.

Дистрибутивный квантор *här* может сочетаться с ИГ, оформленной показателем мн. ч., но в этом случае он выражает значение ‘каждая группа объектов’:

- (32) Här pirožki-lär ajərəm tärilka-lar-ða
 каждый пирожки-PL отдельный тарелка-PL-LOC
jat-a-lar.
 лежать-PRS-PL

(На столе стоят большие тарелки с пирожками. На каждой тарелке лежат пирожки с разной начинкой: на одной с мясом, на другой с грибами, на третьей с ягодами.) ‘Каждые пирожки лежат на разных тарелках’.

В силу необязательности показателя мн. ч. результирующая семантика всех прочих кванторов зависит от наличия или отсутствия показателя мн. ч. Так, в отсутствие показателя мн. ч. квантор *bötä* ‘весь, все’ может выражать как значение квантификации определённого или генерического множества, так и значение квантификации целостных объектов (33a), хотя более естественной является первая интерпретация; если же ИГ оформлена показателем мн. ч., значение квантификации целостных объектов, по-видимому, невозможно (33b):

- (33a) Räjdä böötä kitap-tə iqə-p bööt-tö.
 Райда весь книга-ACC читать-CV кончаться-PST
 ‘Райда прочитала всю книгу’.
 ‘Райда прочитала все книги’.

⁸ Поскольку степень обязательности показателя мн. ч. в башкирском языке различна для ИГ, обозначающих различные объекты, оформление ИГ проверялось на примере личных имён, множественность которых, по-видимому, всегда маркируется при помощи показателя мн. ч. [Аплонова 2014].

- (33b) Räjdä bötäkitap-tar-ðə uqə-p böt-tö.
 Райда весь книга-PL-АССчитать-CV кончаться-PST
 ‘Райда прочитала все книги’.
 *‘Райда прочитала всю книгу’.
 ???‘Райда прочитала все книги целиком’.

5.2. Кванторы и отрицание

Отрицание кванторного значения в различных языках мира может быть устроено по-разному. В некоторых языках существуют т. н. отрицаемые кванторы ("negated quantifiers" [Payne 1985: 203 ff.]), т. е. кванторы, образующие составляющую с отрицательной морфемой. В башкирском языке сочетание отрицательной частицы с квантором невозможно:

- (34a) *Min bötä tügel kitap-tar hat-ər
 я весь NEG.PRT книга-PL продавать-CV
 al-də-m.
 брать-PST-1SG
 Ожид.: ‘Я купил не все книги’.
- (34b) *Min bötä kitap-tar tügel hat-ər
 я весь книга-PL NEG.PRT продавать-CV
 al-də-m.
 брать-PST-1SG
 Ожид.: ‘Я купил не все книги’.

Соответствующее значение выражается при помощи отрицательного суффикса на глаголе:

- (35) Äsäj-em här bala-ya käñfit
 мать-P.1SG каждый ребёнок-DAT конфета
 bir-**mä**-ne.
 давать-NEG-PST
 ‘Мама дала конфету не каждому ребёнку’.

В результате многие башкирские предложения могут получать две интерпретации. Так, (36) может выражать 2 разных значения в зависимости от того, попадает ли квантор в сферу действия отрицания (широкая сфера действия отрицания) или наоборот, отрицание попадает в сферу действия квантора (узкая сфера действия отрицания):

- (36) Bar-ə-hə=la it aša-ma-j.
 весь-P.3-R.3=же мясо есть-NEG-PRS
 1. ‘Не все едят мясо’ — NEG [Q]
 2. ‘Все не едят мясо’ — Q [NEG]

Однако не все предложения могут иметь такую интерпретацию, при которой отрицание попадает в сферу действия квантора. К примеру, она недопустима для следующего предложения:

- (37) *Min bötön il-där-ðä=lä bul-ma-nə-m.*
 я целый страна-PL-LOC=же быть-NEG-PST-1SG
 ‘Я побывал не во всех странах’. (= ‘Неверно, что я побывал во всех странах’ — NEG [Q]).

*‘Я не был во всех странах’. (= ‘Для всех стран неверно, что я в них был’ — Q [NEG]).

Что же определяет доступность или недоступность для конкретного предложения интерпретации с узкой сферой действия отрицания? Сравнение примеров (36)–(37) и подобных им может привести к выводу о том, что на доступность такой интерпретации влияет синтаксическая функция квантифицируемой ИГ: если квантифицируемая ИГ занимает позицию подлежащего, как в (36), возможны обе интерпретации, а предпочтительность варьирует у разных информантов, как в случае с (38) и зависит от значения конкретного предложения, как в случае с (39), для которого более естественна интерпретация с широкой сферой действия отрицания:

- (38) *Bötön xaleq eš-kä səq-ma-nə.*
 целый народ работа-DAT выходить-NEG-PST
 ‘Весь народ не вышел на работу’.
 ‘Не весь народ вышел на работу’.
 (39) *Bötön öj-böd jan-ma-gan.*
 целый дом-R.1PL выходить-NEG-PST
 ‘Не весь наш дом сгорел’.
 ?‘Весь наш дом не сгорел’.

Если квантифицируемая ИГ занимает неподлежащую позицию, узкая сфера действия отрицания, казалось бы, невозможна или, по крайней мере, очень сомнительна:

- (40) *Ul bötä-he-n=dä äjt-mä-ne.*
 тот весь-R.3-ACC=же говорить-NEG-PST
 ‘Он не всё сказал’. (= ‘Неверно, что он сказал всё’ — NEG [Q])
 ??‘Он ничего не сказал’. (букв. ‘Он всё не сказал’ = ‘В отношении всего неверно, что он это сказал’ — Q [NEG])

Действительно, во многих языках подлежащее при наиболее естественной интерпретации часто оказывается вне сферы действия сентенциального отрицания:

(41) *Many students didn't pass the exam.*

‘Многие студенты не сдали экзамен’.

??‘Неверно, что многие студенты сдали экзамен’.

Однако такой анализ башкирского материала оказывается неудовлетворительным в отношении некоторых предложений, например, (42), допускающего обе интерпретации:

(42) *Bötä säskä-lär-đe=lä min jarat-ma-j-əm.*

весь цветок-PL-ACC=же я любить-NEG-PRS-1SG

1. ‘Я люблю не все цветы’. — NEG [Q]

2. ‘Я не люблю все цветы’. — Q [NEG]

По-видимому, на самом деле допустимость интерпретации с узкой сферой действия отрицания в башкирском языке определяется не синтаксической функцией, а коммуникативным статусом квантифицируемой ИГ: если она входит в тему высказывания, как в (42), где статус ИГ *bötä säskälärđe* как темы высказывания маркирован эмфатическим порядком слов, квантор может не только находиться в сфере действия отрицания, но и оставаться за её пределами.

Можно заметить, что в приведённых выше примерах при кванторе, попадающем в сферу действия отрицания, квантифицируемая ИГ часто употребляется с формантом *da*. В связи с этим может возникнуть вопрос, нельзя ли рассматривать его как показатель отрицания и, соответственно, считать, что в башкирском языке всё же имеются отрицаемые кванторы? Как бы заманчиво ни было такое решение, оно всё же вряд ли приемлемо, поскольку, во-первых, употребление *da* факультативно, а во-вторых, этот формант употребляется и в неотрицательных контекстах. Таким образом, отрицаемых кванторов в башкирском языке всё же не существует.

Сокращения

1, 3 — 1, 3 лицо; ИГ — именная группа; ед. ч. — единственное число; л. — лицо; мн. ч. — множественное число; ABL — ablativ; ACC — accusativ; ANT — предшествование; CV — деепричастие; DAT — dative; GEN — genitiv; IPFV — имперфективный; LOC — locative; Locus — морфологический локус; N, n — имя; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; P

— принадлежность; PASS — пассив; PC — причастие; PL — множественное число; POT — потенциальное будущее время; PRS — настоящее время; PRT — частица; PST — прошедшее время; Q — квантор; RECP — реципрок; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

1. Аплонова Е. Категория числа в башкирском языке. Влияние особенностей концептуализации объектов человеком на словоформы маркирования. Экспедиционный отчет по результатам экспедиции в дер. Рахметово (Башкортостан) в июле 2014 г.
2. Татевосов С.Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002.
3. Gil D. Universal quantifiers: A typological study. Eurotyp working papers. Theme 7: Noun phrase structure. № 12. Berlin, 1991.
4. Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford, 1997.
5. Payne J. R. Negation // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. I. Clause structure. Cambridge, 1985. Pp. 197–242.

С.А. Оскольская, А.Б. Шлуинский
 ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
 ИЯз РАН, Москва

К сопоставлению аспектуальной деривации в урало-алтайских языках¹

В статье представлено исследование аспектуальной деривации в урало-алтайских языках на материале выборки из 15 языков, представляющих разные группы обеих семей. Во-первых, обсуждаются формальные механизмы аспектуальной деривации: суффиксы, легкие глаголы и превербы / приставки. Во-вторых, рассматривается место аспектуальной деривации в видовой системе языка, которая может быть словоизменительной, словоклассифицирующей или «смешанной». В-третьих, сопоставляются аспектуальные значения, выражаемые в разных языках при помощи деривационных средств: значения предикатной множественности, фазовые значения, значения интенсивности.

Ключевые слова: *уральские языки, алтайские языки, аспектуальная деривация, видовые системы, предикатная множественность, акциональность.*

The paper deals with aspectual derivation in Ural-Altaic languages based on a sample of 15 languages that represent different branches of both language families. Firstly, formal means of aspectual derivation (suffixes, light verbs, preverbs / prefixes) are discussed. Secondly, the place of aspectual derivation in the aspect system (that may be inflectional, derivational, or ‘mixed’) of a language is studied. Thirdly, aspectual meanings expressed in different languages through derivation (pluractional meanings, phasal meanings, intensificational meanings) are compared.

Keywords: Uralic languages, Altaic languages, aspectual derivation, aspect systems, pluractionality, actionality.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00416 (вклад С.А. Оскольской) и в рамках проекта РГНФ № 12-34-01255 (вклад А.Б. Шлуинского).

1. Введение

В настоящей работе предлагаются результаты пилотного сопоставительного исследования аспектуальной деривации в урало-алтайских языках.

Как известно, так называемые урало-алтайские языки не представляют собой генетического единства; если уральские языки – общепринятое генетическое единство, то генетическая общность алтайских языков остается предметом дискуссий, к которой мы не возвращаемся в рамках этой работы, принимая «максимальный» вариант алтайской семьи. Общность урало-алтайских языков понимается как ареально-типологическая и, с одной стороны, кажется скорее интуитивно очевидной, а с другой – никогда не подвергалась какой-либо специальной верификации.

Мы ставим своей задачей типологическое сопоставление нетривиального фрагмента грамматической системы в небольшой выборке, которое, в частности, может показать как наличие сходств между уральскими и алтайскими языками, так и близость урало-алтайских языков друг к другу в целом.

В Таблице 1 представлена использованная нами выборка урало-алтайских языков и использованные источники данных по ним. Мы стремились к относительно равномерному охвату разных ветвей обеих рассматриваемых языковых семей, но, в то же время, отдаём себе отчет в том, что более детальное исследование рассматриваемых языков, так и привлечение материала других языков может существенно скорректировать наши выводы.

Таблица 1. Используемая выборка урало-алтайских языков.

язык	генетическая принадлежность	источники данных
уральские языки		
эстонский	< прибалтийско-финские < финно-угорские	[Rätsep 1978], [Erelt 2003], [Erelt et al. 1995], [Metslang 2001]
марийский	< волжские < финно-угорские	тексты экспедиций МГУ, частично опубликованные в [Кузнецова и др. (ред.) 2012: 709–745], полевые данные Н.В. Востриковой, [Пенгитов (ред.) 1961], [Вострикова 2002], [Егорушкин, Чумакина 2002]

удмуртский	< пермские < финно-угорские	полевые данные ^{2 3} , полевые данные Н.В.Сердобольской, [Перевошиков (ред.) 1962]
венгерский	< угорские < финно-угорские	[Майтинская 1959], [Kenessei et al. 1998], [Csirmaz 2004], [Kiss 2008]
мансиjsкий	< угорские < финно-угорские	[Ромбандеева 1973]
пите-саамский	< саамские < финно-угорские	[Wilbur 2014]
энецкий	< самодийские	полевые данные ⁴
алтайские языки		
чувашский	< булгарские < тюркские	полевые данные ⁵ , [Павлов (ред.) 1957], [Резюков 1959], [Андреев 1961], [Шлуинский 2006a], [Tatevosov 2007]
башкирский	< кыпчакские < тюркские	полевые данные ⁶ , [Мищенко 2012], [Дмитриев 2008 (1948)]
хакасский	< сибирско-алтайские < тюркские	полевые данные ⁷ , [Баскаков (ред.) 1975], [Дыренкова 1948], [Шлуинский 2006b]
калмыцкий	< монгольские	[Гото 2009], [Баранова 2009], [Сай 2009]
монгольский	< монгольские	[Тодаева 1951], [Дугарова 1991], [Svantesson 1991], []
нанайский	< амурские < тунгусо-маньчжурские	полевые данные ⁸ , [Аврорин 1961], [Оскольская, Стойнова 2012]
удэгейский	< амурские < тунгусо-маньчжурские	[Перехвальская 2012], [Nikolaeva, Tolskaya 2001]
японский	< японо-рюкюские	[Аллатов и др. 2008]

² Неформальная экспедиция в с. Зура Игринского р-на респ. Удмуртия (Д.С. Ганенков, А.Б. Шлуинский), 2001 г.

³ Примеры, взятые из полевых данных авторов, приводятся без ссылок на источник.

⁴ Экспедиции в пос. Потапово и г. Дудинка Таймырского муниципального р-на Красноярского края в рамках проекта «Документация энецкого языка» при поддержке международного фонда ELDP при Институте Азии и Африки Лондонского университета (О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский, М.А. Овсянникова, Н.М. Стойнова, С.А. Трубецкой), 2008–2010 гг.

⁵ Экспедиция филологического факультета МГУ в с. Шимкусы Янтиковского р-на респ. Чувашия (рук. С.Г. Татевосов), 2001 г.

⁶ Экспедиции филологического факультета СПбГУ в д. Рахметово Абзелиловского р-на респ. Башкортостан (рук. Е.В. Перехвальская, С.С. Сай), 2011–2014 гг.

⁷ Экспедиция Института лингвистики РГГУ в с. Казановка Аскизского р-на респ. Хакасия (рук. Н.Р. Сумбатова), 2002 г.

⁸ Экспедиции в Хабаровский край (С.А. Оскольская, Н.М. Стойнова, К.А. Шагал, Д.Ф. Мищенко, Г.А. Мороз), 2007 г., 2009 г., 2011–2013 гг.

2. Аспектуальная деривация

Под **аспектуальными значениями** мы в настоящей работе понимаем сравнительно широкий круг значений, касающихся способа протекания ситуации или ее «окна наблюдения». Во-первых, это значения, связанные с категорией собственно вида ('viewpoint aspect'), противопоставляющие имперфективный аспектуальный ракурс перфективному. Во-вторых, это значения акциональной модификации, изменяющие акциональную структуру ситуации, то есть состав ее фаз – сюда относятся телисизация и детелисизация, добавляющие или устраняющие точку кульминации; а также результативы, добавляющие фазу результирующего состояния. В-третьих, это значения предикатной множественности, для которых исходная ситуация является повторяющимся «квантом». В-четвертых, это значения, характеризующие большую или меньшую интенсивность осуществления ситуации относительно pragmatically естественного стандарта.

Деривацию мы противопоставляем словоизменению. Не имея возможности возвращаться здесь к многократно обсуждавшемуся вопросу о различии деривации и словоизменения, кратко перечислим основные отличительные признаки деривации: (1) дериват, будучи отдельной лексемой, имеет собственную полную глагольную парадигму, а не только определенную форму; (2) деривационное значение не является обязательным в общепринятым в грамматической теории смысле, а отсутствие деривационного показателя незначимо; (3) деривация имеет лексические ограничения, часто прихотливые; (4) для деривации свойственна лексикализация значений, так что, помимо предсказуемой суммы значений исходной основы и деривационного показателя, дериват может иметь и дополнительные семантические компоненты. Следует оговорить, что мы понимаем деривацию относительно широко и включаем в нее и аналитические образования – идиоматические или, напротив, продуктивные.

Предметом исследования, таким образом, являются аспектуальные значения, выражаемые при помощи деривации. Оговорим, что мы рассматриваем только внутриглагольную деривацию, то есть такие случаи, когда и производящей, и производной лексемой является глагол.

Мы проводим сопоставление аспектуальной деривации в трех отношениях: это ее формальные механизмы (в разделе 3), ее место в видовой системе (в разделе 4) и выражаемые при ее помощи аспектуальные значения (в разделе 5).

3. Формальные механизмы аспектуальной деривации

В урало-алтайских языках представлены следующие формальные механизмы, используемые для аспектуальной деривации: суффиксы, легкие глаголы, превербы / префиксы.

Суффиксы представлены в том или ином объеме во всех рассматриваемых языках, кроме эстонского и японского, ср. (1)-(3).

(1) марийский

йода ‘спросить’ > *йод-ышта* ‘расспрашивать’ [Пенгитов (ред.) 1961: 226]

(2) нанайский

яжа ‘камлать’ > *яжа-lo* ‘начать камлать’

(3) энецкий

рип ‘положить’ > *ри-go* ‘класть’

В подавляющем большинстве случаев речь идет о «старых» суффиксах с непрозрачной этимологией, но есть и «молодые суффиксы», этимология которых остается прозрачной, как в (4).

(4) хакасский

kiz ‘наде(ва)ть’ > *kiz-ibis* ‘надеть’ [-i_bis < -ip ‘CVB’ + i_s ‘посылать’]

Легкие глаголы представляют собой аналитическое деривационное средство: дериват представляет собой сложное образование из деепричастной формы лексического глагола и принимающего словоизменение легкого ([полу]вспомогательного) глагола; при этом сочетание лексического и легкого глагола обладает высокой синтаксической и просодической слитностью, в частности не допуская вложение каких-либо составляющих между ними⁹. Легкие глаголы представлены в марийском, чувашском,

⁹ Глубокое функциональное сходство между легкими глаголами и деривационной морфологией показано, в частности, в работах М. Батт, см. [Butt 2010].

башкирском, хакасском, калмыцком, монгольском, японском языках, ср. (5)-(7).

(5) марийский

šolta '(с)варить' > *šolt-en kəška* 'быстро сварить' [варить-CVB бросать]

(6) чувашский

šjivär 'спать' > *šjivär-sa il* 'поспать' [спать-CVB брать]

(7) калмыцкий

unt 'спать' > *unt-ž od* 'засыпать' [спать-CVB.IPFV уходить]

Превербы и префиксы объединяют этимологически близкие случаи, когда дериват представляет собой сочетание глагольной основы с префиксом или отделимым элементом, сохраняющим пространственную семантику. Будучи типологически сравнительно распространенным явлением, в урало-алтайских языках превербы и префиксы редки и в нашей выборке представлены только в эстонском, мансийском и венгерском языках, ср. (8)-(9).

(8) эстонский

tund 'знать' > *tund ära* 'узнать' [Metslang 2001: 446]

(9) мансийский

kut's'(u) 'пьянять, быть пьяным' > *xot-kut's'(u)* 'опьянять' [Ромбандеева 1973: 181]

На Схеме 1 представлена сеть¹⁰, в которой графически отражена структурная близость языков выборки с точки зрения представленных в них формальных механизмов аспектуальной деривации.

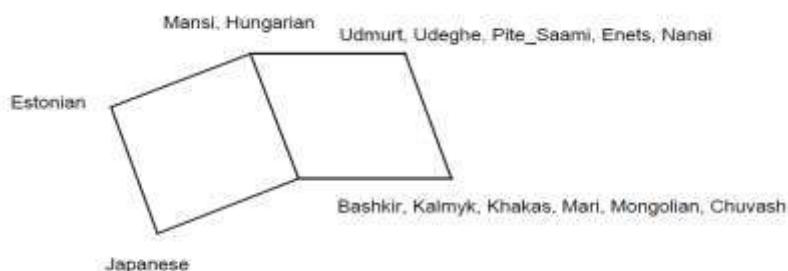

Схема 1. Сравнение языков выборки по наличию формальных механизмов аспектуальной деривации.

¹⁰ Представленные в настоящей работе «сети» (NeighbourNets) составлены с помощью программы SplitsTree4 [Huson, Bryant 2006]. Количество и длина линий, связующих углы с названиями языков, отражают их структурную близость с точки зрения рассматриваемых параметров.

4. Место аспектуальной деривации в видовой системе

Поскольку значения собственно вида (viewpoint aspect) принадлежат к числу выражаемых в рамках аспектуальной деривации, существенно, как аспектуальная деривация соотносится с видовой системой соответствующего языка.

В том, что касается общей типологии видовых систем, – речь идет о различении перфективного vs. имперфективного ракурса – мы различаем три их типа:

- (1) словоизменительные системы, в которых видовое значение определяется глагольной формой;
- (2) словоклассифицирующие системы, в которых видовое значение определяется глагольной лексемой;
- (3) «смешанные» системы, в которых видовое значение может определяться как глагольной формой, так и глагольной лексемой.

В типологически более частом случае словоизменительной видовой системы аспектуальная деривация, помимо частного собственного значения, может влиять только на акциональные свойства глагола, но в случае словоклассифицирующей или «смешанной» видовой системы аспектуальная деривация, помимо частного собственного значения, определяет и акциональные свойства глагола, и его видовую характеристику.

Словоизменительная видовая система представлена из языков выборки в марийском, удмуртском, пите-саамском, чувашском, башкирском, монгольском, удэгейском и японском. В этих языках основа всякого глагола нейтральна относительно собственно вида, который в свою очередь выражается внутри глагольной парадигмы – так, в (10a) представлена перфективная глагольная форма, а в (10b) имперфективная; значение аспектуальной деривации комбинируется с «собственно видовым», как в (10c).

(10) марийский

a.	kova-m	šür-əm	šolt-en	
	бабушка-1SG	суп-ACC	варить-PST.3SG	
'Бабушка сварила суп.'				
b.	kova-m	šür-əm	šolt-a	əle
	бабушка-1SG	суп-ACC	варить-PRS.3SG	было
'(Когда я пришел домой), бабушка варила суп.'				
c.	kova-m	šür-əm	šolt-en	kəšk-en
	бабушка-1SG	суп-ACC	варить-CVB	бросать-PST.3SG
'Бабушка быстро сварила суп.' [данные Н.В. Востриковой]				

Словоклассифицирующая видовая система представлена в энецком, мансиjsком и венгерском языках. Собственно вид является в этих языках характеристикой глагольной лексемы, и всякий глагол может быть охарактеризован как перфективный или имперфективный. Аспектуальная деривация используется в том числе и для того, чтобы сменить видовую характеристику глагола – так, в (11a) представлен имперфективный исходный глагол, а в (11b) – его перфективный дериват; в (12a) представлен перфективный исходный глагол, а в (12b) – его имперфективный дериват.

(11) венгерский

- a. *Éva festette* а *haját*
Эва красить.PST DEF волосы.3SG

‘(В тот момент) Эва красила (was dying) свои волосы.’ [Kiss 2008: 20]

- b. *Éva be-festette* а *haját*
Эва PREF-красить.PST DEF волосы.3SG

‘Эва покрасила (dyed) свои волосы.’ [Kiss 2008: 19]

(12) энецкий

- a. *buniki-ni?* *tɔt/koz* *əta-da-z?*
собака-PL.1DU потом накормить-FUT-1SG
‘Наших собак я потом накормлю.’

- b. *fít* *əta-go-za-z?*
ты.ACC накормить-DUR-FUT-1SG
‘Я тебя кормить буду.’

В венгерском языке представлены средства аспектуальной деривации только для смены видовой характеристики от имперфективной к перфективной, как в (11) и (13). Мансиjsкий и энецкий допускают направление смены видовой характеристики в обе стороны, как в (14)-(15), но для энецкого более характерна имперфективация, а для мансиjsкого многое более характерна перфективация.

(13) венгерский

ér-ni ‘касаться’ > *ér-int-eni* ‘коснуться’ [касаться-SEMEL-INF]
[Майтинская 1959: 118]

lát-ni ‘видеть’ > *meg-lát-ni* ‘увидеть’ [PREF-видеть-INF]
[Майтинская 1959: 180]

(14) энецкий

adu ‘сесть’ > *adu-r* ‘садиться многократно’ [сесть-MULT]

k̡ma ‘хотеть’ > *k̡ma-r(u)* ‘захотеть’ [хотеть-INCH]

(15) мансийский

sāyr(u) ‘рубить’ > *sāyr-ap(a)* ‘отрубить’ [Ромбандеева 1973: 161]

kantm(u) ‘быть сердитым’ > *xot-kantm(u)* ‘рассердиться’
[Ромбандеева 1973: 181]

xariyl(a) ‘потухнуть’ > *xariyl-ānt(u)* ‘гаснуть постепенно, потухать’ [Ромбандеева 1973: 172]

«Смешанная видовая система – наиболее естественный способ охарактеризовать вид в хакасском, нанайском и калмыцком языках. В этих языках основа непроизводного глагола без показателей аспектуальной деривации нейтральна относительно «собственно вида», но также нейтрально и глагольное словоизменение – так, примеры (16a) и (17a) показывают, что формы прошедшего времени в нанайском и хакасском языках соответственно могут иметь и имперфективные, и перфективные употребления. В то же время аспектуальная деривация используется в том числе и для того, чтобы задать видовую характеристику производной глагольной лексемы – так, в (16b) представлен нанайский производный имперфективный глагол, а в (17b) – хакасский перфективный.

(16) нанайский

a. mi ag-bi bičxə-wə niru-xə-ni

1SG старший.брат-1SG письмо-OBL писать-PST-3SG

1. ‘(Когда я вчера пришел к себе домой), мой старший брат писал письмо.’

2. ‘Мой старший брат написал письмо.’

b. mi ag-bi bičxə-wə niru-či-xə-ni

1SG старший.брат-1SG письмо-OBL писать-IPFV-PST-3SG

1. ‘(Когда я вчера пришел к себе домой), мой старший брат писал письмо.’

2. *‘Мой старший брат написал письмо.’

(17) хакасский

a. ajdo pičik-ti pas-xan

Айдо бумага-ACC писать-PST

1. ‘Айдо написал письмо.’

2. ‘(Когда я вошел), Айдо писал письмо.’

- b. ajdo pičik-ti paz-*ibis*-xan
 Айдо бумага-ACC писать-PFV-PST
 1. ‘Айдо написал письмо.’
 2. *(Когда я вошел), Айдо писал письмо.’

В хакасском языке представлены средства аспектуальной деривации только для «фиксации» видовой характеристики глагола в сторону перфективной, ср. (18). Нанайский и калмыцкий языки допускают «фиксацию» как перфективной, так и имперфективной видовой характеристики глагола, ср. (19)-(20).

(18) хакасский

- aýir ‘болеть’ > aýir-*ibis* ‘заболеть, проболеть’ [болеть-PFV]
 tur ‘стоять’ > tur-*ip al* ‘(немного) постоять’ [стоять-CVB брать]

(19) нанайский

- uləsi ‘любить’ > uləsi-**lu** ‘полюбить’ [любить-INCH]
 җара ‘брать/взять’ > җара-**ča** ‘держать’ [брать-RES]

(20) калмыцкий

- zuu ‘кусать/укусить’ > zuu-**čkə** ‘укусить’ [кусать-PFV] [Гото 2009: 146]

ög ‘давать/дать’ > ög-**čä** ‘(пере)давать’ [давать-PROG] [Овсянникова 2009: 103]

külä ‘ждать’ > külä-**väd orkə** ‘прождать’ [ждать-CVB.ANT класть] [Баранова 2009: 261]

al- ‘убивать/убить’ > al-ad **kevt** ‘постоянно убивать’ [убивать-CVB.ANT лежать] [Баранова 2009: 285]

На Схеме 2 представлена сеть, в которой графически отражена структурная близость языков выборки с точки зрения типа видовой системы и направления перфективации vs. имперфективации в рамках аспектуальной деривации. Схема 3 представляет собой наложение Схемы 1 и Схемы 2 друг на друга, то есть отражает структурную близость языков выборки как с точки зрения формальных механизмов деривации, так и с точки зрения соотношения с видовыми системами.

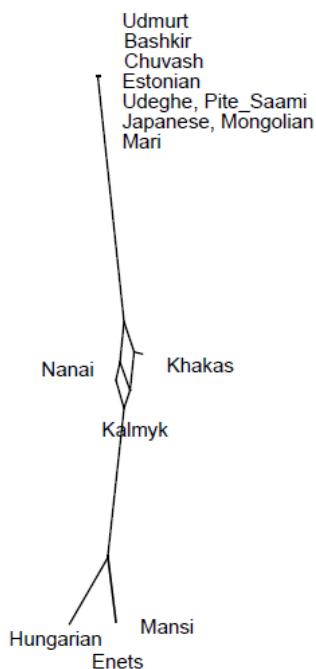

Схема 2. Сравнение языков выборки по типу видовой системы и направлению перфективации vs. имперфективаии.

Схема 3. Сравнение языков выборки по типу видовой системы, направлению перфективаии vs. имперфективаии и наличию разных типов формальных механизмов аспектуальной деривации.

5. Выражаемые аспектуальные значения

В этом разделе будут рассмотрены значения, которыми обладают средства аспектуальной деривации в урало-алтайских языках. Эти значения условно классифицированы по некоторым семантическим зонам.

Обращаясь к выражаемым урало-алтайской аспектуальной деривацией значениям, следует прежде всего оговорить, что мы

не рассматриваем при сопоставлении сравнительно редкие значения, засвидетельствованные только в отдельных языках выборки. Примерами таких значений могут служить инстабилитив (событие достигает результата на время), как в (21), авансфактив (событие имеет место заранее), как в (22), конатив (имеет место попытка осуществления события), как в (23).

(21) мансийский

pājalt(a) ‘закипеть’ > *pājalt-āl(u)* ‘закипеть на время’
[Робмандеева 1973: 168]

tārt(a) ‘отпустить’ > *tārt-āl(u)* ‘отпустить ненадолго’
[Робмандеева 1973: 168]

(22) чувашский

nēçer ‘варить’ > *nēçer-ce xyp* ‘сварить заранее’ [варить-CVB
класть] [Павлов (ред.) 1957: 180]

(23) марийский

kutyr ‘говорить’ > *kutyr-en oncha* ‘попробовать поговорить’
[говорить-CVB смотреть] [Пенгитов (ред.) 1961: 214-215]

Далее, в имеющемся материале представлены случаи нетривиальной полисемии – когда показатель имеет значения, принадлежащие к разным рассматриваемым ниже семантическим зонам. Примерами могут служить совмещение итератива и семельфактива, как в (24), или аттенуатива и дуратива, как в (25). В таких случаях мы условно считаем соответствующий показатель в соответствующем языке показателем обоих значений, хотя по существу, разумеется, не предполагаем здесь случайной омонимии, а скорее считаем, что требуется дальнейшее исследование такой полисемии.

(24) марийский

a. *šog* ‘стоять’ > *šog-alt* ‘часто стоять’

b. *kokər* ‘кашлять’ > *kokər-alt* ‘кашлянуть’ [данные
Н.В. Востриковой]

(25) нанайский

a. *niru* ‘(на)писать’ > *niru-nəsi* ‘(на)писать кое-как где попало’

b. *garpa* ‘стрелять / выстрелить из лука’ > *garpa-nasi* ‘стрелять из
лука’

Ниже, на материале конкретных показателей, показано, какие значения получают в языках выборки специализированное выражение. При этом, разумеется, значение показателей трактуется нами весьма приблизительно, и мы ни в коей мере не говорим о полной синонимии показателей – в разных языках или в одном и том же языке (а тем более – об идентичной лексической сочетаемости, которая для каждого показателя бывает весьма прихотлива).

5.1. Значения предикатной множественности

Для целей настоящего исследования среди значений предикатной множественности мы проводим только одно различие – противопоставляем случай, когда производная ситуация является повторением исходной сама по себе, и случай, когда исходная ситуация повторяется за счет смены одного из участников.

Значения **мультипликатива** / **итератива** / **дисконтинуатива** объединяют случаи, когда (под)события-кванты повторяются в рамках единого (макро)события, ср. (26). В языках выборки показатели таких значений представлены в марийском (-эшт / -ышт, -алт, -ыл, -кал), удмуртском (-л, -лля, -йа), венгерском (-гат, -дос), мансийском (-јyt, -as'l, -јyl, -āl / -al / -l), энецком (-р, -га, -ру), башкирском (-үәла, -штәр), хакасском (tur- [<‘стоять’]), монгольском (-лз, -гн, -л) и нанайском (-лси, -кта).

- (26) удмуртский
 бызь ‘бежать’ > бызь-**ыл** ‘бегать’
 учк смотреть > учк-**ыл** ‘поглядывать’
 пöзьт ‘варить’ > пöзьт-**ыл** ‘часто / многократно варить’ [данные Н.В. Сердобольской]

Значение **дистрибутива** состоит в том, что (под)события-кванты повторяются в рамках единого (макро)события с вовлечением разных участников или разных мест, ср. (27). В языках выборки такие показатели имеются в марийском (*кошта* [<‘ходить, ездить’]), венгерском (-gal, -kál), мансийском (-yal), чувашском (*š'üge* [<‘ходить’]), хакасском (-ула).

(27) хакасский

турғыс ‘ставить’ > *турғыс-хла* ‘ставить (многие объекты)’
 [Баскаков (ред.) 1975: 186]

пар ‘идти, уходить’ > *пар-гла* ‘идти, уходить (о многих субъектах)’ [Баскаков (ред.) 1975: 187]

5.2. Фазовые значения

Значения, которые связаны с изменением структуры фаз ситуации, можно разделить на две больших группы – телисизирующие (в словоклассифицирующих и «смешанных» видовых системах они же «по совместительству» являются и перфективирующими) и детелисизирующие (в словоклассифицирующих и «смешанных» видовых системах они же имеют и имперфективирующую функцию).

Телисизирующие значения ограничивают ситуацию во времени, акцентируют в ее структуре точку кульминации или добавляют эту точку в ее структуру.

Делимитатив ограничивает во времени продолжительность длящейся фазы ситуации, ср. (28). Соответствующие показатели имеют в языках выборки сходную или общую этимологию и представлены в марийском (*нала* [< ‘брать’]), чувашском (*il* [< ‘брать’]), башкирском (*al* [< ‘брать’]) и хакасском (*al* [< ‘брать’]) языках.

(28) башкирский

jäšä ‘жить’ > *jäšä-p al* ‘немного пожить’ [жить-CVB брать]

jütkäre ‘кашлять’ > *jütkäre-p al* ‘немного покашлять’
 [кашлять-CVB брать]

Телисизатор вводит или акцентирует точку кульминации ситуации – начальную, финальную или за счет выделения единичного кванта мультиплекативной ситуации, ср. (29)-(31). В случае словоклассифицирующих или «смешанных» систем это значение эквивалентно наиболее общему значению перфектива. В силу общего характера этого значения, оно широко распространено в языках выборки, а также в большинстве из них имеет различные средства выражения, которые часто, во-первых, распределены лексически, а во-вторых, помимо аспектуального значения имеют и другие семантические компоненты. Речь идет о следующих языках: эстонский (*ära, läbi* и др.), марийский (*кая*

[<‘идти, уйти’], *колта* [<‘послать’], *шында* [<‘посадить’], *шинча* [<‘сесть’], *шогала* [<‘встать’], *лекта* [<‘выйти’], *пышта* [<‘положить’], *кода* [<‘оставаться’], *кода* [<‘оставлять’]), удмуртский (-*m*, -*lm*, -*ž* / -*č*), венгерский (*meg-*, *be-*, *elő-*, *vissza-*, *át-*, *túl-*, *oda-* (*ide-*), *el-*, *fel-* (*föl-*), *ki-*, *le-*, *össze-*), мансийский (-*liyt*, -*ap*, -*as*, -*äl*, -*al*, -*l*, *xot-*, *lap-*, *él-*, *jol-*, *nōx-*, *juw-*, *tuw-*), чувашский (*kaj* [< ‘уходить’], *jar* [< ‘пускать’], *jul* [<‘остаться’]), хакасский (-*ibis* [< -*ip-is* ‘CVB + посыпать’], *sal* [<‘класть’], *kil* [<‘приходить’], *xal* [<‘оставаться’]), калмыцкий (-*čkə*, -*žə* + *od* [<‘уходить’], -*ad* + *ork-* [<‘класть’]), удэгейский (-*la-*).

(29) марийский

kuv-am *čəvəštal* *kolt-a*
бабка-ACC щипать.CVB посыпать-PRS.3SG

‘(Дедушка) ущипнул бабку.’ [Кузнецова и др. (ред.) 2012: 716]

(30) чувашский

ivan *š'ivär-sa* **kaj-r-ě**
Иван спать-CVB уходить-PST-3

‘Иван заснул.’

(31) калмыцкий

bi *pasport-an* *gee-čkə-v* / *gee-və*
я.NOM паспорт-REFL терять-PFV-PST.1SG терять-PST.1SG
‘Я потерял паспорт.’ [Гото 2009: 146]

Инхоатив вводит отсутствующую в исходной фазовой структуре начальную точку ситуации, ср. (32)-(33). Такие показатели в рамках выборки представлены в венгерском (-*pod* / -*mod*), мансийском (-*alt*, -*tiyt*, -*uml*, -*umt*), энецком (-*r(u)*, -*u*, -*ku*), хакасском (*six* [<‘выходить’], *par* [< ‘идти’]), монгольском (эхлэх [<‘начинать’]), нанайском (-*lo*, -*psin*), удэгейском (-*li*), японском (*iku* [< ‘идти, уходить’]) языках.

(32) венгерский

fut-ni ‘бежать’ > *futa-mod-ni* ‘пуститься бежать’ [Майтинская 1959: 118]

(33) японский

ugokash- ‘шевелить’ > *ugokash-ite iku-* ‘зашевелить’ [шевелить-CVB уходить] [Алпатов и др. 2008: 358]

Семельфактив выражает единичный квант ситуации, описываемой исходным глаголом, ср. (34). Соответствующие показатели иллюстрируют следующие языки: марийский (-алт, -ыл), удмуртский (-шт), венгерский (-dal, -csol), мансийский (-at, -uw1, -m).

(34) удмуртский

нюлы-ны ‘лизать’ > *нюлы-шты-ны* ‘лизнуть’ [Перевошиков (ред.) 1962: 221]

ыбы-ны ‘стрелять’ > *ыбы-шты-ны* ‘стрельнуть’ [Перевошиков (ред.) 1962: 221]

Детелисизирующие значения акцентируют в структуре ситуации дляящуюся фазу или добавляют эту фазу в ее структуру.

Результатив описывает дляящуюся результирующую фазу ситуации, наступающую после достижения точки кульминации, как в (35). Такие показатели из языков выборки отмечены в чувашском (*lar* [< ‘сидеть’], *tär* [< ‘стоять’]), башкирском (*tor* [< ‘стоять’]) и нанайском (-са).

(35) чувашский

śiš^j- ‘опухать’ > *śiš^j-sa tär-* ‘быть опухшим’ [опухать-CVB стоять]

śän - ‘замерзать’ > *śän-sa tär-* ‘быть замерзшим’ [замерзать-CVB стоять]

Дуратив вводит или акцентирует дляящуюся фазу ситуации, либо получает хабитуальную или итеративную интерпретацию, ср. (36)-(37). В случае словоклассифицирующих или «смешанных» систем это значение эквивалентно наиболее общему значению имперфектива. Как и противоположное общее телисизирующее значение, деривационные средства выражения дуративного значения широко распространены, но и в отношении количества языков, и в отношении используемых в них показателей имеют существенно меньший разброс. В выборке оно представлено в таких языках, как марийский (*шога* [< ‘стоять’], *кия* [<‘лежать’]), венгерский (-dokol, -doz, -kod), мансийский (-ānt / -ant), энецкий (-go, -be), башкирский (*jat* [< ‘лежать’]), калмыцкий (-ad + *jov* [< ‘ходить’], -ad + *kevt* [< ‘лежать’], -ad + *suu* [< ‘сидеть’]), нанайский (-či, -nase), удэгейский (-si).

(36) марийский

ere *paša-m* *əšt-en* ***kij-əš-na***
 постоянно работа-ACC делать-CVB лежать-PST-1PL

‘Мы все время много работали.’ [тексты экспедиций МГУ]

(37) удэгейский

зәијi ‘готовить, приготовить (пищу)’ > *зәијi-si* ‘готовить (пищу)’
 [Перехвальская 2012: 386]

zəgdə ‘гореть, сгореть’ > *zəgdə-si* ‘гореть’ [Перехвальская 2012: 386]

Прогрессив также акцентирует длящуюся фазу ситуации, ср. (38), но его сфера применения ограничена ситуацией единичной; прогрессивные деривации избегают хабитуального значения тех глагольных форм, у которых оно есть в языковой системе. В нашей выборке показатели прогрессива представлены в чувашском (*lar* [< ‘сидеть’], *tăr* [< ‘стоять’]), башкирском (*ultər* [< ‘сидеть’]), калмыцком (-*җa*, -*җə* + *jov* [< ‘идти’]), монгольском (*суух* [< ‘стоять’], *явах* [< ‘ходить’], *хэвтэх* [< ‘лежать’], *ирэх* [< ‘приходить’]).

(38) монгольский

Дорж захидал бичи-жс *суу-в*

Дордж письмо писать-CVB стоять-PST

‘Дордж писал письмо.’ [Тодаева 1951: 117]

5.3. Значения интенсивности

Материал языков выборки содержит показатели со значениями собственно повышенной или пониженной интенсивности осуществления ситуации, а также со значением повышенной скорости.

Интенсив характеризует ситуацию как происходящую с повышенной интенсивностью, ср. (39). Такие показатели представлены в марийском (-*ылт*, *опта* [< ‘класть’]) и чувашском (-*Vpar* [< ‘давать’], *răgах* [< ‘бросать’], -*ala*) языках.

(39) марийский

онча ‘смотреть’ > *онч-ылтма* ‘рассматривать’ [Пенгитов (ред.) 1961: 228]

кия ‘лежать’ > *кий-ылтма* ‘валиться’ [Пенгитов (ред.) 1961: 228]

Аттенуатив, напротив, описывает ситуацию, которая имеет место с пониженной интенсивностью, ср. (40). Следует отметить, что понижение интенсивности может иметь различную конкретную интерпретацию: короткое время, неполный охват участника, низкое качество, а в частности – осуществление ситуации с интервалами, что в свою очередь создает зону пересечения этого значения со значениями предикатной множественности. Аттенуативные показатели представлены в следующих языках выборки: марийский (-ал), удмуртский (-мъясък), венгерский (-dogál), пите-саамский (-tj, -st, -d, -dall), энецкий (-jtu), чувашский (-kala), нанайский (-nase), удэгейский (-nda).

(40) марийский

kija ‘лежать’ > kija-**ла** ‘недолго полежать’ [Егорушкин, Чумакина 2002: 147]

pukša ‘кормить’ > pukša-**ла** ‘подкормить’ [Егорушкин, Чумакина 2002: 147]

Значение **цитофактива** состоит в том, что ситуация происходит с повышенной скоростью, ср. (41). Такие показатели в рамках выборки представлены в мансийском (-iýp, -ap, -uwj) и хакасском (tasta [< ‘бросать’]) языках.

(41) мансийский

mīrm(u) ‘нырнуть’ > mīrm-**iýp(a)** ‘нырнуть быстро’ [Ромбандеева 1973: 162]

xol(u) ‘кончиться’ > xol-**iýp(a)** ‘быстро кончиться’ [Ромбандеева 1973: 163]

На Схеме 4 представлена сеть, в которой графически отражена структурная близость языков выборки с точки зрения состава значений, выражаемых средствами аспектуальной деривации.

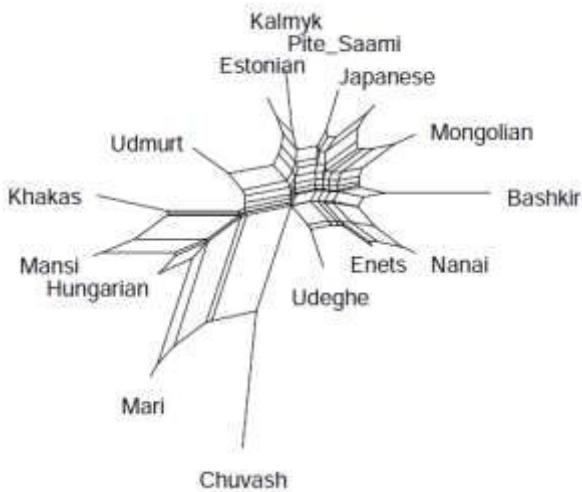

Схема 4. Сравнение языков выборки по значениям, выражаемым средствами аспектуальной деривации.

6. Заключение

По формальному выражению аспектуальная деривация более разнообразна внутри уральских языков (префиксы/превербы, легкие глаголы, суффиксы), чем внутри алтайских (легкие глаголы и суффиксы).

Среди уральских языков на алтайские больше похожи те, что находятся территориально близко к соответствующим алтайским языкам – как башкирский и чувашский, с одной стороны, и марийский, с другой. В то же время об очевидном урало-алтайском сходстве в области аспектуальной деривации говорить не приходится, как, впрочем, и о сходстве между языками внутри каждой из этих семей.

Наиболее распространенный в нашей выборке тип видовой системы — словоизменительный, что согласуется с типологическими ожиданиями. В рамках нашего материала словоклассифицирующие системы представлены только среди уральских языков, а «смешанные» – только среди алтайских, но, поскольку в обоих случаях словоклассифицирующие и «смешанные» системы не коррелируют ни с генетической, ни с ареальной близостью соответствующих языков, связь с соответствующими семьями, видимо, случайна.

Сокращения

1, 3 – 1, 3 число, ACC – аккузатив, CVB – деепричастие, CVB.ANT – деепричастие предшествования, CVB.IPFV – имперфективное деепричастие, DEF – показатель

определенности, DU – дв. число, DUR – дуратив, FUT – будущее время, INCH – инхоатив, INF – инфинитив, IPFV – имперфектив, MULT – мультиплектив, NOM – номинатив, OBL – косвенный падеж, PFV – перфектив, PL – мн. число, PREF – глагольная приставка, PROG – прогрессив, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, REFL – рефлексив, RES – результатив, SEMEL – семельфактив, SG – ед. число.

Литература

1. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М., Л., 1961.
2. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. М., 2008.
3. Андреев Н.А. Краткий грамматический очерк чувашского языка // Чувашско-русский словарь. М., 1961.
4. Баранова В.В. Сложные глаголы в калмыцком языке // Труды ИЛИ РАН V(2). Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб., 2009. С. 255–309.
5. Баскаков Н.А. (ред.). Грамматика хакасского языка. М., 1975.
6. Вострикова Н.В. Процесс грамматикализации вспомогательных глаголов в марийском языке // Третья зимняя типологическая школа. М.: РГГУ, 2002. С. 123–126.
7. Гото К.В. Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке // Труды ИЛИ РАН V(2). Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб., 2009. С. 124–159.
8. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., 2008 [1948].
9. Дугарова Г.С. Глагольный вид в современном монгольском языке. Новосибирск, 1991.
10. Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
11. Егорушкин А.А., Чумакина М.Э. К типологии аттенуатива // Третья зимняя типологическая школа. М.: РГГУ, 2002. С. 147–148.
12. Кузнецова А.И. и др. (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. М., 2012.
13. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. 2. Грамматическое словообразование. М., 1959.

14. Мищенко Д.Ф. Сложные глаголы и акциональные свойства глаголов в башкирском. Доклад на башкирском семинаре в СПбГУ, ноябрь 2012.
15. Овсянникова М.А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка // Труды ИЛИ РАН V(2). Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб., 2009. С. 94–123.
16. Оскольская С.А., Стойнова Н.М. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Проблемы языка. Сб. научных статей по материалам Первой конференции-школы. М.: ИЯз РАН, 2012. С. 213–230.
17. Павлов И.П. (ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары, 1957.
18. Пенгитов Н.Т. (ред.). Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.
19. Перевощикова П.Н. (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.
20. Перехвальская Е.В. Выражение аспектуальных значений в удэгейском языке // Труды ИЛИ РАН VIII(2). Типология аспектуальных систем и категорий. СПб., 2012. С. 361–395.
21. Резюков Н.А. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков. Чебоксары, 1959.
22. Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973.
23. Сай С.С. Грамматический очерк калмыцкого языка // Труды ИЛИ РАН V(2). Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб., 2009. С. 622–709.
24. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.
25. Шлуинский А.Б. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник МГУ, Серия 9 Филология, 2006а, № 1. С. 32–47.
26. Шлуинский А.Б. Акциональные классы глаголов в хакасском языке // Третья Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: Материалы. СПб., 2006б. С. 158–164.
27. Butt M. The light verb jungle: still hacking away // Complex Predicates: Cross-linguistic Perspectives on Event Structure. Cambridge: CUP, 2010. P. 48–78.

28. Csirmaz A. Perfective and imperfective aspect in Hungarian: (Invisible) differences // Proceedings of Console XII. Leiden: University of Leiden, 2004.
29. Erelt M. et al. Eesti keele grammatika. I: morfoloogia, sõnamoodustus. Tallinn: Eesti Keele Instituut, 1995.
30. Erelt M. Estonian Language. Tallinn: Estonian Academy Publishers, 2003.
31. Huson D. H., Bryant D. Application of Phylogenetic Networks in Evolutionary Studies // Mol. Biol. Evol., 23(2). 2006. P. 254–267.
32. Kenesei I. et al. Hungarian. London: Routledge, 1998.
33. Kiss K. The Function and the Syntax of the Verbal Particle // Event Structure and the Left Periphery. Studies on Hungarian. Dordrecht: Springer, 2008. P. 17–55.
34. Metslang H. On the developments of the Estonian aspect the verbal particle *ära* // The Circum-Baltic languages: typology and contact: grammar and typology. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 443–479.
35. Nikolaeva I., Tolskaya M. A Grammar of Udihe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
36. Rätsep H. Eesti keele lihtlause tütübid. Tallinn: Valgus, 1978.
37. Svantesson J.-O. Tense, Mood and Aspect in Mongolian // Lund University, Dept. of Linguistics Working Papers 38. 1991. P. 189–204.
38. Tatevosov S. Plural vs. Discontinuous Events: Degree Modification in Chuvash // Proceedings of the 2nd Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL 2). MIT Working Papers in Linguistics 54. 2007. P. 347-364.
39. Wilbur J. A grammar of Pite Saami. Berlin: Language Science Press, 2014.

В.Л. Саакян
МГЛУ, Москва

Особенности смыслового восприятия темы текста

В статье рассматриваются особенности смыслового восприятия речи, выявленные в ходе эксперимента по определению глобальной и локальных тем звучащего монологического текста в условиях наложения розового шума. Была проведена оценка модификаций, происходящих при формулировании информантами темы текста.

Ключевые слова: *смысловое восприятие, определение темы, розовый шум, спонтанный монолог, аудитивный эксперимент.*

This paper focuses on the investigation of sense perception, concentrating on the theme perception of monologues sounding in a noisy environment. The basic aim of this investigation is to form a method for the evaluation of how the ‘theme’ of a text is perceived by readers (hearers), and for the assessment of correctly identified text themes in conditions of insufficient information.

Keywords: sense perception, theme identification, pink noise, spontaneous monologue, auditory experiment.

Системный подход широко применяется к изучению звучащей речи, что приводит к рассмотрению механизмов речеобразования и восприятия языковых значений в их единстве. Р.К. Потапова подчеркивает, что «восприятие и интерпретация речевого сообщения только частично основаны на акустическом речевом сигнале. Акустический речевой сигнал следует рассматривать только как один из компонентов, способствующих распознаванию лингвистических структур» [Потапова, Михайлов 2012: 10-15].

В данной работе речевая коммуникация исследуется в ходе перцептивно-слухового эксперимента с целью изучения зависимости восприятия устных текстов от уровня шума. Данное направление исследований сегодня становится особенно актуальным, так как быстрыми темпами идет развитие цифровых сетей связи. Все передачи по системам вещания, телефонной связи, звукоусиления, записи и воспроизведения звука и т.п.

предназначены для человека. Восприятие речи необходимо изучать для правильного проектирования и эксплуатации этих систем [Сапожков 1989: 19].

При изучении понимания речи следует разобраться во многих проблемах, в число которых входят: психолингвистическая трактовка текста как такового; возможные подходы к моделированию процессов понимания текста; факторы, направляющие понимание, облегчающие или затрудняющие его, способствующие приращению смысла понимаемого или его утрате, т.е. непосредственно «связанные с вариативностью понимания одного и того же текста» [Солсо 1996: 332].

В построении смысла важным связующим компонентом становится контекст. Исследование контекста высказывания основано на предположении, что высказывания исполняют различные функции, которые зависят от ситуации. Дж. Остин [1962: 100] отмечает, что слова до некоторой степени объясняются контекстом, в котором они должны быть употреблены или же сказаны в процессе языкового взаимодействия.

Ф. Кабурайз [2011: 5] предлагает разделять контекст высказывания на коммуникативные действия. Часто мы произносим высказывания, которые имеют частично иное или абсолютно отличное от изначального значение, например, в намеках или саркастичных и ироничных комментариях. Тем не менее, адресанты понимают дополнительный или измененный смысл. Коммуникация в этом случае может состояться, потому что значение строится не только из языковых кодов, но также из общности контекста собеседников.

Значительную роль в процессе восприятия высказывания играет встречная мыслительная активность адресата речи, запускающая механизм упреждающего понимания, прогнозирования в речевой деятельности [Горелов, Седов 2001: 196]. Р.К. Потапова и В.Г. Михайлов [2012: 52] пишут, что «**знание значения слова формирует у носителя языка семантическое ожидание**, появление во фразе других слов с определенными семантическими признаками... Семантическое ожидание регулируется по мере наполнения контекста, который может быть подсказывающим». Можно предположить, что механизм семантического ожидания также работает при

формулировании темы текста. Значение воспринятых слов составляет контекст, а он, в свою очередь, играет важную роль в определении темы.

С.П. Петрунина в своей статье, посвященной оговоркам и ослышкам, уделяет большое внимание семантическому торможению. Она пишет, что семантическое торможение и прогнозирование, вызывающие ослышку зависят от ряда факторов: от контекста, темы беседы и ситуации общения, настроя, внутреннего состояния, подспудных мыслей слушающего. Причины появления оговорок в речи, очевидно, те же, что и причины возникновения ослышек, так как говорение включает слушание самого себя [Хоккет 1965: 139-166], поэтому анализ оговорок в речи диалектоносителей, предлагаемый ниже, в определенной степени приложим и к анализу ослышек. Семантическое торможение и прогнозирование обусловливают появление смысловых оговорок [Петрунина 2008: 104]. Возможно, именно такие «ошибки» изменяют частично или полностью смысл текста, воспринятый адресантами.

В процессе формирования опорных единиц восприятия и понимания текста выделяются две условных стадии. Первую стадию образуют процессы по выбору опорных схем понимания из ассоциативного поля слова, выступившего для читателя в качестве ключевого. Не всякое слово текста может являться ключевым в тексте, хотя во многих исследованиях подчеркивается мысль о том, что любой знак текста, даже запятая, может нести ключевую смысловую нагрузку. Вторая условная стадия опорного элемента понимания – это стадия, когда на базе ассоциативного значения слова уже образована некоторая схема понимания, переживаемая читателем как результат понимания именно данного текста [Соколов 2007: 234-245].

Текстообразующий потенциал ассоциативного поля слова рассматривается в связи со способами хранения и функционирования знаний у индивида [Залевская 1977: 6-9]. Среди форм организации схем знаний, которые пересекаются в пределах одного ассоциативного поля слова, наиболее важной для построения текста является модель ситуации. Именно она характеризует один из основных опорных элементов понимания, который влияет на выбор и структурирование поступающей в сознание информации. Модель ситуации рассматривается в двух

ракурсах: (а) как абстрактная модель ситуации, в которой выделяются позиции субъекта, объекта и т.д.; (б) как конкретная модель ситуации. Под последней понимается содержательное наполнение абстрактной модели ситуации.

В ходе восприятия текста у читателя формируются разные по сложности модели ситуации. Среди факторов, определяющих степень сложности и специфику привлекаемых на основе данной опорной модели схем знаний, наиболее важным представляется идентификация места читателя в моделируемом им ментальном пространстве. Поэтому в значении слова были найдены следы стратегии идентификации ассоциативного значения слова через позицию мыслящего субъекта в модели ситуации.

Безусловно, процесс понимания сообщения (например, выраженного в определенном тексте) носит более сложный характер. Для него необходимы различные процессы, часть которых связана с восприятием значения слов, часть – с декодированием синтаксических правил их сочетания. Уже на самых первых этапах восприятия сообщения возникают гипотезы или предположения о смысле сообщения, так что центральным для процесса понимания является поиск смысла, приводящий к выбору из ряда возникающих альтернатив [Пашук 2010].

Слушающий никогда не ставит своей задачей понять отдельные слова или изолированные фразы; оба этих процесса – понимание отдельных слов или фраз (особенно отчетливо выступающие при восприятии информации, которая дается на чужом, плохо знакомом языке) – играют роль подчиненных, вспомогательных операций и лишь в некоторых случаях превращаются в специально осознанные действия [Лурия 1979].

Учеными уделяется особое внимание методам анализа смысловой структуры текста. Большинство работ, посвященных восприятию речи, сосредоточены на процедурах идентификации слова. Однако на современном этапе возникают новые прикладные задачи, одной из которых является определение темы и/или предметной области звучащих текстов [Потапова, Хитина 2010; 2011].

Таким образом, можно определить следующие цели данной работы: 1) теоретическое исследование процесса смыслового восприятия речи; 2) исследование восприятия тем и подтем текста в условиях дефицита информации; 3) оценка количества правильно воспринятых тем и подтем.

В данной работе были проанализированы результаты эксперимента, проведенного в МГЛУ, в результате которого были получены статистические данные, которые позволили оценить (качественно и количественно) имеющиеся результаты, а также выявить некоторые особенности восприятия речи (розовый шум -14 дБ, -16 дБ, -18 дБ, -20 дБ).

Материалы эксперимента содержали аудиозаписи (монологи на разные темы: литература, музыка, отдых) и списки воспринятых слов (1 список на 1 монолог от каждого аудитора).

В качестве аудиторов выступили студенты старших курсов МГЛУ, возраст 20-22 года, русский язык является родным, жители РФ. Все аудиторы изучают английский и немецкий языки.

На первом этапе эксперимента информанты должны были прослушать несколько монологов при различных уровнях шума и записать единицы, которые им удалось при этом разобрать. Впоследствии на их основании аудиторы определяли тему и подтему монологов. Прослушивание осуществлялось без предварительной подготовки.

Далее было подсчитано общее количество воспринятых слов и вычислено их процентное отношение к числу единиц исходного текста. На основе обработки полученных данных были сформированы базы данных (БД), в которых была представлена оценка определения глобальной темы (предметной области) и локальных тем текста (подтем).

Проанализировав эти данные, можно сделать следующие предварительные выводы. В некоторых случаях происходили замены (модификации) глобальной и локальных тем: замена глобальной темы локальной; замена локальной темы глобальной; сужение глобальной темы; для глобальной темы – замена на тему, близкую по смыслу.

Подтемы были определены в 74 случаях из 120 (62%) (данные по всем аудиторам), а тема – в 99 случаях из 120 (82%). В некоторых случаях подтемы могли заменять тему. Замена подтемы темой присутствовала при уровнях шума в -14 дБ и -16 дБ. Сужение темы наблюдалось при уровне шума от -17 дБ до -20 дБ. Расширение темы отмечается при уровне шума от -16 дБ до -20 дБ. Также было выявлено количественное соотношение исходных и воспринятых тем: для каждого аудитора в рамках одного режима и для одного диктора в рамках трех режимов.

Можно отметить следующую тенденцию: с уменьшением уровня шума возрастает количество правильно определенных тем. Число правильно или частично правильно воспринятых тем (в %) прямо пропорционально уровню шума: при уровне шума (-14 дБ) – это 74,35%, (-16 дБ) – 54,03%, (-18 дБ) – это 42,59%, а для уровня (-20 дБ) он составил 21,94%.

Исследования отечественных и зарубежных ученых показали, что восприятие речи человеком – это процесс более сложный, чем нам казалось бы. Ученые неодинаково подходили к анализу процесса понимания смысла речевого сообщения, или процесса декодирования воспринимаемого речевого высказывания, поэтому на данный момент еще нет принятой всеми модели смыслового восприятия высказывания. Именно по этой причине эти данные имеют значение для изучения смыслового восприятия и речи. Материал, полученный в ходе проведенного эксперимента, может быть использован в сфере когнитивных наук.

Литература

1. Акустика: справочник / А.П. Ефимов, А.В. Никонов, М.А. Сапожков, В.И. Шоров; под ред. М.А. Сапожкова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989.
2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
3. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.
4. Лuria A.R. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М., 1979.
5. Пашук Н.С. Психология речи. Мн., 2010.
6. Петрунина С.П. Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: оговорки и ослышки // Вестник ТГПУ. 2006. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-shum-v-ustnoy-spontannoy-kommunikatsii-ogovorki-i-oslyshki> (дата обращения: 09.10.2014).
7. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М., 2003.
8. Потапова Р.К., Михайлов В.Г. Основы речевой акустики. М., 2012.

9. Потапова Р.К., Потапов В.В., Хитина М.В. К опыту смыслового восприятия звучащей речи в условиях акустического шума // Речевые технологии. 2010. № 2. С. 3-18.
10. Потапова Р.К., Хитина М.В. Особенности смыслового декодирования звучащих текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Языкознание. 2011. Т. 13. № 619. С. 193-202.
11. Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб., 2006.
12. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. 2-е изд. М., 2007.
13. Хоккет Ч. Грамматика для слушающего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 4. М., 1965. С. 139-166.
14. Материалы были получены в рамках Гособоронзаказа (руководитель Р.К. Потапова), договор (НИР): «Описание-СРФ».
15. Austin J. How to Do Things with Words. Oxford, 1962.
16. Balota D.A. Visual Word Recognition: The Journey from Features to Meaning. In M. Gernsbacher (Ed.), Handbook of Psycholinguistics. 1994.
17. Kaburise Ph. Speech Act Theory and Communication: A Univen Study. Cambridge ScholarsPub, 2011.
18. Flores d'Arcais G.B. & Schreuder R. The Process of Language Understanding: A Few Issues in Contemporary Psycholinguistics. In G.B. Flores d'Arcais Sc R.J. Jarvella (eds.).

Н.М. Стойнова
ИРЯ РАН, Москва

Побудительные употребления форм настоящего и будущего времени¹

В статье на материале Национального корпуса русского языка рассматриваются побудительные употребления форм 2-го лица настоящего и будущего времени (типа *Немедленно встаешь и уходишь!*). Выявлен круг императивных значений, который может обслуживаться подобными формами (приказ, инструкция, разрешение). Показано, что разные типы подобных употреблений обнаруживают разную степень формальной близости к специализированным формам императива. Как доступность императивного употребления для рассмотренных индикативных форм, так и наблюдаемые различия в степени конвенционализации, как показано в работе, коррелируют с семантикой соответствующих употреблений.

Ключевые слова: *русский язык, императив, индикатив, будущее время, время, вид.*

The paper deals with the imperative uses of indicative present and future forms in Russian (based on the data of Russian National Corpus). The range of imperative types that are accessible to such forms is revealed (Order, Permission, Instruction). Some formal parameters of conventionalization are considered for each type of imperative use of these indicative forms. It is also shown, that the possibility to be expressed by indicative forms and the degree of conventionalization correlates with the semantics of the imperative type.

Keywords: Russian, imperative, indicative, future, tense, aspect.

0. Введение

Со специализированными формами императива в побудительных контекстах могут конкурировать индикативные

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ №14-04-00264 «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики» и в рамках проекта по гранту РГНФ № 12-34-01255 «Событийность, клаузальность и финитность: данные разноструктурных языков в лингвистической теории».

формы. Использование индикативных форм в императивном значении наблюдается, в частности, в русском языке: ср. *Иди со мной! / Пойдешь со мной! Идеешь со мной! Пошел со мной!*

В настоящей работе рассматриваются преимущественно употребления семантически наиболее близких к императивным – форм будущего времени 2-го лица (типологические свидетельства близости императива и будущего времени см., напр., в [Bybee et al. 1991: 28]; [Bybee et al. 1994: 273–274]; [Гусев 2013: 147–149]). В меньшей степени (за недостатком материала) – формально и функционально близкие к ним императивные употребления настоящего времени 2-го лица. Специально не рассматриваются, однако привлекаются в качестве «основания для сравнения» императивные употребления прошедшего времени (по функциям и формальным свойствам сильно отличающиеся от употреблений форм как настоящего, так и будущего времени). Полностью за рамками исследования остаются гортативные употребления индикативных форм 1-го лица (типа *Пойдем в лес! Идем в лес! Давайте пойдем в лес!*), см. о них, напр., [Барентсен 2003].

Употребления индикативных форм в императивном контексте в русском языке неоднократно упоминались в литературе: ср., в частности, достаточно подробное описание в [Храковский, Володин 1986: 202–204], а также работу [Миных 1953].

Ниже обсуждавшиеся и не обсуждавшиеся ранее гипотезы об употреблениях такого типа по возможности верифицируются на материале Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru, далее НКРЯ).

Обсуждаются следующие вопросы. Какие именно из императивных контекстов могут обслуживаться формами настоящего и будущего времени и почему? Насколько подобные употребления близки к собственно императивным по формальным параметрам? И, таким образом, какова степень их конвенционализации в императивном контексте? Насколько в этом отношении различаются употребления будущего и настоящего времени между собой? Насколько они отличаются от аналогичных употреблений прошедшего времени? Насколько различаются по степени конвенционализации употребления настоящего / будущего времени в разных типах императивных контекстов и коррелирует ли это с pragматикой соответствующих контекстов?

1. Императивные контексты, обслуживаемые формами настоящего и будущего времени

1.1. Набор императивных контекстов

Применительно к **специализированным формам императива** обычно говорят о следующих основных контекстах: приказ, просьба, совет, разрешение, предложение, инструкция. Употребления **прошедшего времени** индикатива типа *Пошел прочь!* выражают только жесткий приказ.

Репертуар императивных употреблений настоящего и будущего времени значительно шире, хотя и не совпадает с репертуаром значений собственно императива.

Для настоящего и будущего времени доступны следующие побудительные контексты.

а) Приказ (жесткий)

(1) — *Поди и скажи <ок, — твёрдо приказала мать. — Она всё равно узнает. [В. Токарева. *Своя правда* (2002), НКРЯ]*

(2) — *Оставишь здесь <окоставляешь, оставь здесь>*, — приказала Ксения. [Е. Прошкин. *Механика вечности* (2001), НКРЯ]

Под отрицанием значению приказа соответствует значение запрета:

(3) — *Только об этом и думаешь! Никуда не пойдешь!* Она хлестнула девочку тетрадкой по уху, смяв тетрадь. [В. Токарева. *Рарака* (1964-1994), НКРЯ]

б) Инструкция

(4) ...а через пару кварталов *сверни <оксвернешь, сворачиваешь>* налево. [Н. Леонов, А. Макеев. *Гроссмейстер сыска* (2003), НКРЯ]

(5) ...сперва ступай ты на Арбат, с Арбата на Арбатец, отсюда в переулок Безыменный, из Безыменного в Безумный, здесь *своротишь <оксвороти>* в Пустую улицу... [И. Т. Кокорев. *Извозчики-лихачи и ваньки* (1849), НКРЯ]

в) Разрешение

(6) Сам *открой...* <оксам откроешь> — разрешила Горн. Я поспешил вытащил из кармана ключ, отпер футляр. [М. Елизаров. *Библиотекарь* (2007), НКРЯ]

(7) — Да, ладно, *будете выплачивать <оквыплачивайте>* кредит, когда сможете и по скольку

сможете. [Г. Шергова. ...Об известных всем (2002-2004), НКРЯ]

Стоит, однако, отметить, что будущим / настоящим временем может оформляться не всякий контекст разрешения. Чаще всего это не прототипическое разрешение, простой ответ на запрос адресата (*Можно ли?*), а, скорее, инструкция (!) адресату на основании анализа говорящим его сообщения, ср.:

(8) а. — *У меня другого нет – Ладно, поедешь на этом –*

б. ??? *Можно я поеду на этом? – Ладно, поедешь на этом.*

Наоборот, недоступны для настоящего времени следующие из контекстов, характерных для специализированных форм императива.

а) Просьба

(9) — *Подождите <??? подождете, ждете> меня!* — попросил Ослик. — *Мы не можем,* — сказал Медвежонок, — *мы торопимся!* [С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981), НКРЯ]

б) Предложение

(10) — *Возьми <??? возьмешь, берешь>,* — предложила она, — тебе пригодятся. И действительно пригодились. [Д. Гранин. Зубр (1987), НКРЯ]

в) Совет

(11) — *Дурень, пригнись <??? пригнешься, пригибаешься>,* — посоветовал вдогонку Вадя. [А. Иличевский. Матисс (2007), НКРЯ]

Пользуясь системой классификационных признаков императивных значений, предложенной в [Володин, Храковский 1986], можно сказать, что решающим оказывается тут признак «**субординации**» между участниками речевого акта. Для будущего времени характерны императивные употребления, при которых говорящий оказывается иерархически выше адресата, но не наоборот, см. таблицу, адаптированную из работы [Володин, Храковский 1986].

Таблица 1. Классификация императивных значений
(адаптировано из [Володин, Храковский 1986])

	импульс каузации	заинтересованность	субординация
инструкция	от говорящего	в интересах адресата	говорящий выше адресата
разрешение	от адресата	в интересах адресата	говорящий выше адресата
приказ	от говорящего	в интересах говорящего	говорящий выше адресата
предложение	от говорящего	в интересах адресата	адресат выше говорящего
совет	от адресата	в интересах адресата	адресат выше говорящего
просьба	от говорящего	в интересах говорящего	адресат выше говорящего

Использование формы будущего времени именно в этих разновидностях императивного значения прагматически вполне естественно. Формы императива и будущего времени индикатива 2-го лица отсылают к одной и той же временной референции (ситуация в будущем) и различаются только иллокуттивной силой: специализированная форма императива **побуждает** адресата к действию в будущем, а форма будущего времени индикатива – в своих прямых употреблениях – **информирует** адресата о его действии в будущем. Переносные употребления формы будущего времени индикатива в побудительной функции можно, таким образом, отнести к т.н. **косвенным речевым актам** в смысле [Серль 1986] типа *Не могли бы вы передать мне соль?*: побуждение к действию намеренно преподносится говорящим под видом простого информирования адресата о его будущем действии. Логично, что такого типа прагматический сдвиг и, соответственно, такую степень категоричности говорящий с большей легкостью может себе позволить в случае, когда он иерархически выше адресата.

Употребление настоящего времени в данном случае можно интерпретировать примерно так же, постулируя дополнительный сдвиг из зоны настоящего в зону будущего, как в контекстах «будущего запланированного» типа *Завтра мы едем на дачу* (о конкуренции будущего и настоящего в РЯ в подобных контекстах см., например, [Grenoble 1989]).

Интересно, что указанный признак субординации оказывается в данном случае сильнее признака «заинтересованности» по [Храковский, Володин 1986], который тоже, казалось бы, мог бы быть актуален в контексте подобного прагматического сдвига. Противопоставление по этому признаку состоит в том, в интересах говорящего или в интересах адресата производится действие. Подавать побуждение к действию под видом информирования адресата о его действии, казалось бы, прагматически естественнее, когда действие производится в интересах адресата (то есть побуждение является как бы **ответом** говорящего на запрос адресата). Инструкция и разрешение, оформляемые формами будущего времени, действительно относятся как раз к этому типу императивных значений. Однако относящиеся к тому же типу (но задающие иерархию адресат > говорящий) совет и предложение формами будущего времени уже в норме не оформляются. А приказ, предполагающий заинтересованность говорящего, а не адресата, формами будущего времени оформляться, тем не менее, может. Ниже, однако, обсуждаются некоторые формальные асимметрии, обнаруживаемые как раз между контекстом приказа, с одной стороны, и разрешения и инструкции, с другой стороны.

Что касается признака «импульс каузации», то предпочтительными оказываются те контексты, где инициатива исходит от говорящего, а не от адресата. Это, опять же, прагматически естественно: перенести в реальный план говорящему легче то, что исходит от него, а не от адресата. Кажущееся исключение – контекст разрешения, однако см. выше о непрототипическом характере разрешения (близкого к инструкции), оформленного индикативом.

Отметим, что, таким образом, *a priori* «идеальным» кандидатом на оформление формами будущего / настоящего времени кажется **контекст инструкции**, для которого 1) говорящий мыслится иерархически выше адресата, 2) в ситуации заинтересован адресат и 3) импульс каузации исходит от говорящего.

Ниже (в разделах 2–3) будет показано, насколько подобные априорные ожидания оправдываются в контексте эмпирических наблюдений о степени формальной близости разных типов императивных употреблений настоящего / будущего времени к собственно императивным формам.

1.2. Будущее vs. настоящее время в разных типах императивных контекстов

Будущее и настоящее время, как было сказано выше, не различаются с точки зрения самого инвентаря выражаемых ими императивных значений. Однако разные императивные значения характерны для них в разной степени. Ниже приводятся данные НКРЯ, позволяющие судить о частоте использования той или иной формы в том или ином из императивных контекстов.

В контексте приказа / запрета, равно как и в контексте разрешения, используется **преимущественно будущее время**. См. данные поиска по Основному корпусу НКРЯ: поиск велся по нескольким ключевым контекстам (*немедленно, сейчас же* – расстояние 1 – для приказа; *никуда ты не пойдешь / не поедешь* для запрета, *ладно* – расстояние 1 – для приказа), примеры отфильтрованы вручную. Аналогично получены все данные ниже.

*немедленно*² (приказ)

+ буд. вр. – 20 употреблений в контексте приказа

+ наст. вр. – 3 употребления в контексте приказа

сейчас же (приказ)

+ буд. вр. – 19 употреблений в контексте приказа

+ наст. вр. – 3 употребления в контексте приказа

никуда ты/вы не пойдешь(-те)/поедешь(-те) (запрет)

+ буд. вр. – 25 употреблений в контексте запрета

+ наст. вр. – 1 употребление в контексте запрета

ладно (разрешение)

+ буд. вр. – 10 употреблений в контексте разрешения

+ наст. вр. – не встретилось в контексте разрешения, хотя не аграмматично, ср. пример (12) из Интернет-коммуникации.

(12) *Ладно, едешь, и даже денег дам - нет даже не думай об этом! - да поедешь, поедешь отвали уже – я сказала* (hurt-kurt.mmm-tasty.ru)

В контексте инструкции, в отличие от разрешения и приказа, обнаруживается сопоставимое количество употреблений **будущего и настоящего времени**. Ср. корпусные данные по глаголам *поворнуть* и *поворачивать* (частотным в инструктивном контексте объяснений дороги).

² Здесь и далее приводятся данные по Основному корпусу НКРЯ с ручной фильтрацией.

повернешь / повернете – 23 употребления в инструктивном контексте

поворачиваешь / поворачиваете – 18 употреблений в инструктивном контексте

Почему возникает такая асимметрия? Инструкция, как кажется, легче допускает, наряду с будущим, настоящее время, чем приказ и разрешение, потому, что она в гораздо меньшей степени связана с конкретно-референтной («запланированной» в случае приказа и разрешения) точкой в будущем.

2. Формальные параметры близости к специализированным формам императива

Ниже рассматриваются некоторые формальные параметры, по которым можно оценить степень близости императивных употреблений настоящего / будущего времени к употреблениям специализированной формы императива и, таким образом, степень конвенционализации этих индикативных форм в императивном употреблении. Обсуждается, в частности:

- а) выражение / отсутствие подлежащего (*ты / вы*);
- б) возможность аналогичных употреблений для не 2-го лица;
- в) возможность аналогичных употреблений для неконтролируемых предикатов;
- г) сочетаемость с приимперативными частицами типа *ну-ка*;
- д) правила выбора СВ vs. НСВ.

Все эти параметры последовательно рассматриваются применительно к разным контекстам употребления настоящего / будущего времени в побудительной функции – приказу, разрешению, инструкции.

2.1. Выражение / отсутствие подлежащего

При специализированных формах **императива** (в контексте приказа, инструкции, разрешения): выраженного подлежащего (*ты / вы*) в обычном случае нет:

- (13) *Сейчас же отведи их на сутки в карцер! / [?]Ты сейчас же отведи их на сутки в карцер!*

Выражение подлежащего очень ограничено и при форме **прошедшего времени** в императивной функции:

(14) ^{OK}*Сейчас же отвел их на сутки в карцер!* / [#]*Ты сейчас же отвел их на сутки в карцер!*

Настоящее и будущее время чаще **без выраженного подлежащего** употребляются в контексте инструкции и разрешения, ср. корпусные данные:

ладно + FUT (контекст разрешения) – 10 примеров, все без подлежащего

поворнешь / повернете (в инструктивном контексте): 3 из 23 примеров с подлежащим

поворачиваешь / поворачиваете (в инструктивном контексте): 5 из 18 примеров с подлежащим

В контексте приказа / запрета, наоборот, подлежащее обычно выражено:

немедленно + FUT: 3 из 20 примеров без подлежащего

сейчас же + FUT: 3 из 19 примеров без подлежащего

Таким образом, большую близость к собственно императивной форме по этому параметру, т.е. большую степень конвенционализации в императивной функции проявляют употребления в контексте инструкции и разрешения, меньшую – в контексте приказа / запрета. Отметим, что граница, таким образом, проходит между употреблениями, предполагающими заинтересованность в реализации ситуации адресата (и именно такие употребления оказываются ближе к собственно императиву) vs. говорящего (см. дискуссию выше).

2.2. Возможность сходных употреблений для 3-го лица

О степени конвенционализации в императивном контексте можно также судить по наличию / отсутствию аналогичных употреблений для форм не 2-го, а 3-го лица. Так, для сильно конвенционализованных употреблений **прошедшего времени в контексте приказа** возможно только 2-е лицо:

(15) **Ну-ка он пошел в будку!*

Будущее же и настоящее время в императивной функции допускают семантически очень близкие употребления и для 3-го лица. Ср. примеры на приказ, запрет и разрешение:

(16) *Будешь много болтать — я и тебя арестую. — Мальчик пойдет со мной. — Мальчик будет препровожден туда, где ему место.* [Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона (2004), НКРЯ] – ≈ приказ ('я приказываю тебе его отпустить')

(17) — Пойдем с нами, Оська, — предложил я и брату. Но его мать крикнула: — **Никуда он не пойдет!** [В. П. Беляев. Старая крепость (1937-1940), НКРЯ] ≈ запрет ('я запрещаю тебе его уводить')

(18) — Пусть в твоей лаборатории посмотрят пули, которыми уконошили эту парочку. — Посмотреть — **посмотрят**, — согласился Мюллер. [Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны (1968), НКРЯ] ≈ разрешение ('я разрешаю, чтобы они посмотрели')

Для инструктивного контекста pragматически менее характерно (инструкция адресату о будущих действиях 3-го лица), однако также представимо:

(19) — Как пройдёте большой серый дом, — говорил Бомбардов, — **поворнете** налево, в туличок. [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936-1937), НКРЯ] — ^{OK}**Ваш сын как пройдёт большой серый дом, повернет налево, в туличок.**

2.3. Возможность сходных употреблений для неконтролируемых предикатов

Как известно, **императив** от неконтролируемых предикатов затруднен или используется только в непрямых употреблениях. Это связано с тем, что семантика каузации, входящая в значение императива, требует контроля адресата над ситуацией.

Для **настоящего и будущего времени** при этом встречаются употребления неконтролируемых предикатов, очень близкие к тем, которые мы относим к императивным:

(20) «Тов. Фанерному. Согласно приказа тов. Дзержинского вы **немедленно переводитесь** <*немедленно переведитесь> в распоряжение командира Азиатской Конной Дивизии тов. Чапаева с целью заострения политической работы. Бабаясин». [В. Пелевин. Чапаев и пустота (1996), НКРЯ] – приказ

(21) Ступай туда; собак нет; небось не укусят; **повернеши** <*поверни> за угол, **увидишь** <*увидь> направо барский дом... [Д. В. Григорович. Переселенцы (1855-1856), НКРЯ] – инструкция

Это свидетельствует о том, что в таких употреблениях семантика каузации, если и есть, то ослаблена, а на первом плане все же (естественное для индикатива) значение простого

информирования адресата о его будущих действиях, которое с неконтролируемостью логически совместимо.

2.4. Контекст частицы ну-ка

Один из частных тестов на степень близости к собственно императивным формам – возможность употребления в контексте приимперативных частиц *ну-ка*, *а ну-ка*, *а ну* (об этих частицах при императиве см. [Храковский, Володин 1986: 203]). Здесь, в силу семантики этих частиц, можно говорить только о контексте приказа. При формах прошедшего времени такие частицы употребляются свободно:

- (22) *Тонко пропела дверь в глубине двора, потом захрустел обледенелый снег и послышался шепот Вали: — Ну-ка пошел в будку! Давай-давай быстро!* [Р. Сенчин. Елтышевы (2008), НКРЯ]

Будущее и настоящее время в императивной функции допускают эти частицы с трудом. Ср. единственный пример из Корпуса на *а ну-ка*:

- (23) *А ну-ка, придете домой, посчитаете у себя деньжата, хватит ли выкупить?* [А. П. Гайдар. Школа (1929), НКРЯ]

2.5. Выбор вида в императиве vs. в побудительных употреблениях настоящего и будущего времени

Отдельный сюжет касается выбора вида в императивных употреблениях **будущего времени**, который не всегда совпадает с видом собственно императивной формы в аналогичном контексте. Императивные употребления **настоящего времени** в первом приближении соотносимы с употреблениями будущего СВ (ср. настоящее в значении будущего запланированного) и далее не рассматриваются.

Интересно посмотреть, определяется ли выбор вида в побудительных употреблениях будущего времени только семантикой соответствующего побудительного речевого акта (приказ / инструкция / разрешение), или на них распространяются правила, действующие для форм будущего времени и за пределами побудительных употреблений, или, наоборот, идиосинкратические правила, действующие для императива. Все это также позволяет судить о степени близости подобных употреблений к собственно императиву.

В целом можно сказать, что СВ резко преобладает над НСВ во всех типах императивных употреблений будущего времени. См. данные по выборке из НКРЯ:

- приказ: 0 из 39 примеров
- разрешение: 2 из 10 примеров
- инструкция: 0 из 23 примеров

При этом для всех типов императивных контекстов будущее НСВ в принципе допустимо:

(24) — *Все! Отвали! Будешь сидеть дома <= сиди дома>! Хватит! [В. Попов. Грибники ходят с ножами (1997), НКРЯ]* – приказ

(25) *Как зайдешь, иди прямо перед лестницей вниз, повернешь налево, будешь идти прямо <= иди прямо>, потом справа будут коврики, мышки... (battle.net.kg/forum)* – инструкция

(26) — *Да, ладно, будете выплачивать кредит, когда сможете и по скольку сможете. [Г. Шергова. ...Об известных всем (2002-2004), НКРЯ]* – разрешение

Важно, однако, что преобладание СВ в разных типах императивных контекстов объясняется действием разных факторов – либо семантикой соответствующего речевого акта (и в этом случае мы видим преобладание СВ и для императива), либо общими ограничениями на употребление будущего НСВ (и в этом случае специализированные формы императива ведут себя отличным от будущего времени образом).

Так, преобладание СВ в контексте **приказа** связано скорее с общей предпочтительностью СВ в этом контексте, чем со спецификой футуральных форм: для форм императива в аналогичном контексте СВ также более употребителен (ср., например, обсуждение в [Падучева 1996: 76]). При этом в некоторых случаях видовые ограничения для будущего времени оказываются более жесткими, чем для императива. Ср.:

(27) — *Останешься здесь <*будешь оставаться здесь>, — приказал ему Сухов, после того как дверь за Абдуллоя была заперта. [В. Ежов, Р. Ибрагимбеков. Белое солнце пустыни (1969), НКРЯ] / ^{ок}**Оставайся здесь!** – приказал ему Сухов.*

Для контекста **инструкции** тенденция к выбору СВ также проявляется и в специализированных формах императива и может быть объяснено семантикой соответствующего речевого

акта: употребление НСВ для многих глаголов имплицирует несовместимую со значением инструкции смежность с моментом речи (см. [Падучева 1996: 70–71] о компоненте ‘немедленно’ в семантике императива НСВ), ср. контрастивные примеры типа:

- (28) ***Насыпьте** <^{???}**насыпайте**> в горловину столовую ложку питьевой sodы, после того как она растворится, ***промойте*** <^{???}**промывайте**> слив столовым уксусом. [коллективный. Маленькие хитрости // «Наука и жизнь» (2007), НКРЯ] – инструкция*

- (29) — ***Насыпай**, что ли!* — крикнул Пронякин, останавливаясь прямо против ковша. [Георгий Владимов. Большая руда (1961), НКРЯ] – настойчивое побуждение к немедленному действию

С другой стороны, ограничения на употребление будущего НСВ в контексте инструкции заметно более жесткие, чем на употребление в аналогичном контексте императива НСВ. В т.ч. для него, в отличие от императива, недоступна однократная событийная интерпретация в контекстах типа:

- (30) — *Пойдёшь мимо масличного жома вверх и поворачивай* <^{OK}**повернешь** / *будешь **поворачивать**> к гроту. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940), НКРЯ]

Также без специального форсирующего контекста в значении инструкции не употребляется будущее время от глаголов НСВ направленного движения типа *идти*, *лететь*, *бежать*³. Императив от тех же глаголов, наоборот, свободно употребляется в контексте инструкции. Ср.:

- (31) — *Машину оставьте* около станции и дальше *идите* пешком. [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004), НКРЯ]

- (32) — *Машину оставите* около станции и дальше *пойдете* <?*будете идти*> пешком.

Оба наблюдения хорошо укладываются в общую картину большей аспектуальной избирательности будущего НСВ по сравнению с другими формами НСВ. Так, например, и про разного рода однократные событийные употребления, и про

³ В специальном контексте, например с обстоятельствами длительности, оно, тем не менее, окказионально встречается: *Езжай прямо до первого светофора, а там повернёшь налево, и всё время будешь ехать прямо до улицы Бальфур...* (<http://www.stihi.ru>)

употребления глаголов типа *идти* известно, что они хуже доступны в целом для будущего времени НСВ, чем, например, для прошедшего (см. [Падучева 2010]).

Отдельно стоит оговорить особый подкласс инструктивных употреблений будущего НСВ. Первый характерный контекст употребления НСВ – указания начальника подчиненному о его будущих обязанностях (НСВ, соответственно, употребляется тут в своей т.н. континуальной разновидности), ср.:

- (33) *Ну вот что, Щупленков, — сказал наконец он, — пойдёте сейчас со мной. Будете работать писарем.* [А. А. Бек. В последний час (1942), НКРЯ]

Второй – рекомендации врача о регулярных медицинских процедурах (НСВ, соответственно, употребляется тут в своей хабитуальной разновидности):

- (34) *— Порошки будете принимать, — перебил доктор. — Кислого нельзя, горячего нельзя, ни водки, ни пива нельзя...* [С. Н. Сергеев-Ценский. Движения (1909-1910), НКРЯ]

Интересно при этом, что собственно императивные формы используются в этих контекстах, наоборот, с большими, чем будущее время, ограничениями: ^{???}*Ну вот что: работай писарем.*

Контекст разрешения, в отличие от контекстов приказа и инструкции, оформляется в формах императива чаще глаголами НСВ (см. [Падучева 1996: 78–79]), хотя не исключен в этом контексте и СВ (см. [Рассудова 1968: 110], где делается утверждение о равной приемлемости обоих видов для данного значения, возможно с некоторыми тонкими семантическими различиями). Для будущего времени также доступны оба вида (см. пример выше), будущее НСВ свободно допустимо, например, для стативных глаголов:

- (35) *— Слушай, Майкл, может, тебя сразу ментам сдать, чтоб не мучился? — Нормальный я, чего ты на меня баллон катишь?! — возмутился Миша. — Ладно, со мной пойдешь. Будешь на велике у дверей маркета стоять, будто с утра уже нагонялся, а теперь тусуешься...* [А. Житков. Супермаркет (2000), НКРЯ]

Однако контекст однократного точечного события (как и в случае инструкции, приказа) оформляется только будущим СВ, в том числе и в тех случаях, когда для императива предпочтительнее был бы НСВ:

(36) *Он скрыл свои чувства и сказал независимо: —
Ладно, придешь <*будешь приходить>, когда сможешь.
[В. Ф. Панова. Кружилиха. Роман (1947), НКРЯ] / Приходи,
когда сможешь!*

В контексте **отрицания** формы будущего времени во всех трех побудительных речевых актах ведут себя точно так же, как и в положительном контексте. Ср. примеры на запрет (симметричный приказу) и разрешение (для инструкции отрицательный контекст прагматически в принципе нехарактерен):

(37) — *С операции я тебя снимаю. В море **больше не пойдешь** <*больше не пойди>. [В. Аксенов. Любовь к электричеству (1969), НКРЯ]* – запрет

(38) *Главное, не ведитесь на слезы, ну типа ладно, сегодня так и быть **не пойдешь** <*не пойди / ^{OK}не ходи, не иди>, а завтра я проявлю стойкость. (www.iaina.info, Форум)* – разрешение

Таким образом, на формы будущего времени не распространяется запрет, наблюдаемый для императива, для которого употребление СВ под отрицанием ограничено в основном специфическим превентивным значением (*смотри не сделай*, см., напр., [Добрушина, Даниэль 2008]). Заметим, что на формы прошедшего времени, которые и по другим параметрам оказываются ближе к собственно императивным формам, это ограничение, наоборот, распространяется: *Быстро пошел в свою комнату! – [#]Быстро никуда не пошел!*

3. Обобщение данных, результаты

Данные по степени формальной близости употреблений индикативных форм к специализированным императивным формам, разбираемые в разделе 2, в кратком виде обобщены в Таблице 2:

Таблица 2. Формальные параметры близости побудительных употреблений настоящего / будущего времени к специализированной форме императива

	наличие / отсутствие выраженного подлежащего	не 2-е л.	неконтр. предикаты	частица <i>ну-ка</i>	СВ под отрицанием	ограничения на НСВ, не выводимые из pragматики РА
наст./буд.: приказ	да	да	да	окказионально	да	да
наст./буд.: разрешение	нет/да	да	да	—	да	да
наст./буд.: инструкция	нет/да	да/нет	да	—	да	да
прош. время	нет	нет	нет	да	нет	0
императив	нет	нет	нет	да	нет	нет

Из таблицы видно, что по степени формальной близости к специализированной форме императива и, таким образом, по степени конвенционализации в императивном контексте рассмотренные употребления ранжируются следующим образом:

императив > прош.вр. в значении приказа > наст./буд. вр.

Причем настоящее, будущее время неоднородно ведут себя в этом отношении в разных типах императивных употреблений:

в значении инструкции > в значении разрешения > в значении приказа

Степень конвенционализации в императивной функции коррелирует с иллокутивным типом императивного речевого акта:

субординация > заинтересованность > импульс каузации

инструкция: Говорящий > Адресат, интерес Адресата, импульс от Говорящего

разрешение: Говорящий > Адресат, интерес Адресата, импульс от Говорящего / импульс от Адресата

приказ: Говорящий > Адресат, интерес Говорящего, импульс от Говорящего / импульс от Адресата

Литература

1. Барентсен А. О некоторых изменениях в употреблении выражений призыва к совместному действию в русских текстах последних двух столетий // *Time flies. Festschrift for William Veder, Pegasus Oost-Europese Studies*, 2. Amsterdam, 2003. С. 13–40.
2. Гусев В.Ю. Типология императива. М., 2013.
3. Добрушина Н.Р., Даниэль М.А. Русская частица смотри в типологическом освещении // *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой*. М., 2008. С. 293–308.
4. Мильых М.К. Побудительные предложения в русском языке // Учен. зап. Ростовского ун-та. 1953.
5. Падучева Е.В. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 69(3). 2010. С. 16–20.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М., 1996.
7. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1968.
8. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*, 16. М., 1986. С. 195–221.
9. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. *Русский императив*. Л., 1986.
10. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago – London, 1994.
11. Bybee, Joan L., William Pagliuca and Revere D. Perkins. Back to the Future // Traugott E.C., Heine B. (Eds.) 1991. *Approaches to grammaticalization*. Amsterdam, 1991. P. 17–58.
12. Grenoble L. Tense, Mood, Aspect: The future in Russian // *Russian Linguistics*, 13. 1989. P. 97–110.

М.А. Тарасова
ИЯз РАН, Москва

Некоторые особенности функционирования предлогов в переводных поэтических текстах¹

В статье рассматриваются некоторые особенности функционирования предлогов в языке переводной поэзии. Выявляются такие тенденции как предложно-префиксальный синкетизм, абсолютное функционирование предлогов, концептуализация предлогов, образование потенциальных приставочных глаголов как аналогов английской конструкций «глагол + предлог». Доказывается, что данные явления отражают активные процессы общенационального языка и отражают потенциальность системы принимающего (русского) языка.

Ключевые слова: *потенциальность, переводная поэзия, активные процессы, функционирование предлогов.*

The article focuses on functioning of prepositions in the language of poetic translations. Several specific traits are detected: syncretism of prepositions and prefixes, absolute functioning of prepositions, conceptualization of prepositions, deriving potential prefixal verbs which render English constructions "verb + preposition". It is proved, that the listed phenomena are a reflection of active processes taking place in the national language and a manifestation of potentiality of the accepting (i.e. Russian) language system.

Keywords: *potencyality, poetic translations, active processes, functions of prepositions.*

Потенциальность в современной лингвистике понимается как универсальное свойство языковой системы. В первую очередь это связано с развитием мысли Э. Косериу о языке как о «системе возможностей» в противопоставлении норме как «системе обязательных реализаций» [Косериу 1963: 175]. Э. Косериу счел необходимым разделить абстрактный язык (язык

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

в смысле Соссюра) и реальный язык в своем конкретном существовании.

Потенциальные явления опираются на системно заданные свойства языка: в творчестве находят отражение «языковые тенденции, проявленные в нормах и правилах употребления единиц языка» [Демьянков 2009: 19].

Под проявлениями *потенциальности* в тексте мы понимаем реализацию возможностей, заложенных в языковой системе и получающих развитие при определенных благоприятных условиях. Мы полагаем, что такие условия создаются в частности в переводных поэтических текстах. Они определяются такими факторами, как столкновение языков (переводчику требуется передать слово, форму или конструкцию, не свойственную принимающему языку); стремление переводчика передать максимальное количество особенностей оригинала: языковых и формальных (ритм, длина строки и др.); понятность (переводы создаются с установкой на адресата, вследствие чего переводчик избегает окказиональных форм с высокой степенью аномальности и заимствований); отношение поэта к языку как к системе возможностей.

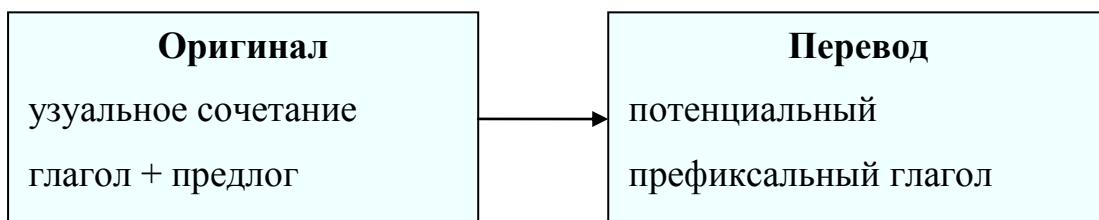
Потенциальность проявляется на разных уровнях языка, а системное возникновение потенциальных слов и форм по одной модели является отражением активных языковых процессов. Если активный процесс – это системное заполнение пустых клеток на одном из уровней языка, а потенциальные слова – это слова, образованные по продуктивным моделям, но еще не зафиксированные в словарях, то потенциальные слова – это всегда отражение активного процесса. Эту логику также можно применить к потенциальным грамматическим формам и конструкциям – потенциальные формы, системно заполняя лакуны, являются отражением активных языковых процессов.

Ряд активных процессов связан с реализацией потенциальных возможностей в области функционирования предлогов, которые будут рассмотрены в данной статье на материале переводных поэтических текстов.

Для английского языка, как языка аналитического типа, характерно выражение семантических валентностей преимущественно с помощью предлогов. Эквивалентами модели предложного управления «глагол + предлог», характерной для английского языка, в русском языке обычно выступают

приставочные образования: *go off* – *выстрелить, выпалить*; *run away* – *убегать*, *look through* – *просматривать*.

Поэтический перевод воспринимает образования по этой модели («глагол + предлог») не как идиоматические, а как свободные сочетания и заново их переводит, вследствие чего появляется ряд потенциальных образований по модели «узуальное → потенциальное»:

Song **sigh away** // Breathe away sorrow – *Песня исстрадай* // Выдохни печаль мою (К. Raine) [К. Райн, пер. М. Фаликман]. Узуальная форма *to sigh away*, которая дословно переводится как *непрерывно вздыхать*, метафорически переосмыслена автором, в результате чего появляется потенциальное слово *исстрадай*. Здесь также имеет место фактор на уровне текста, мешающий переводчику воспользоваться словарным соответствием, – английский глагол с предлогом по-русски передается двумя словами. В поэтическом тексте такой эквивалент невозможен, так как он неоправданно удлинит строку и, соответственно, помешает переводчику передать размер и ритм оригинала.

В следующем примере узуальная форма *to gobble up* переводится как *поглощать*, на основе чего переводчик создал потенциальный глагол *спробовать*: I shall sit down on the pavement when I'm tired // And **gobble up** samples in shops and press alarm bells – Устану, усядусь средь улицы на парапет, // Все пробники *спробую* сраз в магазинчике местном (J. Joseph) [Дж. Джозеф, пер. Е. Тиновицкой].

Модель «глагол + предлог» переосмысляется переводчиками, и на ее основе возникает новая модель «существительное + предлог». При этом в переводе эквивалентами предлогов также выступают приставки, а образованные с их помощью слова могут иметь статус потенциальных или даже окказиональных: Is there life **before death**? That's chalked up // In Ballymurphy. Competence with pain, // Coherent miseries, a bite and sup, // We hug out little destiny again – «*А есть ли жизнь догробная?*» Едва ли //

Отшутишься – ведь шутка с бородой. // Вот наш удел: глотнули, зажевали, и снова обниматься нам с бедой (S. Heaney) [Ш. Хини, пер. Г. Кружкова]. В данном примере аналитическая конструкция оригинала передается синтетически, с помощью новообразования *догробная*.

Данные новообразования признаются нами потенциальными на основе данных НКРЯ и интернета² (исстрадать – НКРЯ – 0, интернет – 850; спробовать – НКРЯ – 5, интернет – 2000, добрый – НКРЯ – 1, интернет – 480), которые демонстрируют, что рассматриваемые нами слова маргинально функционируют в других типах речи, и, следовательно, язык переводной поэзии не продуцирует аномалии, а отражает актуальное состояние общенационального языка.

Таким образом, при переводе английской модели «глагол + предлог» находит отражение общая стратегия переводчиков, направленная на то, чтобы не ограничиваться передачей дефиниции данного сочетания как целого. Рассматриваемая модель нерегулярна для русского языка, поэтому она провоцирует переводчиков рассматривать такие сочетания не как идиоматические, а как свободные и заново устанавливать отношения между глаголом и предлогом. Эта трансформация характерна для текстов переводной поэзии. Здесь имеет место межъязыковое взаимодействие, заключающееся в том, что один язык провоцирует переосмысление регулярной для него модели другим языком, что ведет к реализации потенциальности в последнем. Такое переосмысление возможно именно в поэтическом языке.

Стремление переводного поэтического текста избежать идиоматичности находит отражение и в других явлениях: *The same skin in and out - Та же самая кожа в и из* (R. Waldrop) [Р. Уолдроп, пер. А. Бабичевой]. In and out – идиома, имеющая значение *снаружи и внутри*. Переводчик не прибегнул к словарному эквиваленту, а сделал дословный перевод, который можно считать более точно передающим структурные особенности оригинала и сообщающий *в и из* наречное значение.

В следующем примере переводчик заново переводит предлог оригинала, что нарушает идиоматичность русского сочетания: *When rays impinge on the ends of the optic nerve, they open onto*

² Поисковая система – Яндекс, данные датированы маю 2014 года. Производился поиск по начальным формам.

revolutionary metaphors – Когда лучи вторгаются на окончания оптического нерва, они открываются в революционные метафоры (R. Waldrop) [Р. Уолдроп, пер. А. Бабичевой]. Глагол *вторгаться* требует предлога *в*, однако переводчик дословно передает английский предлог *on* русским предлогом *на*.

Приставочно-предложный синкремизм как активный процесс в языке современной русской поэзии находит отражение и в переводных текстах. Предложно-префиксальный синкремизм состоит в том, что русские предлоги и префиксы составляют одну категорию [Азарова 2010]. В первую очередь он связан с концептуализацией предлога-префикса: *What must be inferred under // the blemished mantling shimmers – Что должно быть подразумеваемо под // Испорченным покрытым мерцаниями* (J. Graham) [Дж. Грэм, пер. А. Уланова]. В переводе наблюдается предложно-префиксальный синкремизм, находящий отражение в одновременном функционировании *под* и в качестве приставки, и в качестве предлога, что способствует концептуализации *под* в обоих случаях, чего нет в оригинале, однако и в оригинале предлог концептуализуется благодаря использованию предложного анжамбемана, под которым понимается те регулярные соответствия, где предлог оказывается в конце поэтической строки. В переводе происходит концептуализации приставки и предлога, выводящая на первый план их значение.

Аналогичное явление характерно и для языка оригинальной русской поэзии:

За что боролись, на то и на-

До боли закусывая, чем мать родила (Е. Риц).

В этом примере благодаря эллипсису глагола, также возникает неопределенность, так как свободная позиция может быть занята любым глаголом. При этом на первый план выходит предложно-префиксальный синкремизм: *на* одновременно выступает и в качестве приставки *на-* (*напоролись*), и в качестве предлога *на то*. Данный пример по сравнению с переводным поэтическим текстом содержит большее количество нарушений, вследствие чего здесь нельзя говорить о потенциальности в чистом виде.

Концептуализация предлога часто достигается благодаря использованию возможностей поэтической системы, а именно предложного анжамбемана, даже если в оригинале он отсутствует: *And there is a charge, a very large charge, // For a word or a touch // Or a bit of blood – Вот цена, вот расплата за //*

Искру любви в малейшем слове // Дружелюбья кратчайший шаг
 (S. Plath) [C. Плат, пер. В. Топорова].

Приведем еще один подобный пример:

A mother prays for safety for a daughter cutting vegetables in the spotless kitchens of a too-much dreamt-of land.	<i>Мать молит о безопасности для дочери, что режет овощи в безупречных кухнях слишком возжеленной страны</i> (Ph. McDonagh) [Ф. Макдона, пер. М. Кореневой].
---	---

Здесь с помощью предложного анжамбемана концептуализируется предлог *для* в значении цели, являющийся переводом английского *for*. Необходимо отметить, что в оригинале данный предлог употребляется дважды, что приводит к усилению его роли в тексте. Именно это явление и компенсируется с помощью предложного анжамбемана.

Заметим, что в данных примерах происходит концептуализация предлогов и их частичный переход в постпозицию, т.е. осуществляется некое подобие перехода предлог – послелог. Таким образом, реализуется грамматическая потенциальность системы русского языка в отношении функционирования в ней предлогов, ее движение в сторону аналитизма, что выражается в «переходе от более семантических употреблений к более синтаксическим» [Плунгян 2000, 182].

В данных переводах перед нами достаточно сильное нарушение – отсечение валентностей на объект: *gone into what* // *like all them kings* // *you read about* // *and on him sings* – *ушел куда что* // *как все короли* // *ты читаешь о* // *а над ним вдали* (E.E. Cummings) [Э.Э. Каммингс, пер. В. Британишского]; *a window and a door* // *the steps leading in* // *These glasses are mine, for example, this question, the angle of a gaze* - *окно и дверь* // *шаги ведут в* // *Эти очки мои, например, этот вопрос, угол созерцания* (M. Palmer) [M. Палмер, пер. А. Бабичевой].

В приведенных примерах предложные конструкции оригинала нормативны. Однако в русском переводе предлоги концептуализируются в связи с отсутствием в текстах объекта действия, т.е. имеет место синтаксическое нарушение, вследствие которого происходит отсечение валентностей, предлог абсолютизируется, вбирая в себя все возможные значения

(модель «узуальное → потенциальное»). В данных примерах перед нами концептуализация однобуквенных предлогов, не характерная для русского языка, где возможно абсолютивное употребление двухбуквенных и производных предлогов. Функционирование «предлогов в постпозиции как отсечение валентностей – это средство создания семантики отвлеченности» [Азарова 2010, 272]. В переводе нормативная английская конструкция передается калькированной русской ненормативной конструкцией. Таким образом, осуществляется влияние языка оригинала, по нормам которого невозможны конструкции без послелога, на текст перевода, который стремится передать узуальные грамматические конструкции оригинала, при этом реализуя потенциальность системы принимающего языка.

В приведенном ниже примере происходит частичное отсечение валентностей на объект, однако вызванное оригиналом:

as if I were seeing myself
propped on my hand, **with** . . .
putting something loud in the mouth . . .
an egg, an arena
отсюда не видно. Будто сама себя вижу,
опершуюся на руку с...
кладывая нечто звучное в рот...
яйцо, арена (L. Hejinian)
[Л. Хеджинян, пер. А. Драгомощенко].

И в оригинале, и в переводе конструкции не являются однозначно нормативными: отсутствует объект действия. В то же время использование многоточия говорит о неполноте высказывания: объект действия мыслится, присутствует, просто он не назван.

Аналогичные тенденции можно наблюдать и в языке оригинальной русской поэзии: *Приглашай гостей, накрывай на стол, разгоняй тоску, // догоняй скорей, загоняйся по, не гони пургу, // ну конечно, ах да, нет, никак, если бы, угу* (В. Лехциер); *Я выбиваю сподвижников Екатерины. // Она была славной до, она была, словно // дом последний у поля* (Д. Гатина). У предлога *до* здесь актуализируются сразу несколько значений: степень (предел) выраженности признака и время его возникновения.

При отсечении валентности предлог приобретает многозначность: *идут войной на*, // *а на улице на спине // автобус* (Д. Гатина). В предлоге *на* актуализируется значение направленного действия, и как бы в противовес в следующей строке даны два употребления предлога *на* в значении ‘положение в пространстве’.

Необходимо отметить, что в англоязычном тексте предложная постпозиция также не всегда нормативна. В следующем примере аномалия оригинального текста продуцирует аналогичную аномалию в переводе:

Have no idea what³ stop I am.

**grassy drawing on white is
for me to show, to show me it, in. "The green horizon, early
winter dusk" is certainly pretty.**

Понятия не имею, какой остановкой являюсь.

**травяной рисунок на белом
для того, чтобы я показала, чтобы мне показать его, *в*.
«Зеленый горизонт, сумрак
ранней зимы», безусловно, красив. (R. B. DuPlessis)**

[Р.Б. ДюПлесси, пер. А. Бабичевой].

Здесь предлог *в*, находясь в конце предложения и будучи отделен от основного высказывания запятой, концептуализируется, получая при этом несколько значений; фактически такое употребление предлога *в* приводит к полной его абсолютизации, вследствие чего он понимается как синтез всех своих возможных значений: пространственных, временных, качественных и др.

В языке английской поэзии также имеет место тенденция к абсолютизации других служебных частей речи, например артиклия: *Women in heels, men in cardigans //... // Chattering back and forth between the // Wings – Мужчины и женщины в деловых костюмах //... // Снуют беспрестанно **но** // Коридоры* (S. Dugdale) [С. Дагдейл, пер. А. Гениной]; *which on most days is not the // by way of stepping – обыкновенно **не** // просто ступая* (С. Czury) [К. Чури, пер. И. Машинской]; *read through the other, not so much over but the // simultaneous conflictual overloaded presences for*

³ Выделение жирным шрифтом автора, подчеркивание мое – M.T.

which even // “palimpsest” is too structured a docket - читай сквозь другое, не слишком сверху, но // одновременные конфликтные перегруженные присутствия, для которых даже // палимпсест слишком структурированная книга (R.B. DuPlessis) [Р.Б. ДюПлесси, пер. А. Бабичевой];

В переводе абсолютизированные артикли могут передаваться предлогами, частицами, союзами, что не является одним и тем же (так как при абсолютизации артикля актуализируется свойственная ему семантика – определенности или неопределенности), однако некоторым образом компенсирует данное явление.

Язык английской поэзии, как и русской, стремится к неконвенциональным синтаксическим построениям, однако здесь как раз не совсем обычным будет препозитивное использование предлога / послелога: *to an after stilled in body // from a before body filled – в после молчное в теле // из алчного полного тела до* (B. Coffey) [Б. Коффи, пер. Н. Скандиаки]. На русский язык данное явление передается постпозитивным использованием предлога.

Концептуализация предлогов происходит не только путем постановки их в сильную позицию, но и с помощью графических средств, например курсива: *then how is it with you on the opposite bank // under the opposite bank* – да ты-то как там на другом берегу // не на а под (С. Czury) [К. Чури, пер. И. Машинской]. В переводе второй предлог выделен курсивом. Происходит актуализация семантической емкости предлога не только благодаря выделению, но с помощью конструкции, отсекающей валентности на объект, которая выступает эквивалентом нормативной аналитической конструкции исходного текста (модель «узуальное → потенциальное»). В то время как в переводе позиция объекта остается незамещенной, в оригиналe объект материально выражен – *opposite bank*. Таким образом, здесь имеет место привнесение переводчика, однако осуществляется оно в рамках общей стратегии переводного поэтического текста на реализацию потенциальности системы принимающего языка.

В следующем примере концептуализация предлогов с помощью курсива в переводе происходит в соответствии с оригиналом:

point by point (nature)
of or to (the same)

шаг за шагом (*природа*)
из или к (тому же) (A. Lauterbach)
[А. Лаутербах, пер. А. Бабичевой].

Концептуализация предлогов как в оригинальном английском, так и в переводном текстах может осуществляться при помощи графического разделения предлога и объекта:

empty globes
where seeds
fell
from

fragment upon fragment.

*пустые сферы
где семена
сыплются
из*

куска на кусок

(R. B. DuPlessis)
[Р.Б. ДюПлесси, пер. А. Бабичевой].

Для оригинальной русской поэзии также характерно использование графических средств, однако здесь часто встречаются более радикальные способы концептуализации предлогов: скобки, черточки, слэши, квадратные скобки и т.д.

В английском поэтическом тексте и, соответственно, в его переводе обособление предлогов может иметь текстообразующий характер:

The before took us right up **to**
the after, even though **under**
meant we should not try **over**,
from being stronger than **to**,

up shying from its ascent
in the face of down. I held
on to you and beside you
I became **with** and **about**.

*Прежде вело нас прямо к
после, даже если под
значило - нам не нужно снова над,
так как от сильнее к,*

*резко вверх от своего подъема
перед лицом вниз. Я держалась
за тебя и около тебя,
я стала вместе и повсюду*

(S. Van Doren)
[С. Ван Дорен, пер. А. Бабичевой и др.].

В данном отрывке в оригинале последовательно концептуализируются предлоги путем постановки их в постпозицию (первое четверостишие) и препозицию (второе

четверостишие), что дает нам право говорить об их текстообразующей роли. Однако в переводе последовательно передан характер функционирования предлогов только в первом четверостишии, во втором же предлоги оригинала частично переданы с помощью наречий. Текстообразующая роль предлогов в данном переводе менее выражена, чем в оригинале. В оригинале вертикальный контекст может читаться как самостоятельный текст.

Таким образом, при переводе английского предложного управления ведущей является тенденция к калькированию конструкций оригинала (узуальных и неузуальных). Это приводит к тому, что нормативным английским конструкциям в русском переводе часто соответствуют неузуальные конструкции с абсолютным предлогом, происходит концептуализация предлога в связи с отсутствием в тексте объекта действия. Чаще реализуется модель «узуальное → потенциальное», и, соответственно, осуществляется влияние языка оригинала на текст перевода, который, однако, при этом не выходит за рамки потенциальности системы принимающего языка.

Часто происходит переосмысление отношений между глаголом и предлогом, которое приводит к переводу идиоматических английских конструкций как свободных сочетаний. Такого рода явления имеют место там, где регулярная английская конструкция оказывается для русского языка несистемной. Соответственно, отсутствующее в русском языке грамматическое явление продуцирует переводной поэтический текст на проявление потенциальности.

Литература

1. Азарова Н.М. Конвергенция философского и поэтического текстов XX – XXI веков. Диссертация докт. филол. наук. М., 2010.
2. Демьянков В.З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сборник докладов Международного научного семинара. М., 2009.
3. Косяриу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
4. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.

О.А. Шаповалова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

Некоторые особенности неопределенных местоимений мегебского диалекта даргинского языка¹

Ключевые слова: *даргинские языки, мегебский диалект, неопределенные местоимения, функциональные типы неопределенных местоимений, семантическая карта, флексивная экстернализация, грамматикализация.*

The following research on indefinite pronouns in Mehwebian is a result of their application to the particular typological base. Some brief cases of externalization and grammaticalization have also been discussed.

The field for the further investigations is rather vast. It includes some additional data acquisition on functional contexts which haven't been collected and pronominal series which yet haven't been detected (their existence is also confirmed typologically), more detailed approach to some particular contexts and interpretation of some currently not being involved data.

Key words: Dargwa(Dargi) languages, Mehweb, pronouns, indefinite pronouns, functional types, semantic map, externalization of inflection, grammaticalization.

1. Введение. Общие сведения о языке²

Настоящая работа представляет собой описание системы неопределенных местоимений мегебского диалекта даргинского языка и нескольких частных грамматических явлений, с ними связанных.

Мегебский диалект³ – одноаульный диалект даргинского языка, принадлежащего нахско-дагестанской семье. С момента

¹ Данное исследование поддержано грантом программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г. 13-05-0007 «Исследование дагестанских языков корпусными и социолингвистическими методами».

² Автор приносит свою благодарность Ю.А. Ландеру, осуществлявшему научное руководство, а также М.А. Даниэлю и Д.С. Ганенкову, дававшим ценные советы в ходе полевой работы.

основания аула Мегеб (Гунибский район Республики Дагестан) в 1396 г. мегебский диалект был изолирован от остальных даргинских – находился в окружении аварских и лакских диалектов. Этот факт, несомненно, выделяет мегебский из других диалектов, поскольку позволяет предположить, что данные мегебского способны отображать проявления более сильного контактного влияния лакского и языков аваро-андийской ветви.

Общее число носителей мегебского диалекта – около одной тысячи.

Основное описание неопределенных местоимений мегебского диалекта сделано в русле подхода, предложенного в [Haspelmath 1997], где противопоставлены основные функциональные контексты употребления неопределенных местоимений и установлены связи между этими контекстами. Для даргинских идиомов такой подход использовался только в описаниях ицаринского [Sumbatova, Mutalov 2003] и тантынского [Сумбатова, Ландер, в печати] диалектов.

2. Типологическая база неопределенных местоимений⁴

2.1. Деривационные основы

Неопределенные местоимения в мегебском диалекте даргинского языка образуются от основ вопросительных местоимений и от числительного са ‘один’. При субстантивации это числительное также способно образовывать неопределенные местоимения посредством суффиксов -ri, -ra, -Cl⁵-eħ и редупликации(саса).

2.2. Серии

Как правило, в языках мира неопределенные местоимения существуют в виде серий – групп, маркированных особыми аффиксами, частицами или изменениями основ. Каждый из элементов представляет одну из основных онтологических категорий (например: лицо, предмет, место, время и т.п.).

³ Мегебский диалект даргинского языка впервые описан в грамматике [Магомедов 1982].

⁴ Представленные материалы собраны во время полевой экспедиции в аул Мегеб в мае 2014 года.

⁵ Показатель класса.

В мегебском диалекте существует, по крайней мере, три серии неопределенных местоимений – серия с суффиксом -lla, с классным показателем (далее -Cl) и суффиксом -(w)ak'ara и редуцированная серия с суффиксом -k'al, состоящая всего из двух элементов. Все серии, как уже упоминалось ранее, образуются от числительного *са* ‘один’ и основ вопросительных местоимений (при склонении – от супплетивных основ). Примеры (1)-(3) иллюстрируют употребление каждой из серий:

- Серия неопределенных местоимений на -lla

(1) nu murt-lla

я.ABS когда-PRON.NEG

qam-ħa-d-urh-i-ra

PVB-NEG-F1-опаздывать.IPF-AOR-1/2

‘Я никогда не опаздывала.’

(2) nu qam-ħa-d-urh-i-ra .

я.ABS PVB-NEG-F1-опаздывать.IPF-AOR-1/2

murt-lla

когда-PRON.NEG

‘Я не опаздывала когда-то.’

- Серия неопределенных местоимений на -Cl-(w)ak'ara

(3) itti-ze če-b-wak'ara b-alh-an-u

тот.далеко.PL-INTER

кто-N-PRON.REF

N-знать-2/3-Q

‘Он кого-нибудь знает?’

- Серия неопределенных местоимений на -k'al

(4) nab išbari si-k'al

я.DAT

сегодня

что-PRON.NEG

b-ig-uwe

agwara

N-хотеть.IPF-AOR.CONV

COP.NEG.PRS

‘Мне сегодня вообще ничего не хочется.’

В таблице 1 приведены все, известные на данный момент, элементы серий неопределенных местоимений мегебского диалекта.

Таблица 1. Основные элементы трех серий неопределенных местоимений

	Вопросит. местоимения	-Cl-(w)ak'ara	-lla	-k'al
лицо	čija	čijabwak'aral čebwak'ara	čijalla	čik'al
предмет	sija	sijabwak'ara sebwak'ara	sijalla	sik'al
место	kuda	kudabwak'ara	kudalla	
время	murta	murt(a)bwak'ara	murtalla	
способ	sawwa	sawwabwak'ara	sawwaalla	
количество	čuma	čumabwak'aral daqildwak'ara kidadwak'ara	čum-lla	
от числительн ого са 'один'		caribwak'ara	calla	

Глядя на парадигмы серии на -k'al и на -Cl-(w)ak'ara, представленные в таблице 2, можно заметить, что порядок аффиксов в них существенно различается. В серии на -k'al за основой вопросительного местоимения следует неопределенный суффикс, к которому присоединяется показатель падежа или косвенной основы и падежа, тогда как в серии на -Cl-(w)ak'ara, суффиксы косвенной основы и/или падежа расположены между местоименной основой и маркером серии. Что касается серии на lla, то она, судя по всему, демонстрирует ту же модель, что и серия на -Cl-(w)ak'ara. Подобное различие в построении серий объясняется, в частности, в статье [Haspelmath 993b: 281-286]. В ней рассматривается тенденция словоизменительных аффиксов к перемещению в крайнее (правое или левое) положение в словоформе в случае, если в процессе диахронического развития лексемы они, посредством грамматикализации, оказываются внутри словоформы. В мегебском диалекте, как и наиболее часто в языках мира, неопределенные местоимения являются дериватами от местоимений вопросительных, т.е. единицами, подвергшимися грамматикализации, и, таким образом, можно утверждать, что подобная перестановка имеет место в серии на -k'al.

Таблица 2. Парадигмы склоняемых элементов серий

	Person -k'äl	Thing -k'äl	Person -Cl-(w)ak'ara	Thing -Cl-(w)ak'ara	Person -lla
Nom. / Abs.	či-k'äl	si-k'äl	čija-b-wak'aral če-b-wak'ara	sija-b-wak'aral se-b-wak'ara	čija-lla
Erg.	či-k'a-j-ni	si-k'a-j-ni	hi-ni(ja)-b-wak'ara	se-li-ni-b-wak'ara	--
Gen.	či-k'äl	si-k'äl	hi-la-b-wak'ara	se-la-b-wak'ara	hi-la-lla
Dat.	či-k'a-j-s	sik'a-j-s	hi-sa-b-wak'ara	se-li-s-b-wak'ara	hi-sa-lla

2.3. Контексты употребления неопределенных местоимений

Ниже приведены примеры на функциональные типы, предложенные в [Haspelmath 1993a: 31-52].

- Контекст прямого отрицания: серия на -lla и -k'äl

- (5) itti-ze či-k'äl ḥa-balḥ-un
 он/она-INTER кто-PRON.NEG NEG-знать.PF-AOR
 ‘Он/она никого не знает.’
- (6) it kuda-lla ḥ-a^q-un
 он куда-PRON.NEG NEG-идти.IPF-AOR
 ‘Он никуда не ходил.’

- Контекст непрямого отрицания: серия на -lla и -k'äl

В случаях непрямого отрицания (Superordinate negation) используется та же серия, что и в прямом отрицании, см. пример (7):

- (7) nab ḥa-b-irk-an di-ze
 я.DAT NEG-N-случиться-2/3 я-INTER
 či-k'äl gub-ra ile
 кто-PRON.NEG видеть.PF-1/2 здесь.рядом
 ‘Я не думаю, что я здесь кого-то видел.’

• Референтное местоимение, референт говорящему не известен: серия на -Cl-(w)ak'ara, субстантивированное числительное са ‘один’, примеры (8), (9):

(8) sija-b-wak'ara	b-ik-ib
что-N-PRON.REF	N-случиться.IPF-IPFT
‘Что-то случилось.’	

(9) ca-li-ni	ħu	xarwi-uwe
один-OBL-ERG	ты	спрашивать.PF-AOR.CONV
le-w-re быть-M-PST		

‘Кто-то про тебя спрашивал [говорящий не знает, кто именно].’

- Нереферентное местоимение в ирреальном контексте: серия на -Cl-(w)ak'ara

(10) χ-a	nab	se-b-wak'ara	b-erk ^w -es
дать-IMP	я.DAT	что-N-PRON.REF	N-есть-INF
‘Принеси мне что-нибудь поесть.’			

(11) se-b-wak'ara	χ-a	nab
что-N-PRON.REF	дать-IMP	я.DAT
šahar-li-če-la базар-OBL-SUP-EL ‘Привези мне что-нибудь с базара.’		

- Нереферентное местоимение в контексте общего вопроса: серия на -lla и -k'al:

(12) nu	murta-lla
я.ABS	когда-PRON.NEG
qam-d-urh-ib-u	
PVB-F1-опаздывать.IPF-AOR-Q	

‘Я когда-нибудь опаздывала?’

- Контекст свободного выбора (Free choice): серия на -Cl-(w)ak'ara

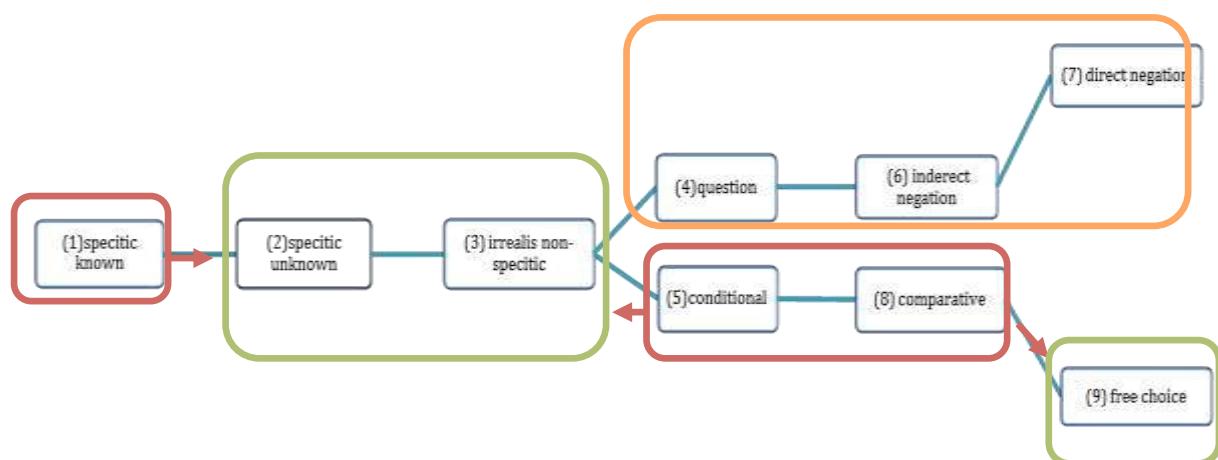
(13) il	kuda-w-akara	a ^f q'-un-i
он	куда-M-PRON.REF	идти-AOR-IMP
‘Он мог уехать куда угодно.’		

Примеров на контексты с референтным местоимением, референт которого говорящему известен, нереферентным местоимением в протазисе условного предложения и нереферентным местоимением в стандарте сравнения в компаративной конструкции собрано не было. Однако, используя метод семантического картирования [Haspelmath 1997: 58-85]

можно попытаться спрогнозировать, местоимения каких серий будут использоваться в этих функциях.

2.4. Семантическая карта

Согласно принципам построения семантической карты, если элементы серии используются в двух каких-либо контекстах, то во всех контекстах, находящихся между этими двумя, будут использованы элементы этой же серии. Таким образом, можно предположить, что, в контекстах с неопределенными местоимениями, референт которых известен говорящему, будут использованы местоимения серии на -Cl-(w)ak'ara либо специальной серии, для которой эта семантическая функция будет единственной.

- серия на -lla и -k'al.
- серия на -Cl-(w)ak'ara.
- функциональные контексты без релевантных примеров.

3. Субстантивированное числительное са ‘один’

Числительное са ‘один’ может употребляться в тех же в контекстах, что и неопределенное референтное местоимение, примеры (14), (15), (16).

Кроме того, числительное *са* ‘один’ употребляется в качестве артикля при неопределенных местоимениях всех трех серий и именах, как в примере (17).

- (17) nab ca si-k'al
я.DAT один что-PRON.NEG
d-ig-uwe le-b
F1-хотеть.IPF-AOR.CONV быть-N
‘Я хочу кое-что [я знаю, что именно].’

Одна из субстантивированных форм множественного числа этого числительного подверглась грамматикализации. Речь идет о местоимении *са-Cl-eħ* ‘некоторые’, которое употребляется преимущественно в речи старшего поколения, в речи же молодежи произошла редукция до *сеħ*, что видно из примеров (18) и (19).

- (18) ceħ-li-s b-a-ib sadaq 'a.
одни-OBL-DAT HPL-достичь.IPF-IPFT садака
‘Кому-то досталось садака.’

(19) ca-b-eħ-li-šu-la šin k-i-r-a.
один-HPL-PL-OBL-AD-GEN вода провести.IPF-AOR-1/2
‘От кого-то воду провели.’

4. Заключение

Выше были рассмотрены неопределенные местоимения мегебского диалекта, а также типологически примечательные случаи экстернализации словоизменения и грамматикализации.

Поле для дальнейших исследований неопределенных местоимений на базе мегебского диалекта весьма обширно – сбор функциональных контекстов и серий, оставшихся неохваченными, более детальное изучение контекстов, в которых встречаются те или иные серии, структурирование и интерпретация некоторых уже полученных пограничных данных, не задействованных в ходе этой работы.

Литература

1. Абакарова Ф.О. Именное склонение в уркарахском диалекте даргинского языка: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955.
2. Абдулаев С.Н. Грамматика даргинского языка. Фонетика и морфология. Махачкала, 1984.
3. Магомедов А.А. Мегебский диалект даргинского языка: Исследование и тексты. Тбилиси, 1982.
4. Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford, 1997.
5. Haspelmath M. The diachronic externalization of inflection. Linguistics. 31: 279-309.
6. Sumbatova N.R., & Mutalov R.O. A Grammar of Icari Dargwa. Munich and Newcastle, 2003.

С.Е. Шешенин
ИЯз РАН, Москва

Вокализм мегебского языка в экспериментально-фонетическом освещении¹

В статье представлены результаты экспериментально-фонетического исследования вокализма мегебского языка, проведённого на основе полевых записей. Анализ материала позволил выявить основной набор гласных звукотипов языка и их частотные характеристики. Отдельное внимание в статье уделяется проблеме фарингализации и её роли в системе фонологических противопоставлений в мегебском вокализме.

Ключевые слова: *даргинские языки, мегебский язык, экспериментально-акустическая фонетика, вокализм, фарингализация.*

The present article presents the results of the acoustic analysis of Mehweb vowel system performed on some recently gathered field recordings. The acquired data allowed us to isolate the most common vowels and their formant frequencies. The study also explores the phonetic and phonological aspects of pharyngealization in Mehweb.

Keywords: the Dargi\Dargwa languages, the Mehweb language, acoustics, phonetics, vowels, pharyngealization.

Мегебский язык принадлежит к числу бесписьменных одноаульных даргинских идиомов и является языком бытового общения в селении Мегеб Гунибского района республики Дагестан. В связи с расположением аула в аварском регионе мегебцы вплоть до недавнего времени разделяли аварскую идентичность, и в школе литературный аварский до сих пор преподаётся им в качестве родного. При этом мегебцы традиционно считают себя выходцами из даргинского селения Муги (см. [Услар 1982:4], [Магометов 1982:4]), хотя взаимопонимание носителей мегебского и мугинского идиомов весьма затруднено.

В имеющихся исследованиях звуковой строй мегебского языка описывается исключительно на основании слуховых

¹ Данное научное исследование (13-05-0007) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

впечатлений и лишь с недавних пор к нему стал применяться инструментарий экспериментальной фонетики [Мороз 2013]. Данное исследование призвано частично восполнить этот пробел в следующих областях:

- 1) Формантная структура основных гласных звукотипов и их место в системе фонологических противопоставлений.
- 2) Типы реализации фарингализованных гласных.
- 3) Позиционные изменения гласных в различном консонантном окружении.

Материалом для исследования послужили полевые записи двух экспедиций в село Мегеб 2013 и 2014 годов с участием нескольких носителей разных возрастов. Помимо записей глагольного и именного словарей были также использованы репрезентативные экспериментальные списки, куда, помимо реальных лексем, входили и искусственные слова. Запись велась в тихих закрытых помещениях на цифровые диктофоны в формате wav.

В качестве основных акустических коррелятов обособления одного звукотипа от другого были использованы значения первых двух формант (F1 и F2 соответственно) гласных в позиции под ударением и\или в абсолютном начале слова. Для работы над записями использовались программы Praat и SoundForge. В процессе замеров был установлен верхний частотный порог 5500 Гц для женских голосов и 5000 Гц для мужских.

Общие характеристики вокализма

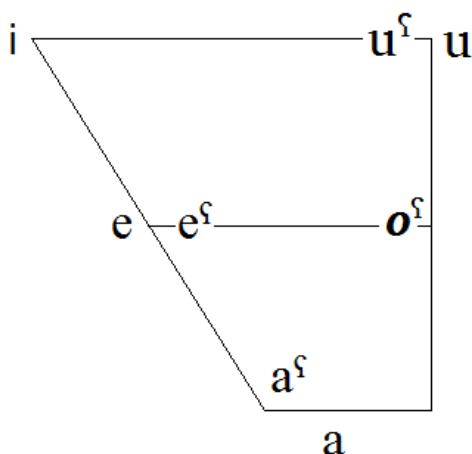

Рисунок 1. Артикуляционная схема мегебского вокализма по Магометову.

На рисунке 1 изображена схема мегебского вокализма, представленная в монографии А. Магометова. Фонема \o\ на ней отмечена курсивом, так как результаты нашего исследования не позволяют присвоить ей статус смыслоразличительной единицы, о чём более подробно будет сказано ниже. Средние значения F1 и F2 всех описанных Магометовым звукотипов зафиксированы в таблицах 1 и 2.

За время своего изолированного существования мегебский накопил ряд самостоятельных черт на различных языковых уровнях. В области вокализма такой новацией является расширенный набор фарингализованных гласных: /a^f/, /u^f/, /e^f/ . Звук [i] подвержен только позиционной фарингализации, возникающей в соседстве с [h] и [?] (например, в слове a^f?i^fbi (калека)), и потому не включается в список фарингализованных фонем.

В литературном даргинском постулируется наличие только одной глottализованной фонемы - \a\ [Абдуллаев 1954: 24]. Здесь необходимо сделать оговорку, что мы не рассматриваем глottализацию \a\ в даргинском как нечто принципиально отличное от мегебской фарингализации и в данном случае используем эти два термина как равноправные. Так или иначе, разрешить этот спорный момент могли бы только данные рентгенографические исследований, которые, к сожалению, для даргинского пока проведены не были.

Акустические характеристики

Таблица 1. Нефарингализованные гласные

	i	e	a	u
F1 (Гц)	380	505	680	420
F2 (Гц)	2370	2180	1340	1085

Таблица 2. Фарингализованные гласные

	o ^f	a ^f	u ^f	e ^f
F1 (Гц)	600	610	410	420
F2 (Гц)	1200	1050	1600	2200

Нефарингализованные гласные в мегебском имеют вполне стандартные частотные характеристики, в целом совпадающие с

аналогичными звукотипами, например, в русском [Кодзасов, Кривнова 2011]. Фарингализованные за вычетом, собственно, особого типа фонации характеризуются заметным сдвигом средних показателей F2 у [u^ѓ] и [a^ѓ] относительно их нефарингализованных пар (см. таблицы 1 и 2). Данная закономерность, однако, проявляет себя не столь отчётливо в случае пары [e]\[e^ѓ] (эта пара звуков является так же минимальной фонологической – \e\ (зима) и \e^ѓ - (лето)), где изменение типа фонации играет заметно большую роль для смыслоразличения.

Заметным коррелятом фарингализации на осциллограмме является несколько более разрежённая структура периода при относительной подавленности амплитуды по сравнению с нефарингализованной парой.

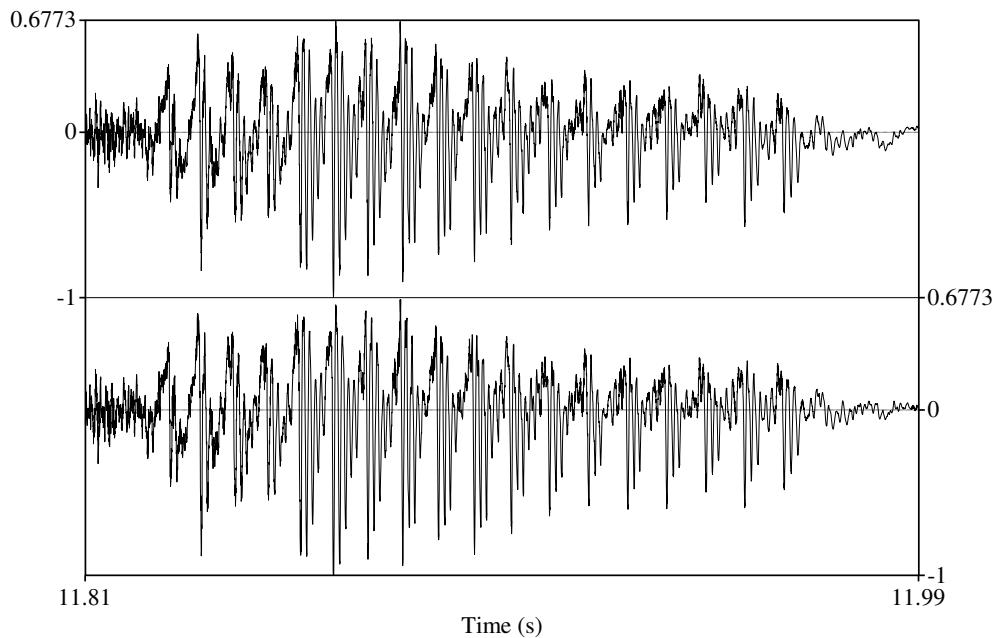

Рисунок 2. Осциллограмма [a^ѓ]

На рисунках 2 и 3 изображены осциллограммы, соответственно, фарингализованного и нефарингализованного [a] под ударением в составе однослогов с одинаковым консонантным окружением в изолированном произнесении. Подобные динамические изменения характерны для подавляющего большинства фарингализованных гласных, за исключением случаев, когда фарингализация выражается в изменении места артикуляции. Эти случаи более подробно будут рассмотрены ниже.

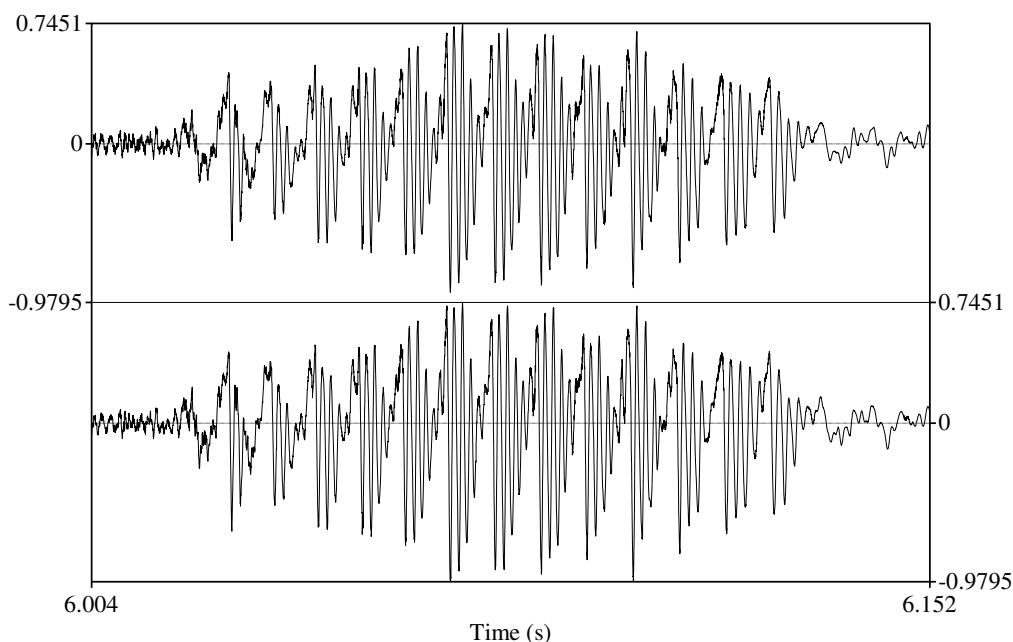

Рисунок 3. Оциллограмма [a].

Звук [о^ѓ] в мегебском не имеет нефарингализованной пары, и его фонологический статус представляется сомнительным. Как показало наше исследование, [о^ѓ] нередко является вариантом реализации \a\ или \u\ не только в речи разных носителей, но и при простом повторении лексемы (например, *o^ѓ? (горло быка)*) одним носителем.

Также следует отметить, что в отдельных случаях мегебский [u] в позиции абсолютного начала слова демонстрирует значения F1 порядка 285 Гц, а F2 - порядка 760 Гц у мужчин, что сближает его по характеристикам с русским [о] [Князев, Пожарицкая 2012: 408]. При этом «центр тяжести» обеих полос усиления мегебского [а] близок к верхним спектральным пределам таковых у [u] настолько, что вместе эти звуки практически не оставляют места для заднерядных гласных среднего подъема.

Ранее исследователями также отмечалась замена [о] на [u] в заимствованиях из аварского в речи старшего поколения [Магометов 1982:10]. Вместе эти факторы говорят о маргинальном характере употребления звукотипа [о^ѓ] и отсутствии у него смыслоразличительной функции.

Реализация фарингализованных

Применительно к фонеме /a^ѓ/, видимо, следует разделять фарингализацию собственно [Bellem 2005], выраженную в

характерном изменении структуры спектра (см. рис. 2), и отдельно - некоторое смещение места артикуляции. Так, /a^ε/ в материале нашего исследования реализуется как нефарингиализованное [æ] в 32% случаев и нередко сопровождается палатализацией предшествующего гласного. При этом чередование [a^ε] и [æ] не демонстрирует чёткой привязки к контексту, и фонологического значения не имеет.

Сходные процессы встречаются в реализациях /u^ε/, теряющих фарингиализованность в пользу некоторого смещения в сторону [ʊ], однако в материале нашего исследования это встречается сравнительно редко (15% случаев).

Аналогичные наблюдения касательно фарингализации задних гласных в цезском, сделанные европейским исследователем Бернардом Комри [Comrie 2005], подтолкнули его к той мысли, что, по всей видимости, более корректно рассматривать цезскую фарингализацию как эпиглоттализацию. Именно в этом случае, по мнению Комри, следует ожидать продвижения места артикуляции задних гласных вперёд. Учитывая, что мегебский консонантизм содержит как эпиглоттальный [ʔ], так и фарингальный [ħ], поднятый ранее вопрос о конкретной артикуляционной природе фарингализации в даргинских языках представляется ещё более актуальным.

В пользу гипотезы об эпиглоттальности, однако, говорит сравнительно малая разница в значениях формант между [e] и [e^ε] в мегебском, упомянутая выше, так как [e], в силу своей переднерядности, должен быть в меньшей степени подвержен продвижению места артикуляции вперёд нежели [a] или [u].

Помимо автоматической, фарингализация в мегебском может носить и независимый характер как слове [ra^εp] (строительный раствор из глины), однако никакой акустической разницы между автоматической и самостоятельной фарингализацией на материале исследования обнаружено не было.

Взаимодействие с консонантным окружением

Взаимодействие гласных мегебского языка с различным консонантным окружением характеризуется наиболее заметным влиянием губных и лабиализованных согласных с одного конца речевого тракта и увулярных [q], [χ] и [ʁ] с другого (не считая упомянутых выше эпиглоттальной смычки и фарингального спиранта).

Соседство с лабиализованными согласными понижает частоты F1 и F2 на протяжении участка в среднем в 1.5 раза меньшего, чем при взаимодействии с [w]. Данная закономерность стабильно проявляется себя в случае препозиции лабиализованного согласного и несколько реже в постпозиции.

Увулярный контекст напротив оказывает на полосы усиления расширяющий характер, особенно, когда согласный стоит перед гласным. В речи носителей \aqa\ (повесь) в транскрипции чаще всего выглядит как [aqa], вариант [aqa] на материале нашего исследования встречается сравнительно редко.

Заключение

По результатам нашего исследования вокализм мегебского языка в сумме содержит семь фонем, а не восемь, как предполагалось ранее, так как звукотип [o^f] не участвует в смыслоразличении и является вариантом реализации [u^f] или [a^f].

Фарингализация в мегебском может быть реализована как изменение места артикуляции гласного, что наиболее отчётливо проявляется в случае [a^f] и [u^f], реализующихся, соответственно, как [æ] и [ʊ] без изменения типа фонации.

Учитывая, что сходные явления в вокализме цезского исследователями трактуются как эпиглоттализация, есть основания полагать, что то же верно и для мегебского. Однако окончательный ответ на этот вопрос может дать только рентгенографическое исследование, уже давно весьма актуальное не только для даргинских, но и многих других нахско-дагестанских языков в целом.

Литература

1. Абдуллаев С. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954ю
2. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.
3. Магометов А.А. Мегебский диалект даргинского языка (Исследование и тексты). Тбилиси, 1982.
4. Мороз Г.А. Фонология и фонетика консонантной системы мегебского языка в сопоставлении с другими даргинскими идиомами // Сборник научных статей по материалам Второй конференции школы «Проблемы языка: взгляд молодых учёных» Москва: Институт языкознания РАН, 2013. С. 227-288.

5. Bellem A. ‘Pharyngeal’ and ‘Pharyngealisation’ in the Caucasian Languages: Phonological Correlates vs Phonetic Realisations. SOAS, University of London, 2005.
6. Comrie B. Introduction to Caucasian. Lingua. Issue 115, Volume 1. Elsevier, 2005.

И.В. Яковлева
УлГУ, Ульяновск

Семантический переход ‘говорить’ - ‘указывать’ в аспекте лексической типологии

Статья посвящена исследованию механизмов семантического перехода ‘говорить’ – ‘указывать’ в 10 языках, принадлежащих к различным генеалогическим группам. Этот переход позволяет глаголам речи принимать неагентивный субъект, как в предложении *Этот факт говорит о многом*. Рассматриваемый семантический переход характерен для целого ряда языков, однако его реализация в различных языках обладает определенными особенностями. Кроме того, во многих языках он соседствует с другим типом метафорического употребления глаголов речи, при котором глагол со значением ‘говорить’ обнаруживает также способность сочетаться с таким типом неагентивного субъекта, который заполняет семантическую роль носителя информации, как в предложении *Все газеты говорили об этом событии*. Мы предполагаем, что в основе этих двух явлений лежат разные семантические процессы, изучение которых является целью данного исследования.

Ключевые слова: лексическая типология, семантический переход, грамматика конструкций, глаголы речи, семантические роли, метафора, метонимия, ребрендинг.

This study focuses on the semantic shift ‘speak’ - ‘indicate’ from the perspective of lexical typology. It deals with 10 languages belonging to different genealogical groups (Russian, Polish, English, German, Swedish, Yiddish, Tatar, Hebrew, Abkhaz and Chinese). The semantic shift under study enables speech act verbs to take a non-agent subject, as in *It tells of his desire to come back*. In some languages this semantic shift is accompanied by another type of metaphorical extension in the lexical domain of speech act verbs, which enables the verb to take such a non-agent subject that associates with a certain agent one, i. e. the author of the text, as in the article says. It seems that these 2 types of metaphorical extension are caused by different semantic processes; the nature of these processes (metaphor, metonymy, rebranding) is investigated in this study.

Keywords: lexical typology, semantic shift, Construction Grammar, speech act verbs, semantic roles, metaphor, metonymy, rebranding.

1. Введение

Данное исследование посвящено одному из аспектов семантической структуры глаголов речи, а именно семантическому переходу ‘говорить’ — ‘свидетельствовать, указывать’ в 10 языках (русский, польский, английский, немецкий, шведский, идиш, татарский, иврит, абхазский и китайский). Рассматриваемый переход позволяет глаголам речи принимать неагентивный субъект, как в предложении *Этот факт говорит о многом*. Исследование проводится в русле лексической типологии, создающей описания лексических систем с опорой на семантические параметры, при этом интерес представляют не только прямые значения, но и метафорические употребления. В этом плане наше исследование может опираться на опыт широко известного системного типологического описания глаголов движения в воде [Глаголы движения... 2007; Рахилина, Резникова 2013] и на идеи построения каталога семантических переходов [Зализняк Анна А. 2013]. Однако от упомянутого описания глаголов движения в воде наше исследование отличается невозможностью структурировать лексическую область глаголов речи с опорой на фреймы, отражающие некоторые наблюдаемые пространственные отношения. Думается, что решению этой проблемы может служить конструкционный подход, позволяющий изучать семантику глагольных лексем посредством анализа конструкций, в которые они способны встраиваться. При таком подходе изучаемые глагольные лексемы рассматриваются не отдельно, а в составе конструкций. Представляемые данным подходом возможности описания обусловлены присущим ему синтезом синтаксиса и семантики и пониманием сути механизмов взаимодействия значений. Грамматика конструкций рассматривает конструкции как особые единицы языка, которыми носитель языка оперирует целиком, следовательно, конструкции обладают своей семантикой, определяющей их синтаксическую структуру и семантические ограничения на заполнение мест. Наряду с использованием естественного семантического метаязыка и элементарных смыслов,

исследование подобных ограничений может способствовать выявлению семантических параметров, структурирующих лексическую область глаголов речи. Поэтому в ходе данного исследования предполагается учитывать не только парадигматические противопоставления глаголов, но и информацию о типе субъекта, объекта и т. д.

Обращаясь непосредственно к семантике глаголов речи, необходимо отметить, что для ряда европейских языков (английский, шведский, немецкий) данные лексические системы описывались с опорой на разработанный А. Вежбицкой естественный семантический метаязык, состав которого, однако, может оказаться неэлементарным [Wierzbicka 1987; Harras, Winkler 1994; Burenhult 1999]. Что касается русского языка, особую ценность для нашего исследования имеют исследования Московской семантической школы, в частности, выполненное Анной А. Зализняк [Зализняк Анна 1991] детальное описание семантики глагола *говорить*, а также данные «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна [НОСС 2003] и др.

Во многих языках семантический переход ‘говорить’-‘свидетельствовать, указывать’ соседствует с другим типом метафорического употребления глаголов речи, при котором глагол со значением ‘говорить’ обнаруживает также способность сочетаться с таким типом неагентивного субъекта, который заполняет семантическую роль носителя информации, как в предложении *Все газеты говорили об этом событии*. Нашей задачей является изучение вопроса о том, какие семантические процессы лежат в основе этих двух явлений.

С точки зрения языкового материала исследование базируется на данных языковых корпусов, в частности, основного и параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Корпуса текстов украинского языка, Национального корпуса польского языка, корпусов немецкого и французского языка сайта CorpusEye, Корпуса языка идиш (СМЯ), Письменного корпуса татарского языка, Корпуса иврита и т. д. Исследование включало также беседы с информантами и заполнение анкет. Это особенно касается языков, не имеющих языковых корпусов, таких как абхазский. Мы также обращались к словарям, которые, однако, могут содержать неполную или устаревшую информацию.

2. Тип субъекта и семантические признаки в структуре глаголов речи

Как уже упоминалось выше, семантический переход ‘говорить’ — ‘свидетельствовать, указывать’ часто соседствует с другим типом метафорического употребления глаголов речи, при котором глагол со значением ‘говорить’ обнаруживает также способность сочетаться с неагентивным субъектом, заполняющим семантическую роль носителя информации. Относительно распределения этих двух семантических процессов в системе глаголов речи рассматриваемые языки могут быть условно разделены на четыре группы. В первой группе языков источником для этих двух типов метафорического расширения служит один и тот же глагол (славянские языки, французский, немецкий, шведский, идиш, эрзянский), в то время как в языках второй группы при наличии нескольких базовых глаголов речи один из них служит источником для семантического перехода ‘говорить’ — ‘указывать’, а другой обнаруживает способность сочетаться с неагентивным субъектом, заполняющим валентность источника информации (английский и абхазский языки). К третьей группе относятся языки, допускающие только семантический переход ‘говорить’ — ‘указывать’ (татарский, иврит), а к четвертой группе — языки, допускающие метафорическое употребление только глаголов со значением ‘сообщать’ и ‘свидетельствоват’ (китайский язык).

2.1. Языки первой группы

В языках первой группы источником для рассматриваемых двух типов метафорического расширения служит один и тот же глагол. Обращаясь к русскому языку, мы видим, что подобный переход характерен для глагола *говорить* в отличие от его видового коррелята *сказать* (присутствующие в НКРЯ немногочисленные примеры подобного употребления глагола *сказать* носят явно маргинальный характер). В то же время в идише рассматриваемый семантический переход развивается у глагола *zogn*, который является в некотором смысле семантическим коррелятом русского глагола *сказать* в плане отношения однократное/многократное действие, однако, вероятно, отличается в отношении **акциональности**, что играет ключевую роль в данном вопросе, поскольку в основе данного семантического перехода лежит процесс ребрендинга

[Лингвистика конструкций 2010], требующего смены аргументной структуры глагола и изменения его акционального класса. Дело в том, что русский глагол *сказать* обозначает событие, о чем свидетельствует и тот факт, что именно этот глагол в русском языке оказывается «привязанным» к прошедшему времени, как показано в [Там же: 36], в то время как глагол *говорить* обозначает процесс. В результате семантического перехода ‘говорить’ — ‘свидетельствовать, указывать’ меняется акциональный класс глагола, и в конструкции с неагентивным субъектом глагол *говорить* обозначает состояние, при этом состояние все же ближе к процессу, чем к событию.

Определенное значение имеет также вопрос о степени освоения рассматриваемым производным значением ‘указывать’ синтаксических характеристик глаголов речи, в частности, способен ли глагол в сочетании с неагентивным субъектом принимать предложное дополнение, реализующее валентность темы. Такая способность наблюдается у глаголов со значением ‘говорить’ во многих славянских языках. Это глаголы *говорити* в украинском, *гаварыць* в белорусском и *mówić* в польском. Именно так обстоит дело и в русском языке [Яковлева 2012]. С другой стороны, значение ‘свидетельствовать’ реализуется у немецкого глагола *sprechen* ‘говорить’, делая его способным встраиваться в конструкцию с неагентивным субъектом. Однако с неагентивным субъектом глагол *sprechen* способен сочетаться только в рамках конструкции с предлогом *für* ‘для’, который в немецком языке не способен вводить роль темы. Таким образом, данное значение не полностью осваивает синтаксическую структуру глагола. Такое положение вещей характерно для германских систем глаголов речи в целом. В частности, в шведском глагол *tala* ‘говорить’ в сочетании с неагентивным субъектом употребляется в конструкциях с предлогами *för* ‘для, в пользу’ и *(e)mot* ‘против’, но при этом не способен встраиваться в конструкции с предлогами, вводящими семантическую роль темы [Burenhult 1999].

В то же время типологически близкие лексические системы могут оказывать определенное влияние друг на друга. Так, наиболее частотным и многозначным глаголом речемыслительного действия в идише является глагол *redn* (‘говорить’). В нашей статье мы будем опираться на структуру

значений данного глагола, предложенных в «Русско-еврейском (идиш) словаре». Из выделенных в данном словаре значений этого глагола три способны сочетаться с предлогами *vegn* ('о') и *fun* ('о'). Это значения 'говорить, разговаривать', 'сообщать' и 'свидетельствовать'. Интересно отметить, что два последних значения могут быть выделены и у его видового коррелята *zogn* ('сказать').

- (1) Mir hobt **geredt vegn** undzere kinder.
‘Мы говорили о наших детях.’
- (2) Der avtor funem artikl **redt vegn** der neyer tekhnik.
Автор статьи говорит о новой технике.
- (3) **Vegn** vos **zogt** es undz?
‘О чем это нам говорит?’

В идише валентность темы может вводиться двумя предлогами: *vegn* ('о') и *fun* ('о'). Наиболее частотной и, соответственно, продуктивной становится конструкция с предлогом *vegn* ('о'). Именно в эту конструкцию встраиваются глаголы *redn* и *zogn* в новом значении 'свидетельствовать'. Что касается конструкции с предлогом *fun* ('о'), она становится характерной для разговорной речи. Таким образом, глаголы речемыслительного действия в идише как бы распадаются на две группы: одни глаголы, такие как *meldn* ('сообщать'), а также *redn* и *zogn* в значении 'сообщать', 'свидетельствовать' могут употребляться только в конструкции с предлогом *vegn* ('о'), а другие глаголы, носящие более разговорный характер, например, *dertseyln* ('рассказывать'), *shmuesn* ('беседовать, разговаривать') способны встраиваться как в конструкцию с предлогом *vegn* ('о'), так и в конструкцию с предлогом *fun* ('о'). В Корпусе языка идиш не найдено ни одного употребления глагола *meldn* ('сообщать') с предлогом *fun* ('о'), в то же время в конструкции с предлогом *vegn* ('о') этот глагол встречается 17 раз. Интересно отметить, что для немецких конструкций с предлогами *über* 'о' и *von* 'о', вводящими семантическую роль темы, не характерно стилистическое противопоставление. Как показывают данные корпуса немецкого языка сайта CorpusEye, характерный для официального стиля речи глагол *benachrichtigen*, единственный предикат со значением 'сообщать', способный принимать предложное дополнение, свободно встраивается как в

конструкцию с предлогом *über* ‘о’, так и в конструкцию с предлогом *von* ‘о’. Напротив, в славянских языках, в частности, в русском, присутствует подобное противопоставление в системе глаголов речемыслительного действия. Некоторые глаголы, характерные для официальной речи, такие, как *свидетельствовать*, *сообщать*, действительно способны встраиваться только в конструкцию с предлогом *o*, в то время как глаголы, характерные для разговорной речи, такие, как *болтать*, могут употребляться как в конструкции с предлогом *o*, так и в конструкцию с предлогом *pro* [Яковлева 2012]. Таким образом, мы предполагаем, что данная семантическая область испытала в целом значительное влияние славянской модели. Л. Талми [Talmy 1987] выделил основные принципы, управляющих заимствованиями на уровне грамматики. Как представляется, соответствующие закономерности наблюдаются и в ходе семантических заимствований в той или иной лексической области. Одним из таких принципов является то, что метазначение какого-либо морфемного класса языка-источника может заимствоваться только схожей синтаксической категорией, уже имеющей в своем репертуаре значений подобные окказиональные употребления. Язык-реципиент, как правило, не заимствует ни синтаксические категории, ни значения того морфемного класса языка-источника, параллелей которому не имеет. Говоря о семантике глаголов речемыслительного действия в идише и их способности встраиваться в конструкции с предлогами *vagn* (‘о’) и *fun* (‘о’), нужно отметить, что сама возможность влияния славянской модели на распределение значений как отдельных глагольных лексем, так и инкорпорирующих их конструкций в пределах данной семантической области была обусловлена наличием в идише глаголов *redn* (‘говорить’) и *zogn* (‘сказать’) с тем же прототипическим значением, что и у их славянских соответствий *говорить* и *сказать*, а также существованием двух конкурирующих предлогов с валентностью темы *vagn* (‘о’) и *fun* (‘о’).

Данные языков первой группы позволяют предположить, что на способность глагола к семантическому переходу оказывает влияние акциональный класс глагола. Кроме того, определенное значение в этой связи имеет изучение способов выражения валентности темы при глаголах речи. Дело в том, что даже в

языке, в котором производное значение полностью осваивает синтаксические характеристики исходного глагола, в частности, в русском, может наблюдаться некоторое ограничение на сочетаемость с конкурирующими предлогами, вводящими роль темы. В сочетании с неагентивным субъектом глагол говорить может встраиваться только в конструкцию с предлогом *о*, не допускающим отступление от темы, но не с предлогом *про*, который подобное отступление допускает.

2.2. Языки второй группы

В языках второй группы при наличии нескольких базовых глаголов речи один из них служит источником для семантического перехода ‘говорить’ — ‘указывать’, а другой обнаруживает способность сочетаться с неагентивным субъектом, заполняющим валентность источника информации. Так в английском языке способностью свободно сочетаться с таким неодушевленным субъектом, который ассоциировался бы с каким-либо одушевленным, обладает глагол *say* ‘сказать’,ср. широко распространенное выражение *the article says*. В то же время глагол *speak* ‘говорить’ употребляется в конструкции с неагентивным субъектом окказионально, в частности, в составе идиомы *speak volumes about* ‘говорить о многом’: *Inner speech speaks volumes about the brain* ‘Внутренняя речь многое говорит о мозге.’ Как показывают корпусные данные, другие употребления глагола *speak* ‘говорить’ с неагентивным подлежащим, в частности, такие как отмечаемые в «Новом большом англо-русском словаре» под общим руководством ак. Ю. Д. Апресяна сочетания *his countenance spoke regret* ‘на его лице выразилось сожаление’ и *everything in the house speaks of refined taste* ‘все в доме говорит о хорошем вкусе’ [Новый большой англо-русский словарь 1994, т. 3: 313], являются окказиональными и могут рассматриваться скорее в рамках стилистической, а не концептуальной метафоры. В то же время способность встраиваться в конструкцию с неодушевленным субъектом обнаруживается у глагола *tell*, что свидетельствует о значимости в пределах данной лексической области английского языка такого семантического признака, как **мотивировка сообщения** (услышать и/или узнать), что характерно и для русской системы глаголов речи, в частности, синонимического ряда глагола

рассказывать [НОСС 2003: 959], однако в русском языке этот признак не влияет на тип субъекта.

Интересную стратегию представляет абхазский язык, где значение ‘говорить’ в сочетании с косвенным дополнением выражается одним глаголом (абхазский глагол *ацәажәара*), в то время как глагол *аҳәара* способен сочетаться с агентивным субъектом в конструкции с прямым дополнением: *аиаша ихәоит* ‘он говорит правду’. Именно глагол *аҳәара* обнаруживает способность к семантическому переходу ‘говорить’ — ‘свидетельствовать, указывать’, в то время как глагол *ацәажәара* способен сочетаться с неагентивным субъектом, заполняющим валентность носителя информации.

(4) *Иара далацәажәоит ашәкәы.*

Он говорить-PRES.3.Sing.Masc. книга
‘Он говорит о книге’.

(5) *Агазетқәа ахтყысқәа ирылацәажәон.*

Газета-Pl. событие говорить-PRES.3.Pl.
‘Газеты говорили о событии’.

(6) *Ари шаҳәоит рацәоуп.*

Это говорить-PRES.3.Sing.Masc. многое
‘Это говорит о многом’.

Как в китайском и иврите, в конструкции с агентивным субъектом определенное значение имеет также выражение валентности адресата, с которым способен сочетаться только глагол *алацәажәара* ‘говорить’¹. Интересно отметить, что омонимы глагола *аҳәара* ‘говорить’ обладают целым рядом значений, требующих именно неагентивного субъекта, например ‘выпасть’ (о росе). Возможно, омонимия подобного рода объясняется тем, что, как показывает материал «Этимологического словаря адыгских (черкесских) языков» [Шагиров 1977], абхазская основа *хъуа* ‘говорить’ сближается с адыгской основой *Іүэн* (*Іон*) ‘говорить’, которая на основании адыгейского материала возводится к историческому корню *Іуы*,

¹ Едва ли не большее значение данные факторы приобретают в родственном абхазскому адыгейскому языке, где в конструкции с прямым объектом употребляется глагол *Іон* ‘говорить’, в конструкцию с косвенным объектом встраивается глагол *гуцыІэн* ‘говорить’, а в конструкцию с адресатом - глагол *дэггуцыІэн* ‘говорить, беседовать’.

означавшему одновременно ‘рот’ и ‘край’ [Там же: 159-160],ср. в русском языке метафорическое употребление *Он не проронил ни одного слова. и Давай ронять слова, как сад янтарь и цедру...* (Б. Пастернак). Такая семантическая структура абхазского глагола *aχəara* способствовала развитию сочетаемости с прямым дополнением, в то же время препятствуя появлению у данного глагола семантической роли адресата. Семантический переход ‘говорить’-‘свидетельствовать, указывать’ становится возможным именно для глагола *aχəara*, при этом снимается ограничение на косвенное дополнение при данном глаголе, т. е. происходит перестройка аргументной структуры глагола. Данные английского и абхазского языков указывают на том, что в основе двух рассматриваемых в нашем исследовании явлений лежат разные процессы. Если в основе семантического перехода ‘говорить’ — ‘свидетельствовать, указывать’ лежит ребрендинг, то появление при глаголе речи неагентивного субъекта, заполняющего валентность носителя информации, связано с метонимией.

2.3 Языки третьей группы

Что касается третьей группы языков, здесь отмечается неспособность глагола речи сочетаться с таким неодушевленным типом субъекта, который ассоциируется с соответствующим одушевленным, т. е. заполняет семантическую валентность носителя информации. Так в татарском языке субъект *гәҗисләр* (‘газеты’) имеет тенденцию сочетаться с предикатом *язу* (‘писать’), но не с предикатом *сөйләү* (‘говорить’), что свидетельствует о влиянии на тип субъекта такого семантического признака, как **форма передачи информации** (устная/письменная). Этот признак релевантен для русской системы глаголов речи [НОСС 2003: 959], но не влияет на тип субъекта.

В иврите в конструкцию как с агентивным, так и с неагентивным подлежащим способен встраиваться глагол *lomar* ‘говорить’, в то время как с субъектом, заполняющим семантическую валентность носителя информации, употребляются глаголы *ledaveakh* ‘сообщать, передавать сообщение’, *limsor* ‘сообщать’ и *likhtov* ‘писать’. Определенное значение имеет также тип объекта. Так, глагол *lomar* ‘говорить’ требует прямого объекта, в то время как глагол *ledaber* ‘говорить’

подобных ограничений не накладывает. Выражение валентности адресата в конструкции с агентивным субъектом делает возможным употребление глагола ledaber ‘говорить’, а не lomar ‘говорить’.

2.4 Языки четвертой группы

В языках четвертой группы рассматриваемые семантические процессы отсутствуют. В конструкцию с агентивным субъектом в значении ‘говорить’ встраиваются глаголы shuō и его производные; tǎolùn, tánlùn, yílùn, в конструкцию с субъектом в функции носителя информации - глагол bàodǎo ‘сообщать, показывать’; а в конструкцию с неагентивным субъектом — глаголы shuōmíng, biǎomíng, zhèmíng в значении ‘свидетельствовать’ и глагол zhī de shí ‘иметь в виду’:

(7) tā zài tán shí
он сейчас говорить книга
'Он говорит о книге'.

(8) bào zhī bàodǎo shíjiàn
газета показывать сообщать событие
'Газеты говорят о событии'.

(9) zhè gè shìshí biǎomíng le xǐduō de shiqíng
этот CLF факт свидетельствовать уже много POSS дело
'Этот факт говорит о многом'.

3. Заключение

Таким образом, на тип субъекта при глаголах речи оказывают влияние такие семантические признаки, как акциональность глагола, мотивировка сообщения, форма передачи информации, невозможность отступления от темы сообщения. Способность предиката принимать прямое дополнение, заполняющее валентность содержания, делает семантический переход ‘говорить’ — ‘свидетельствовать, указывать’ более вероятным, в то же время наличие у глагола облигаторной валентности адресата может препятствовать осуществлению данного перехода.

В основе двух рассматриваемых в нашем исследовании явлений (семантического перехода ‘говорить’ — ‘свидетельствовать, указывать’ и употребления при глаголе речи неагентивного субъекта, заполняющего валентность носителя

информации) лежат разные процессы. Если в основе семантического перехода ‘говорить’ — ‘свидетельствовать, указывать’ лежит ребрендинг, то появление при глаголе речи неагентивного субъекта, заполняющего валентность носителя информации, связано с метонимией.

Интересно отметить, что пока не была обнаружена, казалось бы, вероятная стратегия, при которой становилось бы возможным употребление при глаголах речи неагентивного субъекта-носителя информации при отсутствии семантического перехода ‘говорить’ — ‘свидетельствовать, указывать’. Это может указывать на то, что осуществление данного семантического перехода может рассматриваться как первичный процесс. В то же время, как нам указала А. С. Панина, в японском языке, для которого в целом нехарактерны метафоры с неагентивным субъектом речи, тем не менее возможна конструкция *~shimbun ga iu* ‘газета ~ говорит’, которая, однако, по нашему мнению, в виду своей исключительности может рассматриваться как калька с английского *the article says*. Но вопрос о первичности семантического перехода ‘говорить’ — ‘свидетельствовать, указывать’ требует дополнительного исследования.

Литература

1. Глаголы движения в воде: лексическая типология. Майсак Т.А. , Рахилина Е.В. (ред.) М., 2007.
2. Зализняк Анна А. Словарная статья глагола *ГОВОРИТЬ* // Семиотика и информатика. 1991, вып. 32. С. 71-83.
3. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013.
4. Новый большой англо-русский словарь по общим рук. ак. Ю.Д. Апресяна. Т. 3. М., 1994.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2003.
6. Рахилина Е.В. (ред.) Лингвистика конструкций. М., 2010.
7. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания, №3, 2013.
8. Русско-еврейский (идиш) словарь, под ред. Шапиро М.А., Спивак И.Г., Шульман М.Я. М., 1989.

9. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977. Т. 2.
10. Яковлева И.В. Употребление предлогов *о* и *про* при глаголе *говорить* и его синонимах в современном русском языке // Русский язык в школе, №1, 2012. С. 71-76.
11. Burenhult N. PPs, particles and polysemy of a basic Swedish speech act verb // Working Papers 47. Lund: Lund University, 1999. P. 5-23.
12. Harras G., Winkler E. A Model for Describing Speech Act Verbs: the Semantic base of a Polyfunctional Dictionary // Proceedings of the 6th Euralex Conference. W. Martin et al. (eds.). Amsterdam, 1994. P. 440-448.
13. Talmy L. Borrowing Semantic Space: Yiddish Verb Prefixes between Germanic and Slavic // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1982.
14. Wierzbicka A. English speech act verbs: a semantic dictionary. Sydney, 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Агеева Е.В. (Москва)</i>	
Каузативы в мегебском языке	4
<i>Аристархова О.С. (Москва)</i>	
О некоторых особенностях использования иноязычной лексики в работах русских философов	12
<i>Бакланова Е.А. (Москва)</i>	
О влиянии заимствований на тагальский язык (с замечаниями о новой «Государственной орфографии»).....	20
<i>Беларев А.Н. (Москва)</i>	
Границы языка в прозе Пауля Шеербарта.....	33
<i>Вилинбахова Е.Л. (Санкт-Петербург)</i>	
Модели репрезентации глубинных тавтологий в русском языке.....	50
<i>Вяльцева Д.В. (Москва)</i>	
Устный дискурс детей в возрасте 6-7 лет.....	62
<i>Девяткина Е.М. (Москва)</i>	
Элементы мордовского национального костюма: сопоставление лингвистических и этнографических данных.	71
<i>Кашлева К.К. (Москва)</i>	
Модель многоязычного лингвострановедческого словаря по теме «Время».....	90
<i>Коваленко С.О. (Москва)</i>	
К анализу ритма русского языка акустическими параметрами.....	98
<i>Коровина Е.В. (Москва)</i>	
Проблемы вычленения заимствований в майя.....	104
<i>Краснощекова С.В. (Санкт-Петербург)</i>	
Синтаксис ранних детских местоимений.....	114
<i>Крылова А.С., Князева Е.М. (Москва)</i>	
Некоторые проблемы подготовки тезауруса для документирования языка куллуи (западный пахари).....	125
<i>Левин И.С. (Москва)</i>	
Реализация ударного этимологического *ê между мягкими согласными в говоре Устьянского района Архангельской области.....	139

<i>Мазурова Ю.В. (Москва)</i>	
Система превербов осетинского языка.....	149
<i>Макуни Е.А. (Москва)</i>	
Фикциональный комментарий как средство коммуникации автора и читателя.....	162
<i>Миронова Е.А. (Оренбург)</i>	
Анализ челобитных царю Алексею Михайловичу протопопа Аввакума и дьякона Игнения Соловецкого.....	171
<i>Мищенко Д.В. (Санкт-Петербург)</i>	
Универсальные кванторы в башкирском языке.....	179
<i>Оскольская С.А. (Санкт-Петербург),</i>	
<i>Шлуинский А.Б. (Москва)</i>	
К сопоставлению аспектуальной деривации в урало- алтайских языках.....	198
<i>Саакян В.Л. (Москва)</i>	
Особенности смыслового восприятия темы текста.....	220
<i>Стойнова Н.М. (Москва)</i>	
Побудительные употребления форм настоящего и будущего времени.....	227
<i>Тарасова М.А. (Москва)</i>	
Некоторые особенности функционирования предлогов в переводных поэтических текстах.....	244
<i>Шаповалова (Москва)</i>	
Некоторые особенности неопределенных местоимений мегебского диалекта даргинского языка.....	255
<i>Шешенин С.Е. (Москва)</i>	
Вокализм мегебского языка в экспериментально- фонетическом освещении.....	264
<i>Яковлева И.В. (Ульяновск)</i>	
Семантический переход ‘говорить’ - ‘указывать’ в аспекте лексической типологии.....	272
 <i>Содержание</i>	285

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

**Сборник научных статей по материалам
Третьей конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(25-27 сентября 2014 г.)**

Корректоры: Е.М. Девяткина, Ю.В. Мазурова,
Д.В. Маховиков, А.Б. Шлуинский

Компьютерная верстка: Е.М. Девяткина

Дизайн обложки: И.А. Крижановская

Подписано в печать 20.11.2014. Формат 60x84 1/16
Усл.печ.л. 19. Тираж 500. Заказ № 5110.

Отпечатано в типографии ООО ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС»
150062, г.Ярославль, пр-т Дорохотова, 16-158
Тел. (4852) 58-76-39